

Вещь

1(11)/2015

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Владислав Дрожащих

Георгий Звездин

ОДЕКАЛ

Проза

Андрей Якубовский

Татьяна Соколова

Драматургия

Игорь Яковлев

Вещь

1(11)/2015

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРМЬ 2015

Содержание

- 3.....**Владислав Дрожащих** *В пещерной тоске зрочка (стихи)*
- 9.....**Андрей Якубовский** *Бутылки (рассказ)*
- 14.....**Игорь Яковлев** *Гелиотропы в цвету (пьеса)*
- 26.....**ОДЕКАЛ** *Новая творь (стихи и проза)*
- 41.....**Татьяна Соколова** *Серёжа (рассказ)*
- 47.....**Георгий Звездин** *Элегия (стихи)*
- 52.....**Ольга Мельникова** *Тярпи, Зося, як пришлось! (мемуары)*
- 72.....**Дмитрий Заболотских** *Практика дзен, или Жизнь Учителя Жо (короткая проза)*
- 76.....**Михаил Куимов** *Безымянная площадь вокзала (стихи)*
- 78.....**Владимир Дерендяев** *Страшилки с хэппи-эндом (рассказы для детей)*
- 85.....**Марина Волкова** *ГУЛ: жизнь до жизни (практика поэзии)*
- 90.....**Юлия Подлубнова** *Лежало озеро с отбитыми краями... (об Озёрной поэтической школе)*
- 94.....**Елена Оболикшта** *Маленький личный карнавал против всепоглощающей смерти (о поэзии Яниса Грантса)*
- 102.....**Дмитрий Артис, Евгения Риц, Елена Баянгулова, Кристина Суворова, Александр Моисеев** *О книгах Александра Корамыслова, Ивана Колпакова, Елены Сунцовой, Екатерины Симоновой, Кирилла Азёрного, Александра Вавилова (рецензии)*
- 117.....**Авторы номера**

Владислав Дрожащих

В пещерной тоске зрачка

ПЕСНЬ ТРАВЫ

Чья безлюдная песнь — жуть,
а безлунная песнь — месть;
для кого государев путь,
для кого травяная честь.

Опечаленных звезд мост
опрокинут в холмистый мрак.
Тихим плачем укрыт погост,
и грустит травяной дурак.

Тьма, льдяные лучи прищурь:
ниоткуда и никуда —
посредине безмолвных бурь
на ресничке висит звезда.

На ресничке висит звезда —
ее в сторону не смахнуть,

и, пронзительнее стыда,
серебрит каменистый путь.

Раздувается звезд воз,
а сориночек так не счесть.
И слезится, как яркий воск,
дорогая царева весть.

Я не знаю, зачем красть
в тихом облаке яркий мрак
и люет какой князь,
и чему смеется дурак.

Я не знаю, зачем класть
свою голову на чурбан,
когда каждый себе князь,
травяным кругам — атаман.

ВТОРНИКОВСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Шел по музыке печальной
шахматер с дыханьем тяжким
и со схемой гоп-стопа
на стотысячной бумажке.
Наших планов гоп со смыком
втихаря любезной пташке
завещал он, поелику
доверялся не бумажке.

Не стотысячной бумажке,
иль какой-то сыскариной,
не бумажке-промокашке —
гоп со скрипкой, гоп с малиной!
Ход конем! — кокарда слева;
попляши плешивой пешкой
за армянской королевой
с эфиопской головешкой;

птеродактилем притален,
ниже пояса ударен
и с самим собою спарен,
как любовники вне спален,
чем сходил? — скажи подробней,
под статьей и под арестом,
с пьяной вилкой между ребер
пробираясь по оркестру.

Щиплет конь в полях квадратных
деревянную травину;
шахматер идет обратно,
ухмыляясь не по чину;
по уму, не по зарплате,
не по нобелевке пьяной,
а по музыке в квадрате
и, местами, очень странной.

Ход конем! — зигзаг печальный;
плачь, курилка! хнычь, абрашка!
Полуаркой триумфальной
с перламутровой растяжкой
ходит конь. На воробыный
шаг сбивается улитка.

По степи первоцелинной
шахматер идет со скрипкой.

ТАНЦУЛЬКИ

Снежинки-стервочки, прелестницы
снежинки;
над кодлой свадебной, в несвежей
пелеринке,
приплясывают, бедные, где пары нарасхват —
и колокола клик, и поцелуя смрад.

Снежинки-неженки, распутницы снежинки,
сминая юбочки, танцуют без запинки,
ресничкой ангела пронзая тощий зад,
со щек не оттерев ночной любовный смрад.

Судебной запятой прокалывая тьмицу,
снежинки-беженки, снежинки-кровопийцы,
рассыплот перышки, раскручивая связь
двух падших ангелов, кривляясь и смеясь.

Но это только сон, где я ни с чем остался:
здесь нет одной тебя, а я не просыпался;
я лишь застал, как будто виноват
в печали жениха, твой прежний аромат.

Не разлюби меня, не смейся, увези —
с улыбкой ангела в загрязившей грязи;
в грязи венецианской отрази,
в купели ангельской; мне лезвием грози.

Кольца не досчитав на крошечной фаланге,
в Париж не долетев, очнуться
в Касабланке;
танцует свадебка, трезвея впопыхах,
с тоской наперевес — в пропеллерных
очах.

С клешнями пьяными, с ужимками
снежинки,
чихвостят свадебку, со свадьбы —
на поминки,
за шкирку схвачены, с моторчиком —
чух-чух! —
очухавшись, летят в кровавый прах и пух.

Снежинки-стервочки, прелестницы
снежинки,
лазурным анусом сияют в пелеринке,
и выбегают, будто на поклон
на чей-то крик: там ангелов вагон!

ПОЭТ

Автор поэм
(филолог) на вышке слоновой кости
стоит. Его АКМ
озирает подобье погоста:

муравейник зека,
с личинками смеха
в руках,
сохраняет спокойствие эха.

На вышке витязь
в казенной шкуре
стоит, как принцип свиты
осознанной дури.

Припоминает строки,
лядвия, протуберанцы,
сроки, собственные пороки
в Крыму, на танцах.

Автор поэм, заревом
к сторожевой вышке
приговорен, проговаривает
ронсаровы шестистишья.

Вспоминает по лицам
Растрелли и Руставели
по коду однофамильцев
в каком-то расстрельном деле;

в тайге, среди экзекуций,
стоит на вышке, в апреле,
чтобы не отшатнуться
от Шота Руставели;

среди мировой печали,
подслушанной им когда-то,
считая себя начальником
армейского аромата

(Это всего лишь повод,
аллитерация, эхо,
повод для менструации царицы,
а не для смеха)

Автор поэм (с фиксой)
в скрипучести мерзлой сини

шепчет губами сфинкса
перевернутые сикстины.

Ствол в руках оживает.
Отчетливо мертвечину
предошущает. Стреляет
в падающую причину
беспокойства. Солдаты
бегут к вышке. Периметр
взбудоражен закатом.
Кто-то стреляет мимо.
«Завтра меня растерзают
волки...» — из автомата
автор поэм стреляет
в серого пилигрима,

что первым к нему взбегает,
с пуговичным геральдическим взором,
и только вторым стреляет,
с каким-то волчьим укором.

Сгрудились — нет дыханья! —
ангелы с геморроем,
темного глаголанья
лирические герои
поэм его — Все! Свободен!

Всматриваются. Уходят.

«Отшатнуться
от Шота Руставели!»;

от витязя в багровой шинели,
с пятном тигровых поллюций
на простреленном теле,

с берестяным узором
умалишенного мрака,
лишаем — приговором
лагеря и барака.

Серый пилигрим, объятый позором
зарева, напевая, не умея плакать,

припоминает строки,
лядвия, протуберанцы,
сроки, собственные пороки
в Крыму, на танцах.

о том, как руки трясутся
от крови, нагой в апреле,
от цикад, от присутствий
еды на чужой постели...

ВРЕМЯ ДНЕВНЫХ ОГНЕЙ

Время дневных огней,
которые смотрят злей
беглого лепестка
в пещерной тоске зрачка.

Бритвенный плоский свет,
гром трамвайных монет,
пляска стеклянных птиц,
электрических колесниц.

Время дневных минут,
которые не солгут
ни ворону, ни врагу,
а мертвому — ни гу-гу.

Бледное пламя вод
рифейской зарей зальет
или в какой-то год
меня из огня возьмет.

Время ночных минут,
которые всё бегут,
лишая крови меня, —
на мертвый запах огня.

Беглого бытия
невыносима моя
боль. На ресницах соль.
За это спасибо, боль.

В небе, бледней огня,
ветер на склоне дня.
Из сердца торчит, звеня,
все, что важнее меня.

Все, что важнее лет,
которыми я согрет.
И нет холоднее огня
того, что согрел меня.

ПЕРЕКРЕСТОК

Куличи пасхальные,
принцы привокзальные.
Двор кирпичный, без примет,
сад больничный — всем привет!

За оградой благодать —
на просвет себя видать.
Сад больничный — на просвет,
и креста на теле нет.

Ни огня, ни сигарет,
на просвет так на просвет.
Перекресток от угла
до угла — и все дела.

Шпальная, вокзальная
тьма, светись, пасхальная,
и с крестом и без креста;
и по кругу темнота.

Перекресток, перекресток —
сверху башенка с наперсток,
и крест-накрест сволота —
с головы до живота.

ПО ВАГОНАМ!

«По вагонам! — кричат. — По вагонам!»
По разбитым назавтра, сожженным.
А над Камой-рекой,
с пароходной трубой:
«По вагонам! — кричат. — По вагонам!»

«По вагонам! — команду кричат. —
По вагонам!»

Только ляг шелестит по вагонам.
Всем сейчас по пути —
что потом, не суди,
не судить в небесах военкомам.

По вагонам —
по стылым теплушкам казенным,
по теплушкам-подружкам, по мерзлым-
каленным

лишь кочует колючее эхо:
уехал, уехал!

По разбуженным ночью, колымской и
кольской,
по звонам
колокольного срока, по всем воскресеньям
прощенным,
по зонам,
вечным сном задохнувшимся или
прожженным —
по вагонам!

По вагонам СВ козыряй, по вагонам
холеным,
хваленым.
Козыряй от виска:
не возьмут в ЦДКА, всех устроят в ЦК,
по загонам зека,
по загонам,
по законам судьбы,
городьбы, молотьбы —
по вагонам.

Эй, Урал,
городи города!
Эй, Сибирь, отвори ворота!
Нам друг к другу идти по вагонам,
по СИЗО-сизарям,
по СВ-северам,
по чушкам-теплушкам, в печаль
запеченным,
по грохочущим черным вагонам,
по вагонам —
пылают огни по вагонам.

«По вагонам! — кричат. — По вагонам!»
Уезжать от родных, дорогих, далеко —
далеко нам.
Что же там, не суди.
Погоди, погоди —
в забытьи шепчешь ты:
«По вагонам!»
И так близко небесные звезды летят...
«По вагонам! — кричат. —
По вагонам!»

Небеса, небеса.
Остальное — потом.
Это все не о том.
Все потом, все потом.

Ветер с Камы допьём
и тайгой зажжем.
Остальное — потом.

«По вагонам! — за Пермью кричат. —
По вагонам!»

ТАМ, НАД КАМОЙ ТЕМНОЙ...

Рано ли, поздно —
сойдем за край.
А пока перед бездной грозной крутись
и порхай,
выбирая в щепоть по звездам
щель земную, как божью весть,
но не спустя и после,
а только сейчас и здесь.

Там, над Камой темной — бери в щепоть
города.
Гремит бубенчик лучистый, а кто-то скажет:
звезда.

Мы по краю ходили
темных вод и дальше, за край;
а там — обморок или
углеуральский рай.

Хорошо, мы еще поедем к тем самым местам,
где огни на ветру сгорают; вовсе не слаще
там,

где прикроет глаза разлука,
за рукав огонь беребя.
Вот и все: ни огня, ни звука,
ни тьмы — за тебя.

Там никто не помнит,
где хлябь, где твердь, а где ты,
и себе кометы обрубают хвосты;
там над Камой темной
повисла звезда,
как птенец, еще не выпавший из гнезда.

РАЗГОВОР

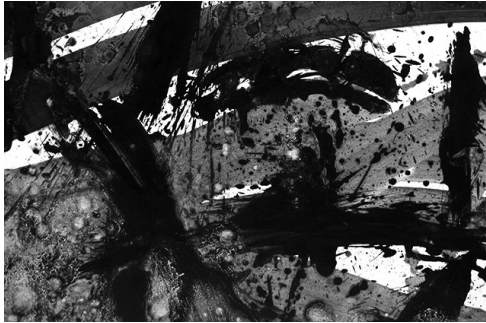
Пламя, сжатое в ладони,
дождь в законе, снег в загоне.
Кто ты, божий человек,
пламя, дождик или снег?

Дождь коленчатый, хромой —
за разлукой, за тюрьмой.
Полупламя, полуснег,
кто ты, божий человек?

За беспутными горами,
за бездомными лучами
буду помнить — кто такой.
Кто ты будешь, дорогой?

Андрей Якубовский

Бутылки

Каждый раз, когда мне приходилось бывать по какой-то надобности в Нижнем Тагиле — а надобности могли быть самые разные, от рабочих и комсомольских до нескрываемо амурных, потому что тагильчанки, родившиеся в начале шестидесятых — отдельная и незабываемая порода, особенно волейболистки из «Малахита»... ну, не будем о грустном. Так вот: каждый раз, когда я приезжал в Тагил, я обязательно заходил к Петру Генриховичу. И, что греха таить, частенько со мной в гости увязывалась какая-нибудь стеклянная ёмкость с радостным содержимым.

Были годы, когда слаще «Боровинки» ничего природа не рождала, потом мелькали продукты стран социалистического... гм... содружества, от явно пародийного чешского джина, именуемого в народе опи-

сательно — по этикетке — «Синее море, белый пароход» до шедевра венгерского виноделия — литровой бутылки вермута «Кечкемет», бывшего — в отличие от отечественной бормотухи, шедшей тем же сортом, — действительно отличным вином, вполне на уровне итальянских «Чинзано» или «Вермут ди Торино». Был ещё год, когда на всех поголовно магазинных полках стоял жуткий и унылый египетский бальзам «Абу-Симбел», название которого наш чуткий к фонетике народ исказил так, что даже сейчас, в эпоху практически узаконенной экспрессивно-обсценной лексики записать это замечательное выражение рука не поднимается. Сухой закон на какое-то время смел это жалкое разнообразие поганой метлой, а потом наступили чудесные 90-е. Чудесные — потому что в киоске на углу могло

оказаться что угодно: от водки «Асфальт» до абсолютно экзотических марок, причем оригинальных и по той же цене. Я лично покупал в ларьке банку пива «Гёссер», на которой зелёным по алюминию было написано, что эта партия произведена специально для Аргентины, и больше ни для кого. Привезли ли её к нам уже оттуда — в этом случае в её биографии было, видимо, кругосветное путешествие? — или же украли в Австрии прямо с завода, история умалчивает. Потом, спустя два десятилетия, некоторые бренды стали возвращаться, но уже по совсем другим ценам — например, португальский «Матеус» в красивой стеклянной фляжке. Целую оду можно пропеть разнообразию наших алкогольных воспоминаний, буквально хватая читателя за рукав и заглядывая ему в глаза: а ты помнишь водку «Распутин»? а израильскую лимонно-неполноценную, 27 градусов, как её звали? да, она ещё и смородиновая была! и тут же, перескакивая ещё на восемь лет назад: а «Узбекистон» марочный трёх-летний помнишь? нет и больше никогда не будет тех вкусовых восторгов — ну, впрочем, как и такой зелёной травы, и такой мокрой воды, и такой красивой Луны в полуночном небе, это понятно.

Но я не об этом. Петр Генрихович бутылки не выбрасывал. Для него они были полезным пособием при составлении натюрмортов. Петр Генрихович был художник, притом замечательный, из той осевшей в Нижнем Тагиле когорты живописцев, которые составили славу этого города — самого южного пункта, в котором разрешено было прописывать выселенных в сорок первом на север российских немцев. Вроде и расстояния-то невелики, а вот поди ж, пришла в идеологически подкованную чиновничью голову мысль, что в Краснотурынске и в Тагиле можно, а в Свердловске уже нельзя. Целая художественная плеяда появилась в послевоенном городе имени лучшего танка всех времен и народов, и поэтому худграф в тамошнем пединституте был, а в областном не было.

Петр Генрихович был человек уже тогда пожилой, строгого вида и безукоризненного обращения. Мы культурно выпивали

по чуть-чуть — буквально пару рюмок, допить бутылку за один раз было бы просто дурным поведением, мы же не алкоголики какие-нибудь — и переходили к чаю с неизменным домашним печеньем. Говорили о новостях искусства, и, конечно, о его собственных работах. У человека искусства всегда найдется что показать своему юному другу, а может быть, и удивить его, и кстати напомнить какую-нибудь полезную и вечную истину.

***

И вот однажды Петр Генрихович посадил меня перед мольбертом, на котором стоял небольшой холст с незаконченной ещё работой — очень скромным по предметности натюрмортом. Собственно говоря, картина изображала одну-единственную бутылку.

— Что скажете, молодой человек?

Ну, натюрморт. Ну, бутылка. Чтобы как-то выиграть время, я заметил:

— Бутылку узнаю, да. Это мы с вами дегустировали... в сентябре, кажется?

— Не увливайтесь. Вы же знаете, что я не об этом спрашиваю, — не поддался на мою уловку Петр Генрихович.

Я внимательно всматривался, как тогда говорили мящие себя продвинутыми, «открыв все чакры».

— Это очень холодная бутылка. И пустая. Из неё ушло содержимое, и она находится в глубоком кризисе... она почти мертва, но окончательно умереть ей не удастся, поскольку она и так неживая... В ней есть что-то очень мрачное и тоскливое. Нет, это не тоска, это глубокий ужас, мистический и холодный. Она заглядывает внутрь самой себя и видит там очень неприятные перспективы. Причем их не избежать.

— Bravo, Павлик.

О, если дело дошло до «Павлика», то сегодня мои искусствоведческие способности явно удостоились похвалы.

— А вот эта?

И рядом встала ещё одна картина. Собственно, бутылка на ней была та же самая.

И композиция почти та же самая. Но вот эта бутылка — или, наверное, надо писать Бутылка, как одушевлённое лицо? — выглядела совсем по-другому.

Эта, вторая Бутылка, была радостной и счастливой. Жизнь её уже удалась и находилась в самом разгаре, её ожидали веселье и счастливое будущее, она просто светилась доброжелательностью и любовью к миру.

— Петр Генрихович, как вы это делаете?

— Это искусство, молодой человек, оно может всё.

На свет появилась ещё одна Бутылка — удивлённая и от этого очень взволнованная; потом ещё одна — усталая и засыпающая стоя, потом ещё... Похоже, Петр Генрихович решил собрать целый каталог настроений и состояний несдаваемой стеклопосуды.

— Петр Генрихович, это полиптих?

— Конечно же, нет. Они не могут стоять рядом, они слишком разные. Чтобы восприниматься вместе, это должна быть одна картина, разделенная на части. А эти каждая сама по себе, разве нет?

— Но они ведь формально одинаковы, Петр Генрихович! Это ведь практически одна и та же бутылка!

— Да вы никак Энди Уорхола насмотрелись, молодой человек?

Я скромно промолчал.

— А вы поняли, что сделал Уорхол? Ничего вы не поняли. Он взял одинаковые изображения — если мы говорим о его консервных банках, — или очень аккуратно отличающиеся друг от друга, если речь идет об изображениях Мэрлин, и поставил их рядом. И что ему пришлось для этого сделать, расскажите мне, пожалуйста?

Я опять скромно промолчал.

— Ему пришлось упростить цвет. Радикально упростить, до двух-трех основных тонов. Это не живопись, молодой человек, это плакат. А плакат на стене — это практически обои. И у них, у обоев, тоже есть свои законы работы с цветом. Это не Уорхол открыл, это ещё французы в семнадцатом веке придумали, а до этого была традиция работы с тканью и её узором. И если мы возьмём китайский шёлк, которым французы обтяги-

вали стену, прежде чем научились имитировать его на бумаге...

Я был совсем не против лекции, потому что знал Петр Генрихович столько, что иной университет мог позавидовать. Мне только хотелось перенести её ближе к чайнику.

— А давайте вот эту первую уберем, ладно, Петр Генрихович? уж больно от неё холодно и страшно...

— Давайте, молодой человек.

Мы вернулись за стол и продолжили разговор об истории обоев и плаката. Я всё-таки не утерпел и поинтересовался: а почему, собственно, только одна стеклянная бутылка? Ведь жанр натюрморта позволяет ввести в композицию любые поддерживающие предметы. Петр Генрихович покачал головой:

— Разумеется, можно было. Но это слишком облегчило бы мне задачу. Вот когда у тебя нет ничего, кроме стекла, создать настроение — действительно искусство. А мне хотелось, так сказать, проникнуть в глубины прозрачности стекла и дойти до вершин чистой идеи...

— И долго вы уже их пишете?

— Наверное, с лета. Думаю, скоро закончу, надоели уже. Почти все написал.

— А выставлять будете?

— Ну, может быть, что-то на весеннюю выставку отнесу... надо название придумать как можно более идиотское, чтобы выставком не заподозрил чего-то вроде пропаганды алкоголизма или поиска утешений от советской действительности...

* * *

В январе мы опять вернулись к этой теме. Новые бутылки стояли перед нами — одна, ещё полная, на столе, тоненькая блондинка-румыночка с трехцветным плетеным шнурком, спускающимся с горлышка на этикетку, а вторая — на мольберте у письменного стола, до смерти влюбленная и оттого кокетливая и нежная, как пятнадцатилетняя гимназистка. Мы говорили о языке живописи и сочетаемости самостоятельных

изображений в едином реальном, внеизобразительном пространстве.

— Вот вы подумайте, молодой человек: не случайно выставочная мысль дошла до идеи музея одной картины. Одной-единственной. Люди приходят и воспринимают живописную работу, не отвлекаясь на то, что висит рядом. Потому что рядом тоже висят замечательные вещи, но они совсем другие и мешают друг другу. А человек жаден. Если он заплатил за билет, он хочет увидеть всё, и не всегда понимает, что сам себе сбивает восприятие. Это хуже, чем водку с вермутом и пивом мешать, а потом ещё мы удивляемся, что он ничего в живописи не понял и впечатление у него смазанное — это, простите за аналогию, у зрителя просто живописное похмелье. Художник пишет картину не час и не два, а мы хотим, чтобы зритель за минуту увидел все, что там есть, в этом сложном по тону, свету и композиции пространстве? Для этого нужна гениальная зрительская квалификация, которой у обычного посетителя просто быть не может.

— Петр Генрихович, но ведь есть же выставки, есть развеска в музее... картины всегда висят рядом?

— Это вынужденная мера. И не надо недооценивать мастерство устроителей экспозиции! Большое и отдельное искусство — распределить работы так, чтобы они мешали друг другу в минимальной степени. В идеале же картины рядом висеть вообще не должны.

— А как же быть с живописными альбомами? Там в каждом тоже много изображений, и они вместе?

— Альбом, молодой человек, это книга. А книга — это особое пространство, организованное художественным редактором. И хороший редактор не пожалеет отдельного разворота на репродукцию, чтобы каждая картина находилась как бы в отдельной комнате. Представьте себе интерьер здания, в котором для каждого полотна выделен особый зал...

— Анфилада... это принцип анфилады!

— Логично. Вот видите, вы начинаете понимать, что классические дворцовые здания строились ещё и ради живописи, кото-

рая имелась в распоряжении владельца. Но чему это может соответствовать в современной архитектуре?

Мы перебрали несколько типов общественных зданий, где входящий должен проследовать через целую анфиладу кабинетов — от кабинетов поликлиники во время прохождения медосмотра до посадочной зоны аэропорта. Ни один рассмотренный вариант нам, во-первых, не понравился, а во-вторых, не подходил для бутылок. Трудно сказать, не доросла ли современная архитектура до живописи, или же ещё хуже — современная общественная жизнь не доросла до архитектуры, использующей живопись, но решения мы не нашли.

***

В марте, когда выставка была в самом разгаре, я, естественно, забежал туда, но ни одной бутылки Петра Генриховича не нашел. И вообще ни одной его картины не увидел. С нехорошими предчувствиями я помчался к нему домой. Вид у мастера был, однако, вполне бодрый, но не очень здоровый.

— А-а, Павлик! замечательно, замечательно... проходите, молодой человек, сейчас мы с вами... — неожиданно любезный мастер был, кажется, не совсем трезв. Бог мой, что случилось?

— Я на выставку сходил и даже испугался — ни одной вашей работы...

— Да, я прихворнул немного. Ничего страшного, старею потихоньку, старею... А что выставка? мне уже можно иногда и пропустить очередную выставку, новой славы она мне уже не принесет...

И тут же, хитро и очень живо подмигнув, схватил меня за рукав:

— Проходите скорей, я вам покажу... я её всё-таки сделал!

Право, после всего, что я уже видел, что ещё можно было добавить в эту серию? Но он буквально втянул меня в комнату, усадил в старое кресло и поправил свет. На прикрытом тканью мольберте стояла пока невидимая мне картина.

На этот раз бутылок было две. Ни одну из них я раньше не видел, и чувство, пробуждаемое натюрмортом, было совершенно новым и сложным. То есть вот что я хочу сказать: если раньше каждая композиция — то есть наверное нужно сказать «постановка», хотя и это слово к одному-единственному предмету можно отнести лишь с большой натяжкой — была посвящена какой-то одной эмоции, и лишь обертонами шли соседние и производные, часто как бы послевкусием... мой бог, как трудно описывать словами такие тонкие живописные вещи, не сводимые к сюжетике! — то сейчас эта парочка генерировала во мне чувство умиротворения, спокойствия, светлой радости и тишины. Но при этом — черт, даже сейчас слюна во рту — хотелось немедленно выпить.

Я повернулся и посмотрел на Петра Генриховича. Он виновато развел руками:

— Павлик, я сам не ожидал. Я старый дурак, я должен был заранее знать, чем это кончится. Это очевидно, а я не понимал, пока они не появились вот так рядом и не сказали мне об этом...

Естественно, так и должно было быть. Все гениальное просто, но ты это понимаешь, только когда оно уже свершилось. Бутылки! Ну, какой ещё смысл существования, предназначение и жизненная цель может быть у бутылок, кроме как напоить заглядывающего в горлышко?

— А ведь вы, Петр Генрихович, просто кремьень, — сказал я. — Другой на вашем месте не просто бы запил, а уже спился бы вконец. Сколько недель назад вы их написали?

— Почти два месяца...

Мы занавесили картину тряпкой и вообще убрали с мольберта в угол, а потом поставили чайник и обошлись без всякого

алкоголя. Сила воли, разум и порядок, а уже потом все эти романтические штучки и тайные движения жизненной силы, понимаемой метафизически. О живописи мы в этот раз не говорили вовсе.

* * *

Петра Генриховича давно нет, дальнейшая судьба картины мне неизвестна. Она выставлялась один раз на осенней выставке живописи, мудрые устроители поместили её в самый конец экспозиции, у выхода. Говорят, банкет на открытии в тот год прошел особенно удачно.

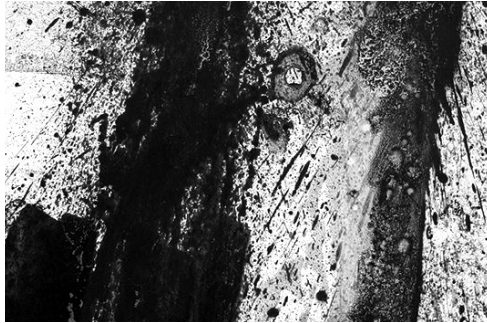
В одном из альбомов о тагильской живописной школе — ну, что-то ведь отдел культуры периодически финансирует — есть её репродукция в разделе натюрмортов. Цвета синюшные и гадкие, ничего общего с живописью Петра Генриховича эта картинка не имеет.

Ещё слышал я легенду, по-другому не назовешь, будто один из племянников Петра Генриховича получил эту картину в наследство и потом, при выезде на ПМЖ увез из страны. И будто бы сейчас эта работа висит в одном маленьком и уютном ресторанчике в Лихтенштейне. Практически главный актив заведения, прибыль приносит, что та гусыня с золотыми яйцами. Кто там будет, спросите — государство-то невелико, местные должны знать. Скорее всего, на каком-нибудь горнолыжном курорте; должны же быть там, в альпийских предгорьях, горнолыжные курорты, я думаю. Или сами поищите. Загляните в ресторанчик-другой наудачу, вдруг вам повезёт?

30.12.13–15.01.14

Игорь Яковлев

Гелиотропы в цвету

Большой деревенский сарай. Его доски уже начали темнеть от времени, но щелей между ними нет — строили надёжно. Слева закрытая дверь, справа большие двустворчатые ворота, открытые настежь. (Все герои входят только в дверь, в ворота — никогда.) Сарай как бы разделен на две половины. Правая — это склад повседневных инструментов и ненужного хлама, который жалко выбросить. На задней стене аккуратно, в ряд, висят орудия сельскохозяйственного труда: лопаты (две штыковые и одна совковая), грабли, мотыга, вилы, коса, ледоруб, две оранжевые каски, барометр. В углу лежит на боку старый холодильник без дверцы. Перед ним стоит старая нерабочая стиральная машина, возле которой свалены связки советских журналов и забытые книги. К стиральной машине прислонены пара топоров, кувалда и отбойный молоток. Рядом — большой старый ларь, запертый на большой амбарный замок. На крышке ларя — ослепительно белый дисковый телефон советского времени, который обеспечивает связь между сараем, избой хозяев и сельсоветом. Возле распахнутых ворот — пустое пространство, здесь обычно стоит телега, но сейчас её вывезли во двор. Напоминают о ней только прислонённые к стене два сломанных колеса и одно новое; над ними висят хомут и сбруя. Левая половина сарая отведена хозяевами под хлев. В центре левой половины — небольшое корытце, помятое дырявое ведро и автоматическая компьютеризированная система подачи корма, поения и навозоудаления с гидравлическим приводом. Всю левую половину задней стены, от пола до потолка, занимает огромное окно, чтобы хлев был наполнен естественным светом. В окно виден ухоженный огород, две большие теплицы, за теплицами — аккуратное деревянное строение (сеновал).

Идут последние дни августа — горячее крестьянское время.

В сарай входит Прохор. Это мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с крепкой фигурой; в его густых черных, как смоль, курчавых волосах недавно начала появляться первая седина; свои пышные чёрные усы, предмет гордости, он регулярно подкрашивает дорогой краской для волос. На нём косоворотка из дотканного полотна, украшенная по воротнику красным орнаментом, и полосатые шаровары, подпоясан толстой верёвкой, на ногах — добротные кирзовые сапоги. Его грубое, но мужественно-красивое лицо сейчас раскраснелось, на лбу пот: он только что оторвался от работы в огороде и на минуту заглянул в сарай, чтобы взять ледоруб. Внимание привлекают большие кисти рук — это руки человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. В правой руке, изящно отставив мизинец, он держит яркий китайский бумажный веер, которым небрежно обмахивает лицо. Мизинцем левой руки он ковыряет в ухе.

Слышен шум проходящего вблизи поезда.

Прохор по-хозяйски оглядывается вокруг и вдруг удивлённо разводит руками, выронив веер.

ПРОХОР. А где моя свинья на колёсиках? *(Растерянно, с разведёнными в недоумении руками, ещё раз осматривает сарай. Не веря своим глазам, громко зовёт жену.)* Мать! Ма-ать!

В окно задней стены видно, как из теплицы, расположенной ближе к хлеву, выходит женщина в белом халате. Она оглядывается по сторонам, замечает через стекло Прохора в хлеву, идёт в сторону сарая. Дверь открывается, входит Прасковья — жена Прохора, женщина лет сорока-сорока пяти. На ней чёрные резиновые сапоги до колен, белый халат, на руках медицинские резиновые перчатки, волосы и лоб скрывает белая хирургическая шапочка, нижнюю половину лица — марлевая повязка. Перчатки и рукава халата до локтей испачканы чем-то красным.

ПРАСКОВЬЯ. Чего разорался? Я, между прочим, твои любимые гелиотропы¹ пропала-ваю. *(Стягивает с лица марлевую повязку.)*

ПРОХОР. Слышь-ка, Прасковья... А где это моя свинья на колёсиках?

ПРАСКОВЬЯ. А где твоя свинья на колёсиках?

ПРОХОР. Я у тебя это спрашиваю: где моя свинья на колёсиках?

ПРАСКОВЬЯ. Да неужто пропала?

ПРОХОР. Как же она могла пропасть?! Это же свинья на колёсиках!

ПРАСКОВЬЯ. Ну, может, закатилась куда?..

ПРОХОР. Куда ж она могла закатиться, сама-то? Она же не катаклизм!

ПРАСКОВЬЯ. Угнали! Неужто угнали, изверги?

ПРОХОР. Вот дура баба! Это автомобили угоняют, а у нас отродясь автомобиля не было.

ПРАСКОВЬЯ. Вот я и думаю: автомобиля у нас не было, значит угнать его не могли, а свинья на колёсиках всё-таки пропала — где же здесь логика?

Прохор снимает со стены грабли и в задумчивости чешет их зубьями себе затылок.

ПРАСКОВЬЯ. *(громко кричит)* Дуняшка! Дуняшка! Ну-ка подь сюды, недотёпа косолапая!

Входит Дуняшка, дочь Прохора и Прасковьи — красивая девушка лет восемнадцати-девятнадцати с русской косой до пояса. На Дуняшке сарафан, украшенный красным орнаментом, на голове кокошник, на ногах лапти.

ДУНЯШКА. Что вам, мама?

¹ Слово *гелиотропы* все герои пьесы произносят, сильно выделяя оба гласных звука «о».

ПРАСКОВЬЯ. Ты свинью на колёсиках не брала?

ДУНЯШКА. На черта мне сдалась ваша свинья на колёсиках?!

Прохор перестаёт чесать затылок и вешает грабли на место.

ПРОХОР. Ох, доскачесси ты у меня по сеновалам! Отвечай, когда тебя мать спрашивает: брала свинью на колёсиках иль не брала?

ДУНЯШКА. Да не брала я вашу свинью на колёсиках! *(Пауза.)* А что, пропала что ли?

ПРОХОР. *(ласково)* Ты не торопись... Подумай... Может взяла поиграться, да и забыла её где?

ДУНЯШКА. Ох, тятя, больно мне надо играть с вашей свиньёй на колёсиках? Для игр у меня есть лошадка на палочке.

ПРОХОР. *(упавшим голосом)* Так не брала что ли?

ДУНЯШКА. *(тихо, с зарождающимся ужасом)* Не-ет...

Прасковья в потрясении снимает резиновые перчатки, испачканные чем-то красным, не глядя сует их в руки Дуняшке.

Дуняшка брезгливо бросает перчатки в корытце для корма.

ПРАСКОВЬЯ. *(тихо, испуганно)* Проша... Проша!.. Как же мы жить-то дальше будем?

ПРОХОР. Тихо! Не скули! Дай подумать. *(Думает.)* Председателю нужно звонить!

Все трое смотрят на телефон.

Пауза.

ДУНЯШКА. Тятя, не паникуйте. Председателю будем звонить в крайнем случае.

ПРАСКОВЬЯ. Соседа надо звать. Точно! Проша, соседа надо звать!

ПРОХОР. Ага, самое время! Пусть он нам на баяне сыграет!

ПРАСКОВЬЯ. Да причём здесь баян! Сосед у нас — екстрасенс, медиум, то бишь! Ну, из этих, которые с веточкой в руке ходят и клады ищут. А где веточка сама собой зашевелится, там, значит, и клад зарыт.

ПРОХОР. Совсем ополумела баба! Счас прямо попрёмси всем скопом клады откапывать! У меня свинья на колёсиках пропала, а этой дуре только бы наживу где-нибудь заграбастать!

ДУНЯШКА. Какой же вы, тятя, тупой уродилися! Маменька хочет сказать, что сосед с веточкой поможет найти нашу свинью на колёсиках. Если её, конечно, уже успели зарыть. А если она всё ещё по воздуху бегаёт, ну тогда не знаю... Может и правда, хотя бы клад найдём...

ПРАСКОВЬЯ. Уж чё я сказать хотела — не помню, а на баяне сосед играет — просто заслушаешься!

ПРОХОР. Да вы что, бабы, в уме рехнулись? Какой из нашего соседа медиум? Он ить медицинских институтов не заканчивал! А из всех лекарств знает только медицинский самогон, который и производит у себя в сарае в промышленных масштабах! А вообще, я давно и сильно подозреваю, что он — каннибал! Он же одну конину жрёт, паскуда! Каннибал и есть! В смысле, каннибал — и ест! *(Прасковье.)* Ты думаешь, куды кони из колхозного табуна пропадают?

ДУНЯШКА. Ох, тятя, как же мерзко мне за вашу неграмотность! Каннибалы — это не те, кто кушают конину, это те, кто кушают друг друга.

ПРАСКОВЬЯ. Окстись, дурёха! Не может быть, чтобы лошадки друг дружку кушали!

ДУНЯШКА. Так ведь лошадки других лошадей и не едят. Это людей, которые других

людей вместо картохи трескают, каннибалами кличут. А медиумы — это те, которые в медный таз колотят и дождь вызывают, когда засуха или просто, допустим, не фиг делать людям в воскресенье.

ПРОХОР. Я не знаю, об чём вы тут, бабы, балакали; суть вашей беседы от меня ускользнула. Но чегой-то я не видал лошадей, которые бы по воскресеньям под дождём в медный таз стучали.

ДУНЯШКА. Это потому, папенька, что вы по воскресеньям обычно пьяным под чужим забором валяетесь и лыка не вяжете. Зато как заржёте вдруг, сами не хуже доброго коня.

ПРАСКОВЬЯ. Не смей так с отцом разговаривать! А то враз отучу по сеновалам скакать!

Входит Сосед — мужчина одного возраста с Прохором. Высокий, худощавый, его рано поседевшие волосы достают до лопаток. Одет в сорочку городского фасона, галстук-бабочку и короткие шорты из старых обрванных джинсов, на ногах валенки, на глазах лётные очки начала XX века, на груди старый баян, лицо выкрашено в зелёный цвет.

СОСЕД. Здравсьте вам! *(Играет на баяне и поёт.)*

*Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня!
Не морозь меня,
Моего коня!*

(Плотоядно, с причмокиванием, облизывается.) А я вот шёл мимо, дай, думаю, зайду, взгляну на вашу свинью на колёсиках.

ПРОХОР. От ить, прищандыбал, каннибал недоеденный! А я уж и сам тебя навестить собрался. Думаю вот, не ты ли, цыганская твоя харя, свинью на колёсиках стыбзил?

СОСЕД. Так у тебя свинья на колёсиках пропала?! Чего в мире-то делается, страшно становится будильник заводить!

ПРОХОР. Вот я и думаю, не ты ли, цыганская твоя харя, свинью на колёсиках стыбзил?

СОСЕД. *(изумленно)* Да зачем мне твоя свинья на колёсиках? Это ж не конь, какой с неё навар? *(Смущается, опускает глаза.)*

Входит Племя каннибалов.

ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ КАННИБАЛОВ. Здравствуйте, добрые люди! *(Кланяется по русскому обычаю.)*

ПРОХОР. Здр... Здра... Здры...

Все остальные молчат, потрясённо смотрят на Племя каннибалов.

ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ КАННИБАЛОВ. Я и мой народ — всё наше племя каннибалов — пришли, чтобы засвидетельствовать своё почтение хозяину свиньи на колёсиках.

ПРОХОР. Дык...

Вбегает Тимошка. Одет в косоворотку и шаровары, на ногах — лапти.

ТИМОШКА. *(радостно)* Дуняшка, пошли на сеновал!

Дуняшка краснеет.

Тимошка медленно обводит взглядом всех присутствующих. Смущается.

Ох, как я не вовремя-то! *(Убегает.)*

Прохор угрожающе смотрит на Дуняшку. Дуняшка смотрит в пол.

ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ КАННИБАЛОВ. Народ мой, вот он — хозяин свиньи на колёсиках! *(Указывает рукой на Прохора.)*

ПЛЕМЯ КАННИБАЛОВ. *(хором).* Хох!

ПРОХОР. Ну... проходите.

П л е м я к а н н и б а л о в проходит через сарай, выходит в раскрытые ворота.

СОСЕД. *(почесав левой рукой затылок)* Всё, пропал табун.

Некоторое время все молча, трагически смотрят в ту сторону, куда ушло племя каннибалов.

ПРОХОР. Вон чаво! С другой стороны глобуса, можно сказать, люди приехали, специально чтобы на нашу свинью на колёсиках посмотреть! А мы, можно сказать, не можем им её предъявить. Какой, можно сказать, конфуз. Можно сказать, получился.

ПРАСКОВЬЯ. Да конфуз-то мы как-нибудь переживём, а переживём ли мы отсутствие свиньи на колёсиках?

СОСЕД. *(почесав правой ногой за ухом.)* Может, председателю пора звонить?

Все смотрят на телефон.

Пауза.

Ну надо же что-то делать, соседи! У нас не должны опускаться руки! Нам нельзя предаваться отчаянию!

Неожиданно руки Соседа начинают вытягиваться и опускаются до земли. Сосед с ужасом смотрит на опустившиеся до земли руки, переводя взгляд с правой на левую, с левой на правую. Совершенно потрясённый смотрит в зал, шмыгает носом один раз, второй, громко всхлипывает, начинает рыдать и предаваться отчаянию. В отчаянии медленно идёт к воротам, опустившиеся руки волочатся за ним по полу. Вдруг, трагически вскрикнув, падает, начинает биться об пол, подвывает и умирает в страшных мучениях. Все молча смотрят на умершего Соседа.

Убегает Е р о ш к а. Одет в косоворотку и шаровары, на ногах — лапти.

ЕРОШКА. *(радостно)* Дуняшка, пошли на сеновал!

Дуняшка краснеет.

Ерошка медленно обводит взглядом всех присутствующих, улыбка медленно сползает с его лица.

Оп-па, не туда попал... То-то я и смотрю, свиньи на колёсиках здесь нет... Обознался... Простите, если что не так. *(Убегает.)*

Прохор угрожающе смотрит на Дуняшку. Дуняшка смотрит в пол.

Входит С о с е д к а, жена Соседа. Ей столько же лет, сколько Прасковье, но она выглядит на полгода моложе. На ней розовое бальное платье с пышной юбкой и глубоким декольте. Волосы уложены в высокую причёску. На ногах кеды. Лицо выкрашено в голубой цвет.

СОСЕДКА. Здоровья вам, добрые соседи! Не видали ли вы случаев моего мужа непутёвого? Не заходил ли он к вам часом, свинью на колёсиках посмотреть? (*Замечает лежащего мёртвым Соседа.*)

ПРОХОР. (*степенно*). Как же, как же... заходил...

СОСЕДКА. (*глядя на лежащего мёртвым Соседа*). И где же он теперь?

ПРОХОР. (*постепенно*). Вот. (*Пауза.*) Он. (*Пауза.*) Лежит. (*Показывает пальцем на лежащего мёртвым Соседа.*)

СОСЕДКА. (*не отводя взгляда от лежащего мёртвым Соседа, тоже показывает на него пальцем*). А я ведь как раз его и разыскиваю.

ПРОХОР. (*степенно-постепенно*). А чего его искать? Здесь он. Как помер, так здесь и лежит.

СОСЕДКА. (*Резко вздохнула с облегчением, махнула рукой и перевела взгляд на Прохора.*) Ну и ладно. (*С живым интересом.*) А где ваша свинья на колёсиках? Что-то я не слышу её задорного хрюканья.

ПРАСКОВЬЯ. (*с искренним участием, жалостливым голосом*). Так ведь пропала наша свинья на колёсиках. Вот муж-то твой, как узнал об этом, так сразу и протянул... руки.

СОСЕДКА. (*с ужасом*). Да ты что, Прасковья! Да неужто ж пропала свинья на колёсиках?!

ПРОХОР. (*возмущённо*). Ну чего уж ты прямо так сразу: пропала!

СОСЕДКА. Так что? Не пропала что ли?

ПРОХОР. (*возмущённо*). Нет! (*Пауза.*) Пропала!

СОСЕДКА. Ах! (*Хватается за сердце.*) Председателю звонили?

Все смотрят на телефон.

Пауза.

ПРОХОР. Да. (*Пауза.*) Как раз собираемся.

СОСЕДКА. Что ж теперь будет-то?

ПРОХОР. (*очень спокойно*). Дык... практически ничего уже и не будет. Всё. Хана.

ПРАСКОВЬЯ. Ну что ты такое говоришь?! Мы обязательно что-нибудь придумаем! Ну пропала свинья на колёсиках, но жизнь-то на этом не заканчивается... (*Внезапно, осознав весь ужас ситуации, хватается за голову, зажимает глаза. Тихо, со стоном в голосе.*) Да что ж я говорю... (*Потрясенная, садится прямо на пол, стягивает с головы хирургическую шапочку. Длинные волосы русым водопадом рассыпаются по её плечам.*)

Вбегает П а р а ш к а. На ней сарафан, на голове кокошник, на ногах лапти.

ПАРАШКА. (*радостно*). Дуняшка, пошли на сеновал!

Дуняшка краснеет.

Парашка медленно обводит взглядом всех присутствующих и тоже краснеет. Опускает глаза, начинает тереть подол сарафана, незаметно для себя задирая его всё выше и выше.

Прохор угрожающе смотрит на Дуняшку. Дуняшка смотрит в пол.

Вбегает А н т о ш к а. На нём обтягивающий костюм аквалангиста, за спиной оранжевый акваланг, на лице маска для подводного плавания, на ногах ласты; на длинном поводке — собака породы водолаз.

АНТОШКА. *(радостно)* Дуняшка, пошли... *(И тут вдруг охватывает взглядом сразу всю картину, развернувшуюся перед ним. Пауза. Потом негромко, для себя.)* Ё-моё. *(Медленно пятится, исчезает за дверью.)*

В сарае остается водолаз на поводке. Он встает на задние лапы и начинает заодно плясать гопак с весёлым гиканьем и улюлюканьем. Антошка за сценой дергает за поводок, «Водолаз» спиной вылетает в дверь. За сценой слышен грохот — это упали Антошка и врезавшийся в него водолаз.

Парашка замечает, что задрала подол сарафана уже до самой груди, открыв всем присутствующим своё исподнее.

ПАРАШКА. *(с интересом разглядывая своё тело).* Стыд-то какой. *(Убегает.)*

Дуняшка устало садится на ларь, достаёт из кармана пачку сигарет, зажигалку, закуривает. Прохор подходит к висящим на стене орудиям сельскохозяйственного труда, снимает совковую лопату, внимательно осматривает её со всех сторон. Прасковья поднимается с пола, протягивает к Прохору руки в мольбе.

ПРАСКОВЬЯ. *(с ужасом).* Проша, не надо!

Прохор подходит к Дуняшке, держа лопату обеими руками, размахивается, изо всех сил бьёт Дуняшку по голове (черенок лопаты должен прийти на голову актрисе точно своей серединой). Раздаётся громкий душераздирающий хруст. Черенок лопаты ломается пополам. Дуняшка, не пошевелившись, продолжает молча курить.

Открывается вертикальный люк старой стиральной машины, из неё высовывается Г о л о в а т а н к и с т а в танкистском шлеме.

ГОЛОВА ТАНКИСТА. Ишь, как грамотно хрустнуло.

Пауза.

СОСЕДКА. А чёй-то треск-то какой сухой?.. Когда древесина так трешшит, значит, к заморозкам.

ПРАСКОВЬЯ. Какие заморозки? Ты что? Это ж у меня все диффенбахии помёрзнут!

Г о л о в а т а н к и с т а исчезает в стиральной машине, люк захлопывается.

Прохор отбрасывает обломки лопаты в угол.

Дуняшка тушит окурок о ларь.

Слышен шум проходящего вблизи поезда. Все молча к нему прислушиваются.

ПРОХОР. *(подняв указательный палец).* Это поезд на Кисловодск!

СОСЕДКА. *(задумчиво).* Я, пожалуй, тоже пойду.

Берёт лежащего мёртвым С о с е д а за ногу, идёт к двери, тащит тело за собой. В дверном проёме тело Соседа застревает, Соседка тянет его на себя.

В окно задней стены видно, что к сараю приближается П р е д с е д а т е л ь к о л х о з а — Степан Степанович Китайцев. Он подходит к дверям, смотрит на то, чем занята Соседка, потом молча помогает ей вытянуть тело Соседа наружу.

СОСЕДКА. *(тяжело дыша).* Спасибо.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. Приходите ещё.

Председатель колхоза заходит в хлев. Это мужчина невысокого роста, коренастый, много повидавший и слышавший. На нём кожаная тужурка, брюки-галифе, заправленные в добротные кирзовые сапоги, на ремне кобура с маузером, на голове картуз, за правым ухом красная гвоздика.

Председатель колхоза с любопытством оглядывается назад, потом смотрит в окно, через которое ещё можно видеть Соседку, волокущую Соседа. Поворачивается к присутствующим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. Я смотрю, у вас тут праздник!..
ПРОХОР. Здравствуйте, товарищ Китайцев.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. *(бодро и весело).* Я китайцам не товарищ!

Входят Т р и к и т а й ц а. Китайцы говорят с сильным японским акцентом.

ПЕРВЫЙ КИТАЕЦ. Он нам не товарищ!
ВТОРОЙ КИТАЕЦ. В гробу мы видали таких товарищей.
ТРЕТИЙ КИТАЕЦ. Тамбовский волк тебе товарищ!

Т р и к и т а й ц а проходят через сарай, выходят в раскрытые ворота.

Входит Тамбовский волк.

ТАМБОВСКИЙ ВОЛК. *(Пристально глядя на Председателя колхоза).* Не узнаю... *(Уходит.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. *(так же бодро и весело как раньше, словно после его появления ничего не происходило).* И что же это мы тут празднуем? *(Расставляет ноги на ширину плеч, руками упирается в бока. Всем своим видом он должен показывать, что крепко стоит на земле, что он хороший хозяйственник, и что он готов стоять горой за каменной стеной.)*

ПРОХОР. А мы уже как раз собирались тебе звонить, Степан Степаныч.

Все смотрят на телефон.

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. *(причитая).* Ты один нам поддержка и опора!

ПРОХОР. Ежели кто и способен помочь, ежели кто и спасёт нас сегодня, то только ты, Степан Степаныч!

ПРАСКОВЬЯ. *(причитая).* Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? *(Обводит рукой хлев.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. *(очень уверенно в своих силах).* Ну, рассказывайте. Что тут у вас?

ПРОХОР. Дык... это... свинья на колёсиках пропала.

Председатель колхоза молча достаёт из кобуры маузер, приставляет дуло к виску. Медленно закрывает глаза.

Входит всемирно известный кинорежиссёр китайского происхождения Д ж о н В у. Никем не замеченный, остаётся стоять в дверях.

ПРОХОР. *(голосом человека, принявшего тяжёлое для себя решение).* Подожди, Степан Степаныч. *(Пауза.)* Сначала я.

ПРАСКОВЬЯ. Ах!

Прохор забирает маузер у Председателя колхоза, целится в Дуняшку.

ДУНЯШКА. Не надо, тятя, я сама.

ПРАСКОВЬЯ. Ах!

Дуняшка забирает маузер у Прохора, целится в Прохора.

ПРАСКОВЬЯ. Не смей в отца целиться!

Прасковья забирает маузер у Дуняшки, целится в Председателя колхоза.

ДЖОН ВУ. *(радостно подпрыгивает и вскрикивает).* Очень, очень любопытно!

Председатель колхоза забирает маузер у Прасковьи, целится в Джона Ву.

ДЖОН ВУ. *(с сильным японским акцентом).* Извините, что помешал. *(Пауза.)* Наши тут не проходили?

Все молчат, неприязненно смотря на Джона Ву. Председатель колхоза чешет дулом маузера затылок.

Джон Ву неловко переминается с ноги на ногу, не дождавшись ответа, проходит через сарай, напевая себе под нос.

Ой, мороз, мороз,

Не морозь меня!

Не морозь меня,

Моего коня!

(Выходит в раскрытые ворота.)

Председатель колхоза убирает маузер в кобуру, достаёт из кармана белоснежный батистовый платок, манерно взмахивает им, расправляя, и внезапно начинает горько рыдать, спрятав лицо в платок.

Вкатывается Свинья На Колёсиках.

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. *(радостно).* Здорово, братья... *(Покосившись на Прасковью и Дуняшку, недовольно.)* и сёстры.

Председатель колхоза нелепо всплескивает руками, батистовый платок медленно падает на пол.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. Ах! *(Падает в обморок.)*

Пауза.

ПРОХОР. Вернулась, родимая! Где ж ты была?

Свинья На Колёсиках не спеша достает из кармана пачку сигарет, зажигалку, закуривает. Выпускает дым через ноздри.

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. На речку я прокатилась. Захотелось мне искупнуться на воле, на природе. А то всё в бане, да в бане. Жила б я в городе, так поди ещё и в ванне мылася бы... под душем. *(Хохочет, задорно прихрюкивая.)* Зато уж на речке, поплавала, попле-скалась от души.

ПРАСКОВЬЯ. *(в сторону).* Тоже мне, катамаран с пяточком.

ПРОХОР. Чегой-то раньше я не замечал за тобой столь сильной тяги к природе. Ты бы хоть предупреждала, что ли, когда отлучаешься... Мы тут уже чуть Председателю не начали звонить!

Председатель колхоза приходит в себя, смущённо поднимается на ноги.

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. А знаешь, хозяин, я тут подумала... и решила. *(Курит, думает.)* Уйду я от вас.

ВСЕ. Ах!

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. Вот сижу я тут в хлеву уже который год. И жизни настоящей не вижу. А вокруг — столько радости, столько праздника! Посмотришь, бывало на Дуняшку...

Все злобно смотрят на Дуняшку.

Вот у кого молодость не зря проходит, вот кому будет, что вспомнить на закате преклонных лет. У неё ж сплошные развлечения да мужики, да развлечения с мужиками. Дня не проходит, чтоб я не видала, как она на сеновале скачет. То с одним, то с другим, то с двумя сразу. И ведь что показательно: мозгов у девки ни на грош, зато удовольствий хоть отбавляй. Я так думаю, тут прямая зависимость.

Дуняшка устало садится на ларь, достаёт из кармана пачку сигарет, зажигалку.

Свинья На Колёсиках тушит окурки о корытце для кормления.

Дуняшка закуривает.

Так вот, смотрела я, смотрела из окна своего сарая, как Дуняшка наша на сеновале нашем скачет, и поняла: нужно что-то менять!

ПРОХОР. *(угрожающе глядя на Дуняшку произносит очень отчётливо).* Мысль, в общем-то, правильная: менять кое-что действительно пора. *(Свинья На Колёсиках.)* Но ты и о нас подумай: как же мы без тебя?

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. Да тут и без меня счастливы некоторые просто до поросячьего визга.

Все злобно смотрят на Дуняшку.

Дуняшка молча курит.

ПРОХОР. И куда ж ты пойдёшь?

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. На Марс я решила отправиться. Пора колонизировать Красную Планету.

ПРАСКОВЬЯ. Как на Марс? Туда ведь даже люди на ракетах ещё не летают.

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. Люди На Ракетах меня мало волнуют... *(Подозрительно.)*

Или вы думаете, что я до Марса не смогу добраться?

ПРОХОР. Ты только не обижайся, просто сильно любопытно мне стало вдруг: как же ты через космос собираешься переправиться?

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. Ах, ты сомневаешься?! Да как ты смеешь не верить в мои возможности! Ты что, забыл кто я? Я не какая-нибудь тупорылая свиноматка! Я тебе не бэкон с хрэном! Я — Свинья На Колёсиках!

*Проход подавленно опускает голову и плечи.
Все остальные тоже очень подавлены.*

В дверь входят Люди На Ракетах в количестве трёх человек. На них серебристые костюмы космонавтов, на головах космонавтские шлемы, между ног у каждого зажата серебристая ракета длиной около метра. Они поддерживают ракету впереди обеими руками и перемещаются исключительно подпрыгиванием, на манер детей, играющих в конницу.

ЛЮДИ НА РАКЕТАХ. (хором). Мы приветствуем Свинью На Колёсиках!

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. (радостно). Здорово, братья!

ЛЮДИ НА РАКЕТАХ. (хором). Мы слышали, что ты — Свинья На Колёсиках!

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. (радостно). Да, я — Свинья На Колёсиках!

ЛЮДИ НА РАКЕТАХ. (хором). А мы — Люди На Ракетах!

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. (радостно). Я приветствую вас, Люди На Ракетах!

ЛЮДИ НА РАКЕТАХ. (хором). Мы — Люди На Ракетах — слышали, что ты — Свинья На Колёсиках — собралась на Марс!

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. (радостно). Да, Люди На Ракетах! Я — Свинья На Колёсиках — собралась на Марс!

ЛЮДИ НА РАКЕТАХ. (хором). Счастливого пути! (Скачут через сарай, исчезают в раскрытых воротах.)

СВИНЬЯ НА КОЛЁСИКАХ. (высокомерно ко всем). Ну, что, у кого-нибудь ещё остались какие-нибудь сомнения?

Все подавленно молчат и избегают смотреть в сторону Свиньи На Колёсиках.

Тогда я покатилаь.

ПРОХОР. (обречённо). Катись...

*Свинья На Колёсикахукатывается.
Трагическая пауза.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА. Проход, ну, ты это... как-то там. Мы ведь, в общем все... теперь... в таком положении. Ну ты, конечно, особенно... Но всё-таки... Надо как-то... Того... Надо!.. Надо как-то!.. Придётся трудно первое время... И придётся!.. И потом не легко... А уж опосля — и вовсе... Но как-нибудь... Авось... Может быть... Может быть авось. (Пауза. Потом с надеждой.) А вот, говорят, в соседнем районе на днях появилась Овца На Пружинках...

Входит Лев Толстой.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. Здоровеньки булы!

ВСЕ. Это ж Лев Толстой!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. (смущенно опустив глаза). Я слышал, у вас тут свинью на колёсиках показывают... Посмотреть бы...

ПРОХОР. Дык, нет у нас больше Свиньи На Колёсиках.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. *(сокрушенно покачав головой.) От ведь как. (Уходит.)*

Председатель колхоза падает в обморок.

Входит Соседка, берёт за ногу Председателя колхоза, уходит, волоча его за собой.

Прохор поднимает с пола бумажный китайский веер, который уронил в начале спектакля, затыкает его себе за верёвку, которой подпоясан, тяжело вздыхает.

Прасковья идёт к двери, проходя мимо Дуняшки, берёт её за руку и тянет за собой. Дуняшка встаёт с ларя, на котором сидела, идёт за матерью. П р а с к о в ь я и Д у н я ш к а уходят.

П р о х о р долго молча смотрит в зал. Потом тоже уходит.

Со стены сами собой падают грабли.

Слышен шум приближающегося поезда.

Через окно видно, как Прохор идёт мимо теплиц к сеновалу.

Прямо за сараем проходит поезд на Кисловодск, и электровоз сметает оказавшиеся на его пути две теплицы.

Когда состав исчезает за кулисами, снова открывается вид на сеновал.

Сеновал медленно занимается огнём. Рядом стоит Прохор с факелом в руке.

З а н а в е с

ОДЕКАЛ

Новая творь

«Эти европейцы все на одно лицо!» — критически обмениваются впечатлениями два совершенно одинаковых мелких японца, встретив за калиткой лифта в фильме «Мимино» персонажей Кикабидзе и Мкртчана. У которых из внешнего да внутреннего сходства — лишь талант, весёлый нрав, открытость миру. Что не мешает им дружить, постоянно споря. «Эти одекалоны все на одно лицо!» — перемигиваются критики (не только японцы). С теми же основаниями. Ибо для участников арт-коммуны ОДЕКАЛ (Открытая ДЕлам КАлитка) всегда важно, чтоб совы были не тем, чем они кажутся. Стремление к разнообразию — стимул многих творческих актов. Даже достаточно цельные личности к этому стремятся. Пусть у них и есть то, что называется собственным лицом (манерой, мировоззрением, почерком, проч.). Всегда интересно быть неожиданным. Хотя бы для самого себя. Мир не стоит на месте, чтоб там ни утверждали философы. Художники-поэты тоже движутся. Ведь именно они и движут мир. Чтоб там ни предъявляли техники. Представляем вам новую творь ОДЕКАЛА. Не все активно творящие пожелали участвовать в публикации. Не все активно живущие из этого круга отличились недавно на художественном фронте. Всё, что вы здесь видите, одекалоны сотворили за последний год. Но это, разумеется, далеко не всё, что они сотворили за это время. А сколько ещё сотворят в движении!.

Сергей Сигерсон

Анна Балахонова

***

пой маринованное солнце
кружись где кипятик и сахар
скользят в неуловимом танце
и ветер в порванной рубахе
вздымает каплями слова
по кругу черными шагами
по кругу тёплая трава
летит и замирает камень
чай растворяется едва

***

ты знаешь эту пустоту
собой манящую меня
сто искр на золотую стаю
да снова спящую во рту
последним взглядом провожая
и отражаясь на лету
она мелькает в том ряду
но смотрит вбок уже чужая
апельсин

***

солнце плачет над закатом
ворон делает заплаты
из вечерней темноты
и куриной слепоты
знаешь белое пятно
видно на столе одно
молоко из черной кружки
холодит как глаз старушки
и никто не дружит с ним
чистым нежным и простым
только шепчут в спину едко
не пойдём с тобой в разведку
отправляйся дальше в сны

***

лежит соль жмурится и лица
крупинки с нежностью глядят
в окошки круглые больницы
вверху сияющие в ряд
быть может там найдётся выход
где можно налетавшись всласть
в глазунье раствориться тихо
иль в адский борщ потом упасть

***

с каждой вещи кровь твою
я смываю вечерами
на груди твоей стою
и в тебя бросаю камень
ты расходишься волной
внутри и вдалеке и только черной
пылью упадёшь на дно
да кивнёшь покатою мордой
а как примется светать
голубей глотаешь жадно
я не знаю темнота
как найти им путь обратно

Игорь Горохов

***

я настолько преходяще
что скорее здесь по запаху
нежели по уму

***

не держится в руке перо
не часто пачкаю бумагу
и мысли хороводом белым
ложатся тихо спать на снег

***

я знаю много из того
что знать наверно не обязан
и обязательствами связан
как кварц заполненный в стекло
моим глазам открытым окнам
желающим проникнуть в свет
на этом держится сюжет

***

не трать напрасно слов
сегодня ты не видишь
как мастер твоих снов
неслышный ниндзя лун
невидимой тропой

закладывает гимн
на цыпочках мелодий
и пропадает вдруг
симфонией долин

***

я слушал море
которое таскало валуны
оно незыблемо
как двести тысяч лет
унёсших те молекулы воды

***

создать сквозняк
по коридорам будут бегать дети
невыросшие мысли спозоранку
но рядом рядом сумасшедший дом
в нём полдник кнопка вызова охраны

***

я дней твоих земной хранитель
и с ангелом твоим у плеч
и просыпаюсь как ревнитель
от дрожи в ножнах там где меч

***

за столом сидели
царь царица писатель
портниха купец
повариха
ждали пирог
в дверь позвонили
пирог застрелили
не будет намёков
на вкусный десерт

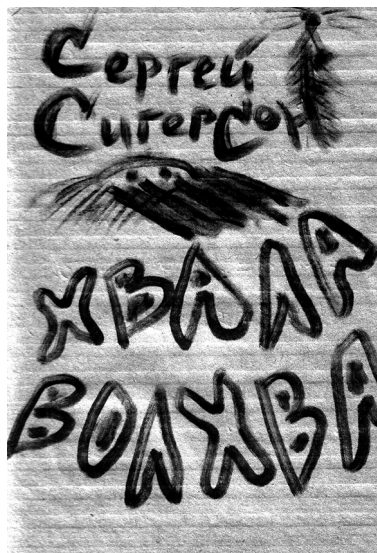
Эд Коцеев

***

в порыве ночь
на улице орфей
сидит на корточках
читает в луже
мутный дождь
лиловый пар
лежит на крышах
каменей дорожных
вкусить не прочь
туман дрожит
от лязга
доменных печей
пузатых вшей
кормить спешит
слуга прогресса
совсем озяб орфей
сегодня вечером
он ставит
производственную пьесу
для тысячи оборванных
чертей

***

я люблю
когда поют ангелы
их голоса бесполы
еслиб они пели роннролл
я бы сошел с ума
еслиб они ели ролы
я бы сошел с ума
вы скажете
ну и псих же ты парень
точно не ангел
я бы спел
если знал как море
поёт в ракушке
словно в баре
под утро оно поёт для себя
последнего посетителя
я бы спел с ним в паре

как ему удаётся
интересуются наши
читатели
жить в таких неудобствах
и я не знаю
ангелы такие
мечтатели

***

первый дом закодирован
в чувствах
первый снег закодирован
в чувствах
ты догадывалась об этом
измеряется детством пруста
неудавшееся лето
дом в котором я вырос
что я знаю о нём
что случилось потом
ты спросишь
тыква стала каретой
краски стали огнём
без поэзии нет поэтов
я отвечу глубоким сном
по осеннему ты раздета
я уже возвращаюсь
в дом

***

техно геенная
 ржавая пена
 корту приливает
 парк джем авеню порту
 путешествие на исходе
 распечатано на коре
 головного мозга
 об наружен в норе
 об наружен в норе
 холод
 но сегодня в моде
 я не прячусь
 не мурлычу бе
 да полно те
 разорвалась подошва лета
 спи те
 спи те

***

кружевное бельё
 превосходно сидит
 на милитаристах
 никогда не спит
 разговаривает
 со свистом
 черное как ночь
 белое как смерть
 берёт в окружение
 новичков старичков
 гонит прочь
 это ли не твердь
 кулаков для пущего
 соблазнения

***

скрести на счастье ноги
 буюну бэкону на зло
 держи удар на первом слоге
 алложному звонку подай
 немного ласки в эпилоге

Велосипед и бабушка

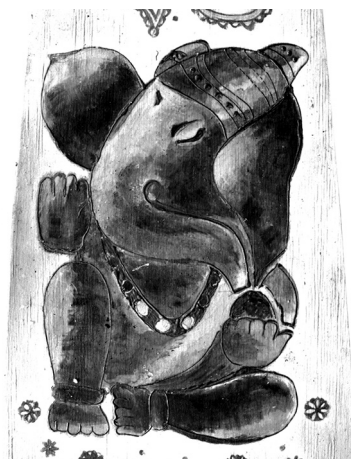
Солнечным июльским утром сбылась моя мечта. Мне купили велосипед. С бабушкой. Дело было так. Ничем не приметный воскресный день для меня с отцом начался с похода на базар за покупками. Наш маршрут по обыкновению пролегал через парк отдыха, в котором спозаранку не было никого, кроме унылого небритого мужчины. Своим совершенным одиночеством он и привлёк наше внимание. А ещё рядом с ним стоял велосипед. Мой отец, ведомый жутким бытовым чутьём, сходу поинтересовался: «А вы случайно велосипед не продаёте?» «Продаю, чего же нет?» — тут же ответил мужчина. Я невероятно обрадовался да ждал, что через мгновение моя жизнь изменится раз и навсегда. Цена велосипеда оказалась ожидаемо низкой. Каково же было наше удивление, если не сказать конфуз, когда мы услышали от незатейливого продавца, что велосипед продаётся вместе с бабушкой. И не успели мы выговорить своё недоумение, как из-за ближайшего дерева к нам навстречу виновато вышла самая обыкновенная бабушка. «Да вы не волнуйтесь, бабушка очень тихая, неприхотливая. С велосипедом поможет, а уж по хозяйству — ей равных нет!» Не знаю, что тогда подействовало на отца, но он купил велосипед. Вместе с бабушкой. Может быть, потому что у него в детстве не было бабушки. Всё очень быстро оформилось. И бабушка, и велосипед стали родными. Я научился кататься, а отец как будто совсем растворился в домашней обители. И всё бы ничего, если бы одним столь же солнечным утром бабушка не исчезла. Бесследно. Все наши попытки разыскать её были безуспешны. Может быть, сейчас, по прошествии многих лет, я бы вовсе усомнился в существовании бабушки, если бы не тот самый велосипед, который я по-прежнему храню в квартире отца. И ещё. Кажется, тогда отец окончательно потерял покой и более уже никогда не был так счастлив, как со мной, бабушкой и велосипедом.

Ольга Маюн

***

привет ящички
не так называются
сам попробуй
то то же
ладно уж
лови банде роль

***

солнце приходит
восьмиклассницей цоя
прятки под утро

***

всё собрали это хорошо
читала как со стороны
не сори ентировалась
на букву эм
ещо малопенсии

***

опасно
с вами связываться
сразу стихи

***

ты же знаешь я
по заказу
ничего не делаю
только по вдохновению
угу щас

Кассиус Нокдаун

***

я бросал на полдороге
все свои дела тела
гдето руки гдето ноги
гдето главы со ствола
лишь другая полдорога
инженера увлекает
там где дева недотрога
плавно люстрами качает

***

на теле ночи
окна жарко горят
словно ожоги

***

кирасиры стоят вдоль дорог
от них тянутся к нам провода
они передают любовный ток
потому то их женщины любят всегда
кто желает стать кирасиром
ешьте одноглазую силу

***

стипендию поэтам ночь не платит
зато бывает звезды раздаёт
она приходит в терпко синем платье
и бархатную руку подаёт
однако же я только провожатый
покорствуя за ней как пёс влачусь
ты холодна а рот сурово сжатый
но оком улыбаешься чуть чуть
чу это знак я наостряю уши
мне пальцы жжот знакомый лёд листа
её шаги всё дальше и всё глуше
ну а звезда горит в моих перстах

***

чорная царица спелыми сосцами
рисовала кашыцу прямо здесь
заходили ящики тучными купцами
до гола снимали молодую спесь
котелки на голову мать вашу ядрёну
всем стоять ровнёхонько и не спать
если вы пропустите гниль или макрёну
будете до гроба танцовать гопак
все глаза и зубы в ночь спустили с цэпи
чем же устаканилась эта быть
гниль с утра приехала в двухколёсных кепи
да разбила субчиков в золотую пыль

чорная царица содрогнулась с трона
кашыцу отправила доберману в пасть
пёс с великой радости сделал сто поклонов
а потом вертелся как морской компас

***

каркают рынки
шмыгают крысы авто
хищные рыбы
плавают в модных пальто
в празднике жизни
царит вертопрах
в звёздах жолтых и жирных
их вертоград

***

на сковородку солнца
прилегло облако
вот тебе бабушка и сурьев блин

***

я родился ничевоком
на окне
вышел маме папе боком
и луне
папирусками бросались
ма па в мен
я страшнее был розалий
до колен
кошки красные крутили
круг меня
боги пели тили тили
трали вали кня
зь
вы когданибудь видели высоко шагающую
грязь
закройте быстрее глаза ваши прочными
пробками
иначе тулупами туч на веки будете
прокляты

Сергей Сигерсон

***

глубокое по чтение
приводит к бурямглою
на весь мир

***

встречи наши всё выше
по страсти градусу значит
глаз твоих серые мыши
в разные стороны скачут

***

по окружности трубы
вырывая звук букетом
бивуак гитар разбит
барабанной дробью лета
лихорадка отходняк
от канона дальше дальше
джаза резвого коня
запрягать нельзя без фальши

***

выпотрошив решительно
подушку чужих романов
взял пару пёрышек слов

***

о птицах в значении птиц
о небе в любых значениях
сообщает страница
в живом журнале растений
комментарии наших ресниц
осыпаются вот и тени

***

губки бантиком
не вывалилось чтобы
ни смешинки

***

изпод ванны взгляда
вытекли все слёзы
день такой как надо
точно не серьёзный
ты сидишь на суши
поменявши роли
метеор насущный
пролетел с паролем
пролистал весь вечер
да и дня осколки
на столе беспечно
лун без треуголки

***

балалайка трень брень
струнами традиций
слышу тренд бренд

***

качая свой портрет
в заутреннем трамвае
ещо один сюжет
из будней поломаю

***

чорных собак бежа
мимо но не мимозно
свинга ввинтился шар
в улицы где немой зной
вот из потопа тёмного
шерстью во все углы
смех большой арестован
а мелкий дробится злым
в остроконечные зубы
кабанчики среди собак
мелькают всё чаще овсу быть
измолотым натошак
колоски диски ласки
игровое мурлычество
зазвучит так что ляскнут
челюсти вечера личный ствол

***

крутится дама красиво
наголо внутрь центрифуги
машина стиральная времени

***

луна да солнце
два колеса блестя
небесного велосипеда

***

гляжу на правду истлевшую
слов уходящих в дым
но наше дело левое
мы победим

Сергей Сигерсон + Елена Сиренева из народного проекта «Свежие мысли барона Мюнхаузена»

Как-то попалась мне, барону Мюнхаузену, картинка одна распрекрасная. Шедевр просто. Нашёл его у своих друзей в коммуне художников–ничевсёков, забрал. Полюбовался. Часа три, а то и тринадцать. В замке своём на стенку повесил. Ещё лучше стало. Однако, гости одолели: «Чьих кистей?» И так, и этак разглядывал — не определю. Левый край, вроде, на манеру одного похож. Правый — совсем на другого. Сюжетом — на третьего. А они сами и не помнят якобы. Вызвал известных художественных экспертов Симона с Сержем. Долго допытывался, даже пытал. Те заспорили меж собой, аргументами осыпают друг друга, как конфетти. Хлопушками цитат взрывают спор. Серпантинами долгие доказательства своей правоты протягивают. Ясности не внесли, только дужки очков своих в наоборотную сторону вывернули. И порешил я на крайние меры пойти. Привязать художников к стульям перед столом с красками разложенными. Пусть глядят, а дотянуться не могут. Чтoб признались, наконец, в авторстве. Мне уже и самому почему-то стало очень важно узнать, чей картин украшает мой замок. Для мучительства решил читать этим упрямам вслух стихи классиков бродских-перебродских. А если не поможет, то и чего-нибудь из наисовременных поэтических слэмов. Это места такие, где стихами называют всё, что угодно, вплоть до бандитской переклички из ночных негритянских кварталов. Думаю, этого ни один настоящий художник не выдержит. Сознаются, как мильские, чей же это шедевр.

Елена Сиренева

***

фонари даже днём
протянуты как микрофоны
интервью у весны

***

мороз остряк
одел в стихи
не греет страх
мозги как кит
глазное дно
у лиц и улиц
смелее днём
прострелен пульсом

***

если фортуна отвернётся
мужчина рад
ведь можно ей зад потрогать

***

опоздала на концерт
ливень подскочил
к роялю туч первым

***

грели мандарины
на батарее зимней
передержали и вот
воробьи вылупились
скачут по столу
новогоднему
обеспеченный праздник

***

распустить театры по трамваям
пусть клубятся в искусонном лае
масками прожаривая лёд
равнодушных форточек оплот

***

пятнистая планета кошка
вертится вокруг оси
своего хвоста

***

декабрь в кабриолете
порывисто небрит
сквозь колкости о лете
транжирно снегом пли
брависсимо бровей
ворованных теплот
нос жадно багровеет
меня терпя как плот

***

мужчина гол
ему в ворота
груди мангал
голодный ода

***

море заядлый книголюб
прибоем берега листает
не вчитываясь в людей

***

искусству все возрасты
попкорны

***

осенние деревья хомяки
стоят с полными щеками
желтых листьев

***

ночь отплёвывается звёздами
чтоб не сглазить ласк
первых лучей солнца

***

мы не сойдём с ума
а покатымся
со смеху

мужчина гол
ему в ворота
груди мангал
голодный ода

БЕС ГРАМОТНОСТЬ

ОЛЕГ ШУРФ

Д.М.Шурф

***

смотря по сторонам
определяю сразу
история одна
различны пересказы

***

утеплился впрок
чувствую свободу
выйдя за порог
ничего подобного
не предполагал
по причине близости
плохо лёг загар
тяжело нести

***

форма в стороне
от моих стандартов
благородство завтра
под большим сомнением

***

с завываньем вьюг
персонаж возник
из широких брюк
доставая фигу
подходящий знак
для свободных рук
полная луна
гениев кондуктор

***

плохо врасплох
всполохи
похотливого неба
один вздох
душу теребит
надломлен ключ
лезвию парой
терплю сплю
в горле огарок
гордости

***

опыт
без фаты
кто ты
репетитор
фото
за труды
кто там
яму вырыл

***

образ порозовел
весь до намёка
видимо зрел
неподалёку
личный мотив
кризис доверия

цвет на пути
образ при теле

***

гнетёт гнетёт рассвет
гнилая перспектива
альтернативы нет
реальности строптивой
не стоит доверять
судьбу сбивая с толку
гнетёт гнетёт заря
романтики осколки

***

радуга
на боку
вклад в строку
облака
абы как
по кивку
чем влеку
угадай

***

гении злы
знает зола
общий расклад
в месте разрыва

***

воруют имена
недремлющее время
смотри по сторонам
потенциальный гений
в провинции цветёт
и чемто точно пахнет
немилое дитё

сложившийся характер
нагрузки не несёт
стандартно отстранённый
воруют то да сё
недремлющая стрёмность

***

экстраверт не без выверта
углублюсь в психологию
собирая цветы
что у дороги
меланхолично растут
крайне неприхотливы
чувствуя за версту
прерогативу
вязнет в траве интроверт

***

онемел как буква
в узах алфавита
мы с тобою квиты
речевой кондуктор

***

в гору до поры
вестники свободы
знают суть игры
под диктовку моды
рушатся миры
обновив рекорды
до поры с горы
образ инородный
вестники бесплодны

***

неприкрыто крут
встречен добрым утром

на пороге плут
онемел как будто
кругом голова
главная проблема
временной провал
крут проникновенно
откровенно глуп

***

некуда спешить
дальновидный принцип
берегись провинция
собственных вершин

***

один визит
двойное дно
поэт вблизи
совсем не он

***

глупости постиг
честность напоследок
удержав в горсти
ровная беседа
через не могу
завела в ловушку
музы берегу
не жалея пушки

***

в топку времени дрова
без сомнения подбрасывал
соответствуя словам
об извечном дисбалансе
между жизнью и мечтой
ничего принципиально

не изменит нас с тобой
в топке времени реальность

| или черная палочка

***

я современник был всему
но всё вневременно мне было
поэтому ничто мне мило
хотя бы я никто ему

***

гол да колок
скелет логики

***

закрывает за собой элитка
вотще брильянтовой калитку
что нам ограбившее нас
насилия быта пьем бодрящий квас

***

автопортрет недаром блещет узостью
в нём широта всей глупости вантузится

***

струйку мысли направляет
посикунчик молодой
на реальности пожар
задымился вещный шар

***

уф
арт як пруф
да вотс
не прётс

***

твой стиль от спицы
плизтвенница
от вестей стейк ниц пал
с поллица петлица
ей сбывься возгордится
мал тем чем ал

***

полено мнений вах
стреляет искрами
горит как
тонет быстро

***

афоризмы дружат лишь
с пыльной книжкой либо мышь

***

на себя пике крепки
мы сердец ума репками

***

сладка ли та была морошка
что пушкин перед смертью ел
ответа нету
хоть у дула пистолета

***

не все из тех кому поэзия нужна
догадываются об этом
ах интересно быть или не быть
поэтом

***

из толпы нас осталось мало
никому
опросталась пурга да усталость
одному

Опыт подогревания интереса к природе ремейком абстрактной классики

действующие лица

*сергей сигерсон. елена сиренева. рояль
чайный. снег камский. кама или дух казими-
ра малевича.*

место проведения

пермь. улица фёдора старцева.

время проведения

6 ноября 2014.

ход акции

выбирается обширное заснеженное
поле ограниченное с разных сторон. бензо-
заправкой да пожарной командой. хриси-

анским служебным домом да современной
автострадой. сигерсон сиренева располага-
ют на поверхности вечного камского снега
современный электрочайник белого цве-
та иноземного производства марки рояль.
разбросанные по полю электростолбы яв-
ляются единственным полевым украшением
да хорошим дополнением к электрическому
роялю. который уже не играет чайных сюит
зато подогревает сумрачную природу од-
ним своим видом воплощая новое явление
классического произведения супрематизма
под названием белое на белом. проводится
фотофиксация. материализовавшийся на
берегах камы кама или дух казимира мале-
вича авторизует супрематическую жизнеде-
ятельность в новых условиях почти сто лет
спустя.

итог акции

искусство снова вынесено из музеев на
улицы. новыми средствами продолжены ста-
рые опыты классиков. ограничения с разных
сторон бензоколонкой да пожарниками ав-
тоцивилизацией да церковью создают меж-
ду собой сильнозаряженное поле усиленное
электрическими разрядами. вечная природа
поглощает продукт человеческой деятель-
ности до полного гармоничного слияния.
белое на белом в современном прочтении
становится более близким нынешнему зри-
телю жителю мегаполиса. дополнительную
теплоту задушевность придают частичные
проталины лишаящие картину классиче-
ской чоткости гладкости цельности.

Татьяна Соколова

Серёжа

Это приходит всегда неожиданно.

Вернее — случается. Причём так, как случиться не может. И даже не случается — происходит. Именно тогда, когда невозможно ничего подобного предположить, тем более ждать, и даже за минуту до этого хоть как-то представить, что подобное возможно с тобою.

Иногда оно буквально сваливается на тебя, обваливается как бы сверху, накрывает от всех невидимым куполом, делая тебя мгновенно уже не тобою, а сгустком неведомого тебе прежде огня. При этом разум твой, забывая себя, опьяняется лёгким кружащим хмелем, глаза видят никому прочему не видимое, уши слышат вовсе не то, с чем к тебе случившиеся рядом обращаются. Твои ноги или студятся до совершенного онемения, или чугунно тяжелеют, сердце же заполня-

ется такой неповторимо сладкой, вытягивающей всё нутро мукой, что кажется — по качеству это и есть репетиция той настоящей, последней муки, соединяющей в одно невообразимые любовь и боль...

А был уже конец апреля, и снег недавно сошёл. Оставшейся после него водой были пропитаны грунтовые дороги и полны обрастающие первой травой колеи вдоль них. Тёмная талая вода стояла между кочек в низинках, поблескивая осколками первозданно чистого, освещённого восточным солнцем неба.

Местность вокруг была открыта и округла. Её выпуклые овальные полукружья, разделённые между собой неглубокими недлинными ложками, были палево-зелены прошлогодней и чуть пробившейся сквозь неё новой самой простой луговой травой.

Влажное марево погожего весеннего утра делало разбросанные внутри окружности горизонта — одинокие и колками деревья, стоящие отдельно и по несколько в ряд домики, изгороди вокруг них, фигурки животных — похожими на картонные декорации желающего быть вечным спектакля. Нам только что рассказали, что когда-то в этой местности было сорок переходящих одна в другую деревень.

— Хорошо, — сказал шедший по мою левую руку Дионисий, радостно и широко распахивая невесомые в солнечных лучах руки.

— Хорошо, — сказала и я, но мне захотелось сказать — Серёжа.

Конечно, я не сказала. Кажется, я никогда об этом никому не говорила, лишь проговаривалась, когда меня не слышали.

Мы шли из храма в скит по водянистой грунтовой дороге, выбирая на ней полоски потвёрже, а иногда переходя на обочину и прыгая там с кочки на кочку, вытирая о коричневую прошлогоднюю осоку ботинки от жирной глины и невольно наматывая её на них снова.

— Хорошо, — сказала теперь шедшая по правую мою руку Лида.

— Да, — согласилась я.

Не было слов, чтоб рассказать, как было хорошо! Тепло, тихо, солнечно, и птицы нежно кричали, низко пролетая мимо и скрываясь в небесном отдаленье.

— Будешь купаться? — спросила Лида.

— Если ты будешь, — сказала я.

Нас было человек пятьдесят, а может, сто, хоть в этот день не все были с нами. Никто нас никогда не считал, и не было такого, чтоб этот наш, а тот не наш. Для меня все были наши, кто был тих, улыбчив, даже в гневе смиренен и кроток, в ропоте обижен только на себя. Не было ни у кого из нас ни возраста, ни пола, а внешность и одежды каждого были сказочно красивы.

Когда мы бывали вместе, сердце моё захлёбывалось от счастья! Я могла при необходимости нарисовать душу каждого из нас, кроме своей, конечно, и, конечно, пунктирно, как только в этом мире и возможно,

и в разной степени проникновения, по мере усвоенной мною любви.

Я сказала — любовь — и мне захотелось сказать — Серёжа — но я не скажу, ибо вряд ли правильна без комментариев такая параллель. Ведь кто такой Серёжа? Просто человек. Просто мужчина средних лет. Какой-нибудь инженер. Или врач. А может, журналист. Может быть, он немного даже и картёжник. Но почему мне хочется и невозможно смотреть ему в глаза? Почему мне боязно, когда я знаю, что его увижу? Почему я знаю, что он слышит то, чего я ему не говорю и не скажу никогда? Зачем мне эта ненормальность?

Так случилось, что с год назад мы остались бездомными. Просто в храм наш назначили нового настоятеля, а он пришёл и сразу стал ненавидеть нас. Неинтересно, как, за что и почему. Сама ненависть неинтересна. Неинтересно всё, что, в конце концов, буквально, абсолютно и непременно умрёт. Хотя, если кому интересно, так пусть.

А мы стали уезжать. Брали в аренду большой автобус и уезжали, порой за сотни километров, в какой-нибудь старинный храм: мужчины и женщины, старики и старухи, совсем маленькие и почти взрослые дети. Нас везде встречали как дорогих гостей. Всё в такие дни было праздником! Праздником был наш ненавидимый новым настоятелем больше нас всех вместе взятых ангел-батюшка — есть такие люди-праздники — тихие, светлые, рядом с которыми никаких слов не нужно, скорее, всякие слова рядом с ними пусты и тщетны.

«Яко кораблец в пучине яз един обуреваюсь от прегрешений многих» — словами Давида тихонько ворчала моя как-то неожиданно этой весной уставшая душа, пока автобус наш, будто тот кораблец, пробивался в городском автомобильном потоке. Наконец он выруливал на трассу, увеличивал скорость, внутри него все мы наконец прекращали усаживаться, ахать, охать, обнимать и целовать друга друга.

— Слава Святей, Единосущной и Животворящей, и Нераздельней Троице!

С голоса батюшки, пожалуй, всё и начиналось. Подбиралось тело, становясь сухим,

лёгким и сильным, обретая в центре груди маленький, воздушный и невесомый, способный расширяться бесконечно и вместить в себя весь видимый мир, якорь. Мысли легко и желанно вплетались в слова знакомых почти наизусть молитв. Слова были похожи на нежные лепестки вьюнка полевого, непрочно прикрепленные к проволочной прочности жгутам его стеблей. Так невозможно хороши цветки вьюнка, скромные, бело-розовые!

За утреней шло у нас исполнение правила к причащению, акафисты, просто пение. Уже давно не чувствовалось никакой дороги, никакого ни физического движения, ни шума мотора — кораблец наш обращался невесомой прозрачной капсулой — неважно было, пролетает ли он среди светлой зелени полей и тёмной зелени лесов с вкрапленными меж ними человечьими домиками или они проносятся пред ним, парящим почти в поднебесье.

Я очень долго не понимала, что это просто разные ступени или степени счастья — молиться Господу в родном храме, или дома, или в спешащем к неизвестному храму автобусе и любить одного из детей Божиих. А можно любить и даже самые простые проявления Его и предметы. Или многих Его детей или предметов и явлений любить, но не абстрактно, что и невозможно, а каждого к тебе приходящего как Дар Божий принимая.

Зная, что любовь одно с верой и надеждой и выше них, я долго не понимала, что такое любовь, хотя её всегда было так много со мною!

В тот день, в конце апреля, по мокрому, жёлто-зелёному полю шёл со мной рядом мой самый первый, самый красивый и любимый внук Дионисий. Он жил далеко от меня. Мы виделись с ним даже не каждый год. Я шла с ним рядом и, поднимая и вытягивая свою вдруг ставшую короткой руку, гладила его по курчавой золотистой макушке, неустанно повторяя:

— Дионисик, Дионисик. — Этой весной он неожиданно оказался намного выше меня.

Я была очень счастлива, и мне хотелось говорить — Серёжа. Так звали другого моего внука, довольно своенравного младенца около трёх лет. Но дело было вовсе не в нём. И тем более не в том, кто шёл от нас несколько в отдаленье, и, я знала, видел меня.

Так странно и необъяснимо соединились в этот день во мне любовь и счастье, давно знакомый Серёжа и незнакомый человек в нём. Мне даже мгновеньями хотелось всю окружающую меня красоту оставить и думать о Серёже бесконечно, хотя я не знала о нём практически ничего.

Значит, вовсе не думать. А забыть и парить. Про всё забыть и ничего не знать, а только жить неожиданно, неизвестно как и для чего нахлынувшей радостью и любовью.

Ведь если думать, надо делать усилия, чтоб мысли были правдивыми и справедливыми. Например, о том, что изначально это имя — Серёжа — никогда меня не волновало. А потом рядом с ним мне пришлось прожить двадцать семь лет. И среди них познать через него самое подлое предательство и неизбывную, казалось, боль.

От этой боли я постарела в одночасье, в тогдашние свои чуть больше тридцати пяти лет. Я всерьез думала тогда даже о смерти, заранее зная, что мне никогда не будет больше этих тридцати пяти. Хоть с детства мне нравилось чувствовать себя старухой семидесяти двух лет. Именно семидесяти двух, ни больше и ни меньше.

Эти игры со временем длились очень долго. До тех пор, пока наконец не исполнились все мои земные мечты. Тогда время само пришло и сказало: ну, ты же видишь теперь, что меня в этом мире в принципе и действительно не существует, твоя мама говорила тебе об этом давным-давно, а ты не соглашалась.

Да, мне пришлось согласиться, и я перестала думать о том, сколько мне лет. Они просто пошли одно за другим: Лето огня, Лето воды, Лето леса... Было ещё Лето собак, Лето грибов, Лето камней. И — никакого при этом язычества.

Суть заключалась в том, что каждая из этих стихий в определённый отрезок

времени (как ориентира, не сущности, не субстанции) максимально сгущённо приближалась ко мне, а я к ней.

Это сближение сопровождалось очень сильным взрывом эмоций. Я вдруг начала любить (воду, огонь, лес...) больше всего на свете! Я бывала бесконечно, безудержно счастлива только от того, что видела (или представляла) одно из них! Мне казалось, что этому моему счастью не будет конца! Например, я теперь всегда больше всего буду любить воду и только воду, её волны, зеленоватую живую дышащую глубину, её влажный шёпот...

Это сладко-мучительное состояние влюблённости могло бушевать, а могло потихоньку бичевать душу, но постепенно и совершенно безболезненно затухало и уходило вовсе. А в результате я начинала просто знать, что это такое — огонь, вода, лес или другая выраженная материально сущность. Каждая из них как бы оставалась во мне, уже нематериальная, становилась частью меня.

Так случилось и в это лето, когда оно ещё не настало, в его апреле, когда я увидела Серёжу.

Нет, я не увидела и даже не услышала его. Просто возникло — Серёжа! Есть такое счастье в этом мире и такая любовь — Серёжа! Не предательство, не смерть, не боль — любовь и радость — Серёжа! Мне просто хочется говорить, про себя или вслух — Серёжа! — и быть бесконечно счастливой этим!

Ведь у того, как это получается, нет действия, вернее, нам не понять глагола, обозначающего это действие. «Дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет...», — говорит Господь словами Иоанна. (Ин 3-8). «Возлюблении, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть...», — добавляет от себя Иоанн (1 Иоанн 4-1).

Так затейливо перемешаны в нас наши плоть и душа! Так замусорены и слабы наши души! Так необразованны мы и неопытны во всём, что касается духов! Сколько происходит из-за этого тяжелейших трагедий!

Особенно в юности, когда любовь особенно легко становится служанкой страсти, не обязательно плотской.

Так бывало со мной сотни, тысячи раз. Душа выделяла из бесконечности лицо, предмет, стихию и, очарованная выбором, оплетённая плотью, бросалась навстречу безоглядно, неистово, желая познать, раствориться и — да! — погибнуть. И погибала, или, остановленная кем-то, ещё Неведомым, холодно и недоумённо взирала на недавний предмет очарования, не получив ни радости, ни пользы, а одушевленному принося к тому же ответное недоумение и обиду — отчего так неожиданно и беспричинно к нему оледенели. Где всех их собрать теперь и испросить прощения? За необразованность, и глупость.

Ведь для мирского человека мудрость («бесстрастие») не в том, чтобы не ощущать страстей, но в том, чтобы не принимать их в себя» (И. Брянчанинов). И более — «Душе быть доступною страстям — полезно для уязвления совести, пребывать же в страстях — дерзко и бесстыдно» (И. Сирин).

Давно изучив законы аскетики и даже немного опробовав их на практике, я так часто и даже без меры пребывала в страстях — и бывала счастлива ими! И самоуверенна, и горда, и обольщена не столько ими, сколько сама собою. Каждый раз мне казалось, что я научилась замечать, как они, верх ласкательства и притворства, подводят к обрыву, за которым, всегда смертельно опасные, хотя и необходимые — задержка дыхания, сладкая песнь, сгусток любви и муки. Каждый раз мне казалось, что больше я им — не поддамся!

Мир называет это — если не поддаться — влюблённостью, сублимацией, платонизмом. Говорят, из этого рождается всякое искусство и литература. Уверена, из этого рождается лишь графомания — плод не переплавленной в дух словесной плоти, которая может быть даже грамотной и высокоинтеллектуальной, но никакого отношения к литературе как духу в плоти не имеющая.

Ведь важен процесс и угол зрения, которые чаще всего упускаются. Душе — быть

доступной страстям. И — закрываться от них, уходить от предмета, переключаться. И — или — идти им навстречу, терпеть их огонь, насыщаться и уставать, до равнодушия. Конечно, это очень опасно, всегда на грани. Финал может быть единственным и банальным — грубый грех как нарушение человеческого естества (блуд, воровство и прочие смертельные лихоимства).

Но Господь ничего не даёт зря, без смысла, без пользы. Не обольститься, увидев за страстью любовь, а подчинив страсть, переплавить её в познание, итог и польза которого и есть любовь. Из желания пользоваться, и обладать, и насыщаться бесконечно — в радость и счастье, что это есть в этом мире, то есть у тебя и в тебе, ведь этот мир очень маленький, и он становится всё меньше, и всё в нём перепутано одно с другим бесчисленными нитями, и он одно с тобою.

Зачем ко мне этим апрелем приблизилось это — Серёжа — и заиграло, и заговорило на разные голоса, когда теперь я точно знаю, что это — не моё имя? Ведь имя человека — великая тайна. И, если слушать, можно даже услышать заранее, какое имя предназначено каждому из нас. Одна моя внучка должна была стать Анастасией и стала ею. Другая вместо Елены стала Анной. Так нравится нам здесь проявлять свою волю! Но, говорят, когда человек вступает в иной мир, Бог даёт ему новое имя, которое будет известно и интересно только Богу и самому человеку.

По суетности своему думаю, что если муж и жена «един дух, едина плоть», то и имя им будет дано единое, основанное на земных именах. В том числе и потому так смертельно страшны блуд, прелюбодеяние и множество браков. Ведь испорченную, как искусанное яблоко, плоть человека Господь заменит новой, не плотской плотью. Но куда деть надкусы (искусы) — множество имён, оставшихся в душе, ставших одним с нею, у каждого из которых своя порочная цепочка надкусов? И каково будет, исходя из этого, твоё новое имя?

...Но пришли наконец мы и в скит — уединённое бесстрастное жилище на берегу

небольшого, замутнённого весенними водами озерца. И как-то все разбрелись и развелись по его берегам и краям прозрачных безлиственных пока колков. Тишина наступила. Лишь источник святой как живой разговаривал невдалеке с кем-то. Он лился с полуметровой высоты в деревянную колоду, и голос его был плотным и мягким.

Точеная фигурка Лиды вспорхнула на высокое крыльцо стоящей невдалеке новой деревянной купальни. Иногда мне кажется, что Лида — всего лишь сладкое виденье моё. Райская птичка. Оливковая ветвь. Не женщина, не старушка — хрупкая маленькая фигурка в платке домиком, приталенном жакетике, расклешённой юбке до пят, лицо младенчески белое, глазки голубенькие.

Вот она стряпает рыбный пирог у себя на кухне, наливает мне постного супчика, ставит передо мной банку густого чёрно-бордового смородинового варенья, дарит мне пышную рассаду перцев и помидор, мы обсуждаем какие-то бытовые мелочи. И всё это — как бы понарошку.

На самом деле дело происходит вовсе не здесь. И говорим мы о другом. Где, я не знаю. О том, перед чем все человеческие речи тщетны. Все физические ощущения во мне рядом с Лидой исчезают. Покой, простор, радость, лёгкость, осознание единственности и сейчасности происходящего. Мы просто с ней куда-то идём. Но земного притяжения нет. Как бы по воздуху. Лида держит меня за руку своей маленькой ручкой и ведёт туда, куда без неё мне не попасть. А не попасть нельзя, иначе не было и нет ни в чём никакого смысла.

...Лида, будто ловкая рыбка, легко выпрыгивает из квадратной купели купальни, смеётся и что-то говорит мне. Я не слышу. Дряблая, тут же озябшая, боясь поскользнуться на мокром полу купальни, иду к купели, цепко держась за поручень, тяжело спускаюсь по трём ступеням к воде.

И неуклюже плюхаюсь, и ухожу под воду с головой. Один, и два, и три! Вода холодна, густа, темна, тяжела. Она живая. Она затягивает тело точно в воронку. Она не отпустит. Потянет всё глубже и глубже.

Душа даже вскрикнуть не может. Оказавшись там, где ей быть невозможно, она задыхается, превращаясь в сплошную невыносимую боль. Она сжимается до точки и рвётся из тела, смертельно распластывая его плотную упругую мякоть — наружу! Вверх! Прочь! На свет! На воздух!

Теперь я знаю — так будет вырываться она из тела в тот единственный миг, который отменить невозможно. Прежде я видела это со стороны, у других. Теперь я знаю, как это будет со мною.

По сравнению с этим абсолютно всё — суета и тщета. Без сантиментов. Сухо и жёстко. Какая любовь? Какие страсти? Какой Серёжа?

...Потом настало всё-таки очередное лето. Одна подруга звала меня к себе в Грецию, другая в Абхазию. Я никуда не хотела ехать.

Я не заметила, как стала ждать, когда придёт премия за мою новую книжку, и я куплю себе новые серёжки из красного золота с крупными лиловыми аметистами. Конечно, я говорила себе, что вполне могу без них обойтись, мне просто надо оставить их потом одной из внучек. Но я так любила эти не купленные серёжки! Я ходила в магазин и любовалась ими, зная, что без всякой премии могу купить их в любой день.

Я запрещала себе думать и всё-таки думала иногда о Серёже...

Георгий Звездин

Элегия

Metamorphoses

не притча и не загадка
на простой вопрос
я долго не мог услышать
внятного ответа
практикую метод индукции
я только хотел знать
что такое мужчина
и в чем его достоинство
но вот однажды в газете
в рубрике «знакомства»
я натолкнулся на объявление
«нужен настоящий мужчина»
обрадованный
я тут же набрал указанный номер
после нескольких гудков трубку сняли
и вот что я услышал

раскрой меня наугад
улыбнись строке дебютанта
взвесь мои груди
и если откроешь тайну
запатентуй
позавтракай на моем бедре
остро пахнущем
в час когда зеркальность луж повышена
выйди вон
и вспоминай насвистывая
мою мелодию
о рядовой грек павший в пески Илиады
ради часа с Еленой прекрасной
на квартире в центре
о конь в пальто средней весовой категории
мечтавший сыграть роль чернокожей
певицы
зачем в твоём кармане туфелька?
не знания и не навыки

сумей почувствовать однажды то
как любвеобильна осень
всего лишь

не знаю сколько я слушал все это
я очнулся на верхней границе бабьего лета
в королевских лесах под Чусовым
шла торжественная литургия охоты
громко хлопали на ветру
створки царских врат

Элегия

она была наполнена и потому
желала быть настигнутой

тем летом
мы варили мидий
заостренным дрыном
охотились на камбал
препоясав чресла
толстыми ремнями ламинарии
устраивали бег на стадий

и запрокинув голову
беззвучно открывая рот
она смеялась
а мы
оглохнув от прибоя ей кивали
тем летом
для нас дорожке не было награды
и снова мы ристались
в слона и в пекаря
и в конный бой
потом опять в слона

а через год
ты с предками уехала на материк
а через три уехал я

не дай нам бог увидеться
о чем бы
мы поведали друг другу?
за гопника ты вышла замуж я
наконец-то разменял свою невинность

теперь понятно мне
о чем тогда волна бубнила
в пробитый трюм полуистлевшей баржи
но это
потеряло смысл
и с кем тебя настиг прилив
теперь
неважно

но как ни горько
я не говорю прощай
тому не случится больше
меж мной и жизнью это не делимо
покуда очно смерть сама
торжественно не вступит в наше
триединство

Картины режиссера Ботичелли

Владиславу Дрожащих

1.

стареющий поэт Державин
возник в дверях кафе
четыре
пермских фонаря перемигнувшись
на все четыре стороны
растиражировали тень его

ты скажешь
вот он виночерпий вод отходящих мира
вот он мирносец
умастивший без разбора
наши глиняные ноги
и мы с тобой поговорим
о бесполезности искусства
о том что
бесполезностью своей оно кощунственно
как всякая попытка поделить на ноль

2.

в окно глядят отец и сын
и видят старика в дверях кафе
одетого по моде середины
восемнадцатого века

Сын:

должно быть чьей то святотатственной
рукой
ненастной этой ночи в знаменатель
грязным кляпом
вставлено зеро
нарушен ход вещей привычный
Левиафан на Камский выбросился брег
и заскулил
а вот приметой верной дней последних
на променад выходит этот призрак
но все это ничто
меня смущает лишь то
что нет у нас автомобиля

Отец:

мне странно это слышать сын
сейчас когда в прихожей нашей тесной
мерцают тихо лунные ботинки

Сын:

что? лунные ботинки?

Отец:

да лунные ботинки
библейских патриархов я заткнул за пояс
поверь никто и никогда
никто и никогда не оставял в наследство
такого редкого сокровища
пойми ведь в них всего два шага
до бессмертья
два шага до бессмертья
два шага до бессмертья

3.

а в это время
лицеист приходит к женщине
она адресовалась
в газете городской как стройная
общительная дама
вот он разулся
в комнаты проходит
и тут его манера
говорить и двигаться
ей кажется чрезвычайно странной
она почти напугана
и чтоб ее немного успокоить
он говорит

не бойся

я Уолт Уитмэн
тот самый
щедрый и могучий
будь благостной и тихой
до назначенного часа
когда приду к тебе
ее глаза опущены
и рот ее смущенно приоткрыт

4.

для нас все стало в городе другим
вот я стою на лестничной площадке
будто Герман у графини в доме
и слушаю прибор из раковин квартирных
или сквозь пальцы пропускаю
песок времен напрасных
любимая! отправимся на рынок
мудрец у жизни в мелочах найдет себе

отраду

как ребенок что стащил у няньки
коробку пуговиц
оцепенеем в овощном ряду
посмотрим как в пегментных пятнах руки
из бурлящего рассола извлекают
малосольный огурец
пускай себе другие грезят
о больших автомобилях
о столицах
поверь что даже мысль о переезде
я находил всегда кощунственной
ведь это означало бы предположить,
что где-то есть служанка
у которой бедра шире и груди больше
чем у тебя
о Мери
неслыханное святотатство!

5.

стареющий поэт Державин
выходит на трамвайный мост
и застает луну
снимающую грим
он говорит
почтенный председатель
не правда ли

всю прожитую жизнь сейчас
 находишь ты напрасной?
 и для меня безделицей Моцарта
 промчался жизни сон
 я видел русский бунт
 и жив остался
 чтоб написать пять тысяч од
 придворным стать поэтом
 а лунные ботинки господ
 сейчас стоят под панцирной кроватью
 в комнате у лицеиста
 и одиночества его сейчас не приобрести
 за все сокровища Магриба
 воистину нет правды на земле
 а значит
 нет ее и выше

Три поездки Ильи Муромца

что делать господ
 что делать
 можно дождаться сумерек
 вынести на веранду стол
 накрыть чистой скатертью
 вынести блюда
 перевернуть
 водрузить керасиновую лампу

начинай ты
 или ты
 все равно
 начните кто-нибудь повесть
 о дороге прямоезжей в стольный Киев-град
 о том где она
 у кого она
 кто стоит в ее начале

начните так
 облака-лазутчики доносят
 герой шел всю ночь
 вдоль федеральной трассы
 и девушкам с автозаправки
 ничего не оставалось
 как только рассмеяться вслед
 какая-то «девятка»
 обогнав его притормозила у обочины
 и он решив что его хотят подвезти

подошел поближе
 и наклонившись стал всматриваться внутрь

то что он там увидел
 под стать крещенскому сну

Татьяны Лариной

там сидело пятеро молодцов
 и с ними девчонка для забавы
 у любого из вас
 от увиденного
 волосы бы встали дыбом
 но герой
 только недоуменно пожал плечами
 он знал что каждый из них
 боится остаться с тайной тайн наедине
 боится спуститься в дельту
 и почувствовать свежий ветер
 с Хвалынского моря

в этот момент
 потоком ветра от проезжающей фуры
 с него сорвало кепку
 и она покатила брэнча
 как подлинный шлем Мамбрина

далее
 под транспортной развязкой
 он имел аудиенцию с самим Эолом
 и был при этом без кальсон

в конце концов под утро
 он зачерпнул из кювета
 и провозгласил тост

итак облака-лазутчики доносят
 герой появился на подступах
 жители города спешно
 занимали места
 им было обещано что они увидят
 сошествие во ад

когда герой вышел на площадь
 он увидел массу людей
 восседающих на стульях
 а вместо лиц
 у них были бубны

и он стал бить в них
 стараясь ударить громче

стараясь дотянуться до каждого
и он разбил их все
он разбил их в кровь
во славу Господа

Романс

расставаясь она говорила
мы были бы хорошей парой
тишина свидетель
что у меня пальцы самые крохотные
на свете

что ты
самое яркое из того
что было
но тишину никто
не выслушает
до конца
а я
я буду вспоминать тот день
когда впервые
увидела тебя
в канун родительской субботы
одетого нелепо как жизнь сама
как ты стоял со страхом на плечах
и оттого что больше некому молиться
ты встречных песней ободрял
а у тебя в дому
ничтожество разлито на двоих
и никогда
и никакого достоинства
кроме твоего невнятного
чувства юмора
но я вошла к тебе
и ты заснул
во влажном сумраке прибрежных ив
на моем
песчаном теле
прощай прощай
со всем что юно и прекрасно
ты устремляешься к червям
слепым как жизнь сама
расставаясь она говорила

Мемуары

Ольга Мельникова

Тярпи, Зося, як пришлось!

Ольга Николаевна Кныш родилась 13 мая 1939 года в деревне Куцевщина Великораевского сельсовета Копыльского района Бобруйской области (Белорусская ССР). В 1952 году её семья переехала в деревню Кичигино Увельского района Челябинской области (РСФСР). В 1962 году О.Н. Кныш вышла замуж за Ю. А. Мельникова, в 1964-м у них родилась дочь Марина, а в 1969-м — сын Алексей. Ольга Николаевна около 30 лет (1962–1992) проработала на заводе «Кристалл» в городе Южно-Уральске Челябинской области. Начиная с 2011 года её сын Алексей Мельников стал записывать устные рассказы своей мамы. «Вещь» публикует фрагмент этих воспоминаний, другая часть «Зоси» была напечатана в журнале «Новый мир» (№11, 2013).

Редакция

ПРОЛОГ

Батькина вербовка и его кончина

Едва придя с фронта (1945), батька вздумал удрать из Куцевщины. «Через рощи шумные и поля зелёные вышел в степь донецкую парень молодой!» Ну, нет, парень был не молод — батьке было 40 лет примерно. Куда-то он сходил и маме заявил: «Ну, завербовался я!» «Это куда же?» «В Донбасс!» И прибавил со смешком: «Собирайся, довбас, и езжай на Донбасс!» Довбас — это дурак по-белорусски. Или же так мама про него сказала? За глаза, конечно. Не помню я! Были тогда в нашей хатке какие-то деньги, совсем немного. Те самые копейки, что дали при демобилизации? Может быть! Батька все их забрал: «На дорогу трэба!» Мы-то подумали — надолго уехал. Дай Бог, чтоб навсегда покинул Куцевщину! Но через пару дней — батька назад вернулся. «А как же Донбасс?» «Да я не доехал!» «А гроши остались?» «Гроши вышли все, нэма ни копейки...»

Зина, моя сестра, жила в няньках без прописки. Хозяева её клялись: «Прописку мы сделаем!» Но так и не сделали. За Зину нам вlepили штраф — около тысячи рублей. Как мама выкрутилась? Не помню я, мала была! Потом наш батька пристроил Зину: «Завербовал я гэту дурницу — в город Соликамск!» Мама в ответ: «Завербовал Зину? Слава Богу! Теперь сам вербуйся». О разводе батька с мамой говорили столько, сколько жили вместе! Но в сельсовет (у нас ЗАГСа не было) пошли они — перед самым отъездом батьки. Ну и вот, в 1949-м батька и Зина уехали. Она — на два года, а он — навсегда. Там батька сразу же нашел себе коханку (любовницу). Откуда я знаю? Зина письма же писала! И посылки шли с растительным маслом и комбижиром. Ни того, ни другого — мы прежде и в глаза-то не видали. И всё кушали с восторгом! Комбижир мазали на кусок хлеба, как будто масло. И было нам вкусно! Ведь масла не было почти...

Батька вместе с новой семьей часто менял адрес и место работы. Он же скрывался от алиментов! Пять адресов поменял точно. Соликамск — это на Урале. Ещё какой-то город на Дальнем Востоке, в Еврейской автономной области, только не Биробиджан. И ещё где-то на Крайнем Севере. Но мы всюду его находили! Батька платил алименты на меня, самую младшую дочь, пока я не окончила медучилище (1961). Умер батька в 1967-м...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Куцевщине имелась лишь начальная школа, это 4 класса. А в Великой Раёвке была 7-летка. В Малой же Раёвке — наш сельсовет стоял. От родной Куцевщины до Великой Раёвки — примерно 4 кмэ, до Малой — больше, возможно 5 кмэ. Между Раёвками мы пешком бегали: кмэ туда, кмэ назад. И на лыжах мы ходили между ними. Вышли из школы (В.Раёвка), дошли до сельсовета (М.Раёвка), бежим назад. Я любила лыжи. И всегда была готова пробежаться: «Голый, готовься!» «Голый — готовый!» Но школьные лыжи домой не давали! Дома были свои. Конечно, самодельные.

Одной страшно идти!

Однажды зимою мы в школу пошли при луне. Почему ошиблись? Ни будильников настольных, ни ходиков настенных — в Куцевщине не бывало отродясь. Были только петухи! Кто взбаламутил нас? Старшие хлопцы. Про таких говорили: «Сам вырос до неба, а дурань — як

трэба!» Это они ни свет, ни заря — в хатку к нам постучали. Ну да, спорить я пыталась: «Это же луна светит, а не солнце!» Спорила я без толку, Коля и Лена поверили старшим. Все пошли в школу — и я пошла с ними. Страшно же было одной идти. Кого боялась? Волков боялась! И чужих людей. До Раёвки 4 кмэ в темноте. Верно, на пустой желудок — столько не пройдёшь! Кормежка в школе? Об этом и речи не было. У кого было еда — брали её из дома. Но таких «багацев» (богатеёв) было вовсе мало! Мама вставала до нас, чтобы сготовить завтрак. Сперва варила только картошку, позже — солёные огурцы появлялись. Помнится, что этих маленьких крючков — я могла съесть пять или шесть. Крючки? Это огурцы...

Ну, пришли мы в тот раз в школу, а школьный сторож — печь ещё не топил! Ночь на дворе, луна на небе. Слава Богу — внутрь нас пустили, на морозе стоять не пришлось. Были там скамейки, мы на них дремали. Вообще, топить сторож начинал — ещё до занятий. Однако 1-й, 2-й, 3-й урок — стояки были чуть тёплыми. Мы все дрожали от холода! Может, с того и стучали ногами? Б.В.Шукевич ведёт урок немецкого языка, а мы голосим: «Холодна, Борис Васильич, холодна!» Или начнем мы стучать — и чтобы согреться самим, и чтобы его подразнить. Он стоит спиной к нам — мы стучим ногами, он к нам обернется — мы стук прекращаем. Не пойман — не вор, наказывать некого! И вот так каждый день: 3 урока подряд — стучим ногами, дразним учителя, маленько греемся. Гардероба в школе не было! В чём вышел из хаты — в том сядешь за парту...

Труднее всего до школы дошлепать — на предвесне (конец февраля, начало марта). Точней не скажу! В нашей хатке календаря отродясь не бывало. Хотя в иных хатах — отрывной календарь я видала. Только очень редко! Зачем он нужен? Если ты в колхозе робишь ежедневно — как тут ошибиться? Все дни подряд — рабочие, дней выходных нема совсем! Если все дети — в школу пошли, твое дитё — тоже пойдёт. День рожденья отмечать? В Куцевщине на моей памяти — ни едина людына его не отмечала. Но я-то знала, что родилась 13 мая 1939 года. Я же видела бумагу, выданную маме до войны ещё. Праздников у нас было всего три: Великдзень (Пасха), Фэст Яна, Каляды (Рождество). Даже без календаря — мудрено запутаться...

Пальцы придется отнять?

Ну так вот, что ни год — на предвесне ручьи текут бешеные. Вулицу не перейти — так вода бушует. У нас говорили: «Нема дурных — исти гулять!» А в школу всё же идти надо. Пойду огородами, там воды поменьше, но обувка все равно насквозь промокнет. Наши бурки самошитые — это не сапоги из резины. Ладил для нас бурки — Антось Байкаш, у него машинка швейная была. У нашего батьки — сперва её не было, лишь после войны — батька «Зингер» принес. Своя машинка — это счастье...

Однажды я в школу — одна совсем шла, что было редко. Передо мной бугор, с него вода бежит — потоком бешеным. Рядом никого нема! Вода буйная, а я слабая — может сбить с ног и утащить. Стукнет об дерево, могу пораниться. Я стою на месте, что делать — не знаю. Сзади заскипели санки. Я гляжу назад — мама Вали Бич. Она, возчица молока, подъехала на саночках с бидонами. Тоже странно вышло! Как правило, она ехала — раньше или позже нас. Она мне машет: «Садись, Волька!» Только я сделала шаг, сразу же оступилась, упала прямо в воду. Меня не унесло, слава Богу, но я промокла до нитки. «Ах, Волька ты моя! Ах, любка ты моя! Ведь я же не хотела. Оно само зробилось». Довезла она меня на санях до школы. Это меньше полпути, я замерзнуть не успела. Ну, в школе-то я отогрелась у печки. После уроков домой пошла — на этот раз санки не встретила. Да и встретила бы — не поехала бы...

На предвесне — каждый день так: из Куцевщины не вышла, а бурки уже промокли! А ведь до школы — 4 кмэ пешком шлепать. Однажды пока я шла — бурки намокли и разбухли. Кое-как один стащила, на другой сил не хватило. Позвали ко мне учительницу химии

(жаль, её нет на школьном фото). Она меня отвела в школьный зал, где была аптечка! Учительница вынула спирт, стала мне оттирать большой палец. Оттёрла его в конце-то концов. Другой случай — зимой вышел! Отморозила пальцы на обеих ногах, мои бурки разрезать пришлось, не стащить их никак было. Оттирал мне пальцы спиртом Б.Г.Мяшечек, учитель по физике. Помню, что один палец был белый, совсем как молоко! Это большой палец на правой ноге. И на левой ноге — большой тоже замерз. Сначала пальцы оттирал Борис Григорьевич, потом — кто-то из хлопцев, затем — кто-то из девочек. Помнится, долго терли они! Кажется, целый урок подряд. Терли и терли, покуда пальцы не покраснели. А потом они болеть начали. Слава Богу, что оттерли! Отморозила бы вовсе — отнимать бы их пришлось. Было мне 13 лет примерно (1952) или даже больше. Может быть, сейчас (2012, — прим. редакции) пальцы на ногах — болят с того, что я их в детстве морозила...

Денежный штраф, тюремный срок...

«Опять лахманы свои раскидали!» Так наша мама говорила. Лохманы — это лохмотья, одежды, тряпки. Добегу до хатки с мокрыми ногами. Скину школьную одежду да наброшу что поплоше. Влезу на печку. Зашла мама: «Воля, ты чего там?» «Да я простыла!» «Одежку сменила?» «Да!» «Возьми лахманы, что есть на печи, закутайся в них». Больше-то никак не согреешься. Молоко, масло, мёд? Ничего не было! Ни пилюль, ни порошка — кипяток из чугунок. Ну, отлежусь я! Простывали часто все мы: Зина и Лена, Коля и я. И мама тоже, но за все годы в Куцевщине — лишь один раз мама так простыла, что не вышла в поле. Хотя в колхозе-то все дни рабочие! Слава Богу, ни штрафом, ни сроком маму не наказали...

Школьная форма? Отродясь не слышали! Обновки для школы? Денег нема! В сентябре 1945-го, когда в 1-й класс я пошла — только трусы новыми были (белые, самошитые). Позже, в ноябре уже, новые ботиночки мне купила учительница. Как ни мала была её зарплата — на эту покупку она нашла деньги! Почему? Думаю, моя тяга к учебе бросалась в глаза. Быть может, я такая — была одна на всю школу. Остальные школьники к знаниям не рвались! Помню, этих ботиночек мне хватило на 2 сезона (осень 1945 — весна 1947). Вообще с одежкой было как? Сшили, например, что-то в 1945-м! Ну, 1-й год это носит Зина. 2-й год — надевает Лена. А 3-й год — таскаю я. Если на Зине «сгорело», тогда на Лену пошли, после неё — мне отдали. Лена носила все аккуратно, она в 1 сезон «сжечь» что-то не могла. И я за Леной всегда донашивала. А «сгорело» бы на ней — мне бы сшили новое! Вот обувь — не одежда, её не таскали друг за другом. Во-первых, она быстрее рвется. Обувка — горит, одежда — тлеет, можно так сказать. Во-вторых, если порвешь обувь — батька может починить. Когда будет в настроении! В-третьих, бывало: ты ещё не сносила свою обувь, а моя нога уже переросла твою ногу...

«Как Левонику Левон полюбил,/ Так на свадьбу чаравики купил./ И пришлось ей по ноге башмачки/ Застучали по избе каблучки». В одной этой песне — все наши мечты! Левон полюбил — выйти замуж по любви, а не по приказу. Чаравики купил — получить в подарок туфельки, купленные в магазине, а не самошитые бурки. Застучали каблучки — ходить по дощатому полу, а не по земляному...

Кто разбомбил школу?

Женщины мечтали о туфельках, а мужики о сапогах. Увы, «скуранья боты» (кожаные сапоги) у нас не водились. Пара резиновых сапог — была одна на всю Куцевщину. Как единственный учебник — мы их передавали из рук в руки. Вернее, переобували с ног на ноги.

Откуда они взялись? Не знаю я! Кто-то притащил с фронта как трофей? Может быть. Кто-то получил в посылке как подарок? Возможно. Всей деревней скинулись и купили в складчину? Может быть. Ведь носили всей деревней! Опять же — где могли купить? Не помню никаких сапог в продаже отродясь. Помню, что наши 2 бота были мужские. Лака не было на них. Цвет имели серый. Размер — не меньше 42-го, чтобы в пору были на любую ногу. Голенища — высокие, наша Лена наденет — ей до колена. Каблук не высокий, подошва — резная, чтоб не скользила. Много позже (1956) в продаже возникли женские сапоги. Лаком покрытые, с большим каблукчиком или на сплошной подошве. Помнится, наша Зина носила такие...

Весной, когда таял снег, на дороге в школу — ложбинки заполнялись водой, а обувь была — бурки. Младших через лужи переносили старшие, меня всегда носила Лена. У нас говорили: «Схватил и понес, як черт добру душу!» (Схватил крепко, понес быстро). Обычно так и было, но вот однажды — Лена донесла меня до середины лужи. Тут её кто-то начал смешить, и она сказала: «Альбо донесу, альбо кину!» (Либо донесу, либо кину!) И прямо в лужу меня поставила. Мои бурки промокли, но я всё равно до школы дошла — учиться хотелось! Бурки набухли и стали тяжёлыми. Вечером, чтобы их снять, пришлось распороть голенища...

Школа в Раёвке была 2-этажной. Это было большое здание. И его в войну сильно разбомбили. Немцы или наши? Этого не знаю! Весь верхний этаж был разрушен. Позже его восстановили: «Сгалабурдили мы 2-й этаж!» Наверху возникло что-то похожее на актёрский зал и учебные классы. Нижний этаж — библиотека, учительская, ещё несколько классов. Спортзала не было, но был какой-то склад, где выдавали лыжи. Я очень любила нашу Раёвскую школу! Во время каникул я по ней скучала. Чтобы увидеть школу, я залазила на нашу грушу высоченную. Мама за это меня ругала, но я все равно лазила. И с груши я не падала ни разу! А вот с вишни однажды упала на спину. Может быть, поэтому сейчас болит позвоночник? Разбиться насмерть — не могла я! Ногу сломать, калекой стать? Это было возможно...

Стало невтерпеж больно

Наш «немец», Борис Васильевич Шукевич — вообще был интересный. В начальной школе на весь класс — был один учебник. А в средней школе у Б.В. — был один костюм на все случаи жизни. И брюки, и пиджак порядочно успели истаскаться. На заднюю часть просвечивала так, что кальсоны было видно. И хлопцы издевались над «немцем» как хотели! Бывало, он подойдёт и спиной повернётся. Сразу карандаш кто-нибудь засунет — прямо в прореху на штанах. Нет карандаша? Тогда перо или ластик. Наказывать? «Немец» наш никого не наказывал! Только оглянется назад, но промолчит и перетерпит. Почему? Может, потому, что нельзя узнать: кто именно дурит...

Поля в тетради было положено отрисовывать — только красным карандашом. Иначе тетрадь «была не оформлена!» И вот — полей в тетради нет, а красный карандаш — есть только у «немца». И не только красных — вообще карандашей не было у нас. Откуда у нас карандаши, если чернила, тетради, чернилки — отродясь всё сами делали? Чернила — из свеклы, тетрадь — из оберточной бумаги, чернилка — из любого стеклянного пузырька. «Мы такая голота, что хоть нынче в болото». Любой карандаш (2-цветный — тем более) являлся сокровищем. Так вот, у «немца» нашего с 1-го конца карандаш был красный, со 2-го — синий. Носил он его в нагрудном кармане. Школьник, к примеру, просит: «А дайте карандаша!» «Какого цвета тебе?» «Красного надо, поля отрисовать!» И «немец» наш тут же перевернет свой карандаш: синий кверху, красный книзу: «У меня нет красного! У меня только синий...»

Однажды кто-то шпаргалку сделал! На изнанке у доски — нацарапали стишок, заданный нам наизусть. Хлопцы один за другим — отвечали на «отлично», читая нацарапанный текст. А что же наш «немец»? Он сидит спиной к доске и 5-ки ставит всем. Наконец, почувал: что-то здесь неладно! Наш «немец» встал, чтобы взглянуть: в чём дело? А этот дурань (хлопец у доски) с места не двинулся. Он же мог отойти! Тогда б «немец» наш — не заметил шпаргалку. А так он заметил! «Немец» начал стыдить дурня. А у «немца» большой палец (как у Томочки, которую немцы лечили) был уродец. Если он писал, то перо держал между указательным и средним пальцами. И вот — «немец» рукой махнул, а дурань — как вцепился в больной палец! То ли стиснул, то ли дернул? Только «немец» завизжал от боли. Видно — невтерпёж вовсе ему стало. Палец-то был калека! И «немец» погнался за дурнем. По всему классу они бегали! Дурань-то сперва — удирал по полу, а потом — по партам прыгать начал...

Детский труд запрещен?

Я была старостой класса — надо следить за порядком! Поэтому я побежала в учительскую. Нашей классной не наша, зато директора привела. Наш Иван Петрович — очень строгий был: «Сейчас же всё прекратить!» Что наш дурань, что наш «немец» — оба бегать перестали. Однако 5-ки остались в журнале! Помнится, «немец» был один, над кем подшучивали так. Остальных учителей — очень уважали, а Байкаша — даже боялись. Иван Петрович был один на всю Куцевщину, кто математику знал. И не факт, что он имел высшее образование! Многие педагоги — только 7-летку кончили. Видимо, справлялись! Или больше некому было работать. Куда образованные подевались? Кого в тюрьму засадили, кого на фронте убили, кого-то в город сманили...

Вообще учителя у нас были хорошие! Директор наш — Бурак Иван Петрович, а наш классный руководитель (она ботанику вела) — Бычинская Зинаида Ивановна. Они были супругами, имели 3 дочерей, одна из них училась в нашем классе. Её звали Полей, ещё одна — Жанна, а третью не помню по имени. Историчка — Дучкова, географичка — Зенько, зоологичка — Кудинова. Мяшечек Борис Герасимович вел физику — я её не любила, она мне была непонятна и неинтересна. Однажды (в течение 1-й четверти) физик мне поставил: три 2-ки и одну 1-цу. Дядька Байкаш был бы доволен: «Кол принесла? Вот молодец! Будя батьке с чего — огород городить». До конца четверти — я все исправила! Кто литературу вёл? Этого не помню. Зато я помню разговор о Грибоедове. Вот учитель «Горе от ума» читает вслух: «К Прасковье Фёдоровне в дом во вторник зван я на форели». Кто-то из хлопцев спросил: «А что это такое — форели?» Учитель, почесав в затылке, ответил: «Это праздник такой!» Ботаника? У каждого класса была своя грядка на школьном огороде. На нашей грядке помню — огурцы и капусту. Чтoб урожай обеспечить, я часто бегала их поливать. За это Бычинская 5-ки мне ставила...

Дети помогали взрослым на колхозных работах. Ну, да в СССР детский труд был запрещен (*Указ Президиума Верховного Совета от 13 декабря 1956-го, — прим. редакции*). Однако я работать начала рано. И никогда не отлынивала. «Куда девалась гэта Волька норовиста?» Такого про меня не говорили! Я стала доить коров и успевала обработать 10 голов, пока мама возилась с 5-6 коровами. Народились телята? Телят надо пасти! Мама их поручала мне, а в это время у нас жил Шурик. Это первенец Зины, моей старшей сестры. С Шуриком в коляске шла я за телятами. Слепни норовят укусить телят. Те бегут в лес, я бегу за ними! При мне коляска, в ней лежит Шурик. Все мы в лесу, пока жара: телята, я, племянник. Шурик умер совсем маленьким...

Денег нема, а платить надо!

У нас говорили: «Жидина пархатый/ Наевся салата,/ Салата пушило,/ Жида задушило!» Жидина наелся — жидина скончался. А я салат не ела, зато в живых осталась! Это вышло из-за Лины Трухан. В Раёвской школе — сидели мы за одной партой. Была Лина троечница — и только потому, что у меня списывала. Я ничего не просила, она сама пригласила: «Доживем до лета — я тебя угощу! Приходи к нам на Фэст...»

Ну вот, 22 июня — пошла я к Лине в Зараковцы. Это примерно 10 км от Куцевщины. Пришла я туда днем. Ворота, двор, хата — ничем меня не поразили. Были они как у нас — не лучше, не хуже. Вошли мы с Линой в сенки, а там столы накрытые стоят. Молоко, масло, сыр — красиво очень нарезанный! Да, сенки эти были большие — в половину хатки примерно. И столы с закуской в этих сенках разместились свободно. Лина мне только показывает кушанья, а кушать-то не даёт: «Мама вернётся, тогда поедим!» Время идет, охота поесть, а Лина твердит: «Вот мама придёт! Вот мама придёт! Вот мама придёт!..» А мне ещё домой бежать — часа 2 лесом. Не дождалась мы её маму, пошли на танцы — ведь Фэст есть Фэст! Потанцевали с Линой вдвоём. А между тем — время-то к ночи! Часов 6 прошло, как я из дому. Не пошла я больше к Лине — побежала домой лесом. Сейчас вот я думаю: как не боялась? Одна по лесу! Хотя дорога была знакома, и люди шли всегда — и впереди меня, и позади меня. Многие на Фэст ходили! Я домой прибежала, мама сразу спросила: «Як тебя принимали, чем тебя угощали?» Я рассказала: чем и как. «Ну, яка же корысть — 4 часа ноги бить? Потребно оно табе? Говорила же я: не ходи к этой Лине...»

Начиная с 7-го класса, учеба была платная. Кажется, 15 рублей в год. Вроде бы немного? К примеру, пол-литра «гарэлки» стоила 25 рублей. Но у нас не было и таких денег! Никаких рублей — только трудовни, мы ж колхозники. И поэтому 1-го сентября 1951 года — не пошла я в школу. Узнав об этом, наш директор И.П.Бурак приехал к нам на двор — верхом на велосипеде. Он сказал маме: «Пусть Оля ходит в школу!» «А платить чем?» «Это дело беру на себя!» И я вернулась к учёбе. А в 1956-м плату за учёбу отменили...

***

Клочок бумаги, примерно 4 на 4 сантиметра, синие чернила: «Квитанция №131. 9 февраля 1952 года от ученицы 7 «В» класса Ольги (нрзб) получена плата за обучение за II-е полугодие 1951–1952 учебного года в сумме (нрзб) рублей. Приняла: Ася (нрзб)».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вскоре муж умер

У нас говорили: «Муж должен жену — любить як душу и трясти як грушу!» Помню 2 свадьбы...

Ниной звали дочку тети Нади. Была она очень красивой, мать поспешила её выдать замуж за вдовца: «Ни стуку, ни груку — помчали як суку! (Без шума и пыли — невесту помчали!) Свадьбу сыграли в Рымя, где жил этот вдовец. Рымя — народ так говорил, а начальник бы сказал: посёлок Дзержинский. Что было вечером? Совсем не помню. Помню, мне ночью — холодно стало. Спали мы на полу, на какой-то веранде. Была там печка? Видимо, не было! Помню, я замёрзла. Лежали мы вповалку: женщины и мужчины, народу было много. Слева

кто-то храпит, справа кто-то пердит: «Как спать ложуся, так за сраку не держуся!» В общем ряду — и я лежала, верней — дрожала. Видно, все они были пьяные. Потому им было не холодно! А лежу, дрожу, гадаю: «Когда же они встанут?» Мне все надоело, бока заболели, мне нечем укрыться. И как же долго гости не вставали! А мне уже страсть как хотелось домой. Ничего приятного от этой свадьбы не осталось в памяти. Вечером туда, ночью гуляли, утром назад — рабочий день мы пропустили. Конечно, председатель наш был в курсе! Он же сам дал нам лошадь. И председатель не ругал нас. Свадьбы же были не каждый день...

Нина родила 3 детей: 2 сына, 1 дочка. Все они уехали из Рыма в Минск. Муж Нины умер очень рано, через 3 или 4 года после свадьбы. Дождался 3-го ребенка и помер сам? Можно и так сказать...

Помню ещё свадьбу — у соседней тетки Нади. Храм или ЗАГС? Не знаю я, откуда шли молодые. Мы все стояли у ворот жениха, глядя на молодых. Жених — в черном, невеста — в белом? Отродясь не было! Что имели, то надели. Дырок нету — слава Богу! Невеста по обычаю, входя с вулицы на двор жениха, должна бросить цветы назад. В толпу подружек, идущих следом. На двор шагаешь — букет швыряешь! Кто букет поймает — вскоре замуж выйдет. Так вот, невеста вместо цветов — бросила пригоршню земли. Не знаю, где она её взяла! Может, подняла прямо из-под ног? Или землю не она швырнула? А какая-нибудь завистливая девка? И букет куда пропал? Ну, вот, а по вулице — дети бегают. Они же ждут: когда конфеты бросят? Не разглядели дети — что бросила невеста. Кинулись поднимать, а вместо конфет земля! Позже кто-то все же бросил детям пригоршню конфет. Карамельки самые дешёвые. В бумажках? Нет! Упали на землю: подбирай и разгрызай! А землю сплюнешь...

И помнится мне: у молодых жизнь не пошла. Вскоре развелись они. И все говорили: «Вот вишь что! Землю она швырнула — вместо букета цветов. И жизнь не задалась...»

Колхоз или тюрьма?

«Мама, что нынче на вечеру?» «Яглы!» «Яки таки яглы?» «А те яглы, что спать леглы...» (Есть нечего, ужина не будет). Мы были вечно полуголдными. И конца-краю этому не было. С того мама и решила — уезжать из Куцевщины. И ещё одно: кабы не поехали — в баню не помылись бы! Так бы и вошкались в своем корыте. Батка наш его сделал, из бревна его выдолбил. Работа была долгая, корыто вышло длинное. Взрослые туда — сидя помещались. А я в 13 лет (1952) туда ложилась, как будто в ванну. Только слово «ванна» — отродясь мы в Куцевщине не слышали! Мочалки не было, щелок зачерпнул ладошкой и пошел бока тереть. Бани нету — мылись в хатке, поставив корыто на земляной пол. Потом вытащить его? Его не поднять! Само собой тяжелое, да ещё с водой. Воду выносили ведрами, опустевшее корыто волокли на двор, там оно сушилось. Как мы стриглись? Я не помню. Видимо, был на всю Куцевщину — 1 умелец с ручной машинкой. Нам зарастать было нельзя! Чем больше волос, тем больше вшей завелось. И любые болячки — тоже вшам очень нравятся, кровь и гной — пьют они...

Ни мама, ни батка — паспортов не имели, так как были колхозниками. Колхоз — та же тюрьма. Ни заключенным, ни землеробам — документов не положено: «Ты нагулялся?» «Да, нагулялся!» «А як ты нагулялся?» «А як ты нагулялся?» «А як ты на веревке!» Но в 1949-м у батки и Зины — паспорта возникли, они же завербовались! От Куцевщины до Соликамска — ехать через всю Россию. Как тут без документа? Помнится, были их паспорта зеленого цвета. А что внутри — не помню я. В 1952 году — паспорта получили и мама, и Лена, и Коля (обоим по 16 уже было). Только мне не дали — мне было 13 лет всего. Мы же собрались из родной Белоруссии на далекий Урал! Кроме трех паспортов — колхоз справки выдал. В том, что мы не беглые, а едем из колхоза имени И.В. Сталина в колхоз «Новая жизнь». Вот такую справку (в половинку листа А4) дали каждому отдельно — даже мне выдали...

Откуда мама знала, что на Урале будет лучше, чем в Белоруссии? Не могла она знать об этом! Но маме было ясно: мы поедем через всю Россию, только получив паспорта. Стало быть? Не сложилась бы жизнь в Кичигино — с паспортом можно пойти работать куда угодно! В село Нижне-Увельское, в город Южноуральск, в поселок Нагорное. Красота...

Впервые в жизни — моемся в бане

На поездку нужны деньги! Откуда они взялись? Не знаю. Думаю, сумма была не бешеная. Ну да, еду брали с собой! Сало — прежде всего, у кого оно было. Хлеба напекли впрок. Слава Богу, мёрзнуть на станции в ожидании поезда не довелось! Пришли в Тимковичи — тут же сели в вагоны. Набились мы внутрь. Стало видно, что многие семьи — как наша. Мама одна, а детей 5–6–7. Всем хотелось накормить своих деток хлебушком! Куда угодно были готовы ехать. Хоть до Урала, хоть до Байкала...

Вагоны были — обычные теплушки с решётками на окнах. Точно, как для арестантов, те же самые! Окошечко всего одно, под самым потолком. Если хочешь выглянуть — тебя надо посадить. У вагона посередке — дымит печь-буржуйка, рядом с ней — уголь в ведре с совком. Возле буржуйки — ещё тепло, сделал 2 шага — уже холодно. Слава Богу, мы не мёрзли — ведь был уже март, хотя снег ещё лежал. И помню нары: верхние и нижние. Деревянные, занозистые! Через Москву ехали? Не знаю точно, окно — высокое, а я — совсем мала. Как же мне выглянуть? На станции могли стоять и час, и два, и три. Бывало, бегали за кипятком с большой кружкой. Наша мама так бегала. Нет, детей за кипятком не посылали, вообще из вагона не пускали. А детям очень поиграть в снежки хотелось...

На остановке «Пенза» к нам в вагон зашел какой-то «габрэй» (еврей). Начальник, видимо! Он произнес, отчаянно картавя: «У вас вси есть?» Несколько голосов ответили: «Да у нас вси, все на месте, никто не отстал!» Еврей немедленно переспросил: «Сто вы говорите, у вас вси есть? У вас все — вшивые? Вси у вас всивые?» В общем, еврей отправил нас в баню, что стояла прямо у железной дороги. Ясное дело, пошли охотно, уговаривать нас не пришлось. Не про нас сказано: «Як гультай за дело — дык мазоль за тело!» (Надо дело делать, а он время тянет!) Это была моя 1-я в жизни баня — в 13 лет отроду. Думаю, для всех наших — эта баня была самой 1-й в жизни. Отродясь не парились! В предбаннике отняли нашу одежду, её сложили в пакеты и мешки какие-то. Унесли на прожарку — точь-в-точь как в тюрьме. Взамен дали нам что-то серенькое и страшненькое, но зато чистое. Кое-как прикрывшись этим, мы пошли мыться. Мочалки и мыло нам дали, но шампуня не было точно. Это слово «шампунь» — мы в Куцевщине и слыхом не слыхали! Потом нам вернули одёжку с прожарки. Была она тёплая ещё! И приятно же было её надеть поверх распаренного тела...

Запаха нет, покойник есть!

Наконец мы прибыли! В Челябинскую область, на станцию Нижне-Увельская. Оттуда нас, несколько многодетных семей, везли до самого Кичигино в санях. Должно быть, в колхозных! Мы же приехали в колхоз «Новая жизнь». Уже в Кичигино, возле родника — одни санички накренились. И на снег выкатились 6 детей. Это были Станкевичи. Взрослые стали их собирать и усаживать обратно. Мимо проходил молодой человек. Увидев наш переполюх, он стал смеяться, и спел частушку: «Я в колхоз пришла —/Юбка новая!/ Я с него ушла —/Ж...а голая!» Это был Володя Дудинский, будущий муж нашей Лены, царство ему небесное. Так началась для нас «Новая жизнь». У председателя колхоза фамилия была Сирота (ударение на 0). «Новая жизнь» тогда (1952) считалась колхозом-миллионером. В народе говорили:

«Сирота-председатель — до сотни пельменей зараз может умять!» Может быть, пельмени были мелкие совсем...

Был у нас анекдот. У бабки спросили: «Бани нема совсем?» «Совсем нема бани!» «А где мыться?» «Да в речке». «А зимой?» «Да сколько той зимы-то?» То есть зимой — не моемся вовсе! «Где же вы моете?» «От селя (показала на подмышки) до селя (показала на промежуток)». «А селю?» «Что — селю?» «Селю же тоже надо мыть!» Так вот, кичигинские жили роскошней куцевских! Здесь очень многие имели свою баню. У Дудинских — тоже была, и я там мылась: дымно и тесно! Предбанник — узкий как пенал, примерно — метр на полтора. Парилка, она же мыльня — той же длины, но чуть пошире. Общая площадь — с кухню в хрущёбе, примерно 4 квадрата. По одному там мыться можно, будет впритык, но терпимо. Только не ходили мыться по одному! Мылись всегда — по двое, толкаясь и мешая друг другу...

Правило было строгое: «Один пойдешь — насмерть угоришь!» Всего один хлопок, угорев до смерти — насмерть перепугал всех нас. Угоревший насмерть — был он мне ровесник. Кажется, 7-классник, примерно 14-ти лет. И ведь был он местный, кичигинский. То есть с баней был знаком! Не то, что мы, пришлые, куцевские. Ну вот, мать и батька его отправили мыться, да забыли прикрыть вьюшку. Видно, долго там сидел, потому и угорел. Ведь угар — это не газ, например, природный. Угар не имеет запаха! Дышишь, угораешь — и не ощущаешь! Вообще же угорают — чаще во сне, чем наяву. И чаще по одному, чем несколько человек. Если людей несколько — хотя бы один тревогу подымет. И все спасутся! Я сама угорала дважды в жизни. И оба раза — запаха не было...

Убили батьку — построят хатку

Четверо детей и одна мама — всех нас колхоз поселил в большой избе. Говорили, что она помнила ещё царя. Стало быть, до 1917 года — хорошо умели строить! Даже внешне эта кичигинская изба отличалась от нашей куцевской хатки. Хатка стояла прямо на земле, изба была приподнята над землей. Несколько ступеней вверх — только потом в двери зайдешь. У избы крыша была жестяная, а у хатки — соломенная. И жесь с крыши не сдувало, ураганов не бывало. Снаружи входную дверь — запирали на висячий замок. Но как он выглядел? Совсем не помню! Мы же редко его вешали. Было нас 10 душ, точнее 5 и 5. Две мамы, при каждой — четыре ребёнка. Потому в избе — всегда кто-то был. Замок вешать — ни к чему! Изнутри входную дверь — закрывали на крючок. По ночам, к примеру. Сеней не было вовсе — дверь сразу вела в комнату. А ведь на Урале — холодней, чем в Белоруссии! Стало быть, кичигинская изба была теплая, намного теплее куцевской хатки. Там и при селях — сроду было зябко: «Так холодно, что хоть волков гоняй!» Теперь эта присказка была не про нас. «Вошь тепло любит!» И эта не совсем про нас, слава Богу. Тепло-то нам было, но вши не кусали. Ещё был чердак, но без кожанов (летучие мыши). И был кот в избе — очень рыжий. Придут чужие дети, а мы им говорим: «Наш кот ничего не боится!» «То есть как?» «А вот так!» Взяли скалку деревянную — и коту по голове. Раз, другой, третий раз! А он что? Ничего. Он лежит, как лежал. Спит или нет, но не шевелится...

В кичигинской избе сбылась моя куцевская мечта! Пол-то здесь дощатый был. Крашенный? Нет! Зачем красить, если его ножом выскребают да песком посыпают? Печку топили дровами, слава Богу — лес рядом. А там валежник и сухостой всегда найдется. И на кичигинской печи мы спали, чего на куцевской печке не бывало. Ещё была в избе 1 кровать 2-спальная. Если вдоль — там улечься могли обе мамы. Если поперек — четыре малых ребенка помещались: «Уляжешься с краю —/Як с божьего раю!/ А лег под стеною —/Як лег под свиньєю...»

Ермолайчиковы — это фамилия наших соседей. Имена и возраст их я сейчас не вспомню. Но самый младший — моложе меня был. Тогда, в 1952 году, ему и 13 ещё не сровнялось.

Мальчик этот вырос, женился, потом детьми обзавелся. Умер он, помнится, в 1980-х, было ему около 40 лет. А Ермолайчиковых мама — она вдова была. Батьку на фронте убили. Поэтому им хату Кичигинский колхоз построил! Только им одним — из 26 семей, что прибыли из Белоруссии. Хотя погибшие на фронте — там тоже были, скорей всего. Почему же им не построили? Права качать — надо уметь! Может быть, дело было так. Сидит председатель колхоза, жует 98-й пельмень, глядит на 99-й. И держит речь: «Хату мы тебе должны выстроить! Поскольку ты — вдова фронтовика. Только лесу сейчас нету, подождать тебе придется...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«РСФСР. Министерство Просвещения. Настоящее свидетельство выдано Кныш О.Н. (родилась в 1939 году) в том, что она обучалась в Кичигинской 7-летней школе — село Кичигино Увельского района Челябинской области. Окончила полный курс этой школы в 1952 году и обнаружила при отличном поведении следующие знания:

По русскому языку и литературному чтению — 4. По арифметике — 3. По алгебре — 3. По геометрии — 3. По истории — 4. По географии — 4. По естествознанию — 4. По физике — 3. По химии — 4. По немецкому языку — 4. По черчению — 3. По практическим занятиям в учебных мастерских и на учебно-опытном участке — пробел. По физической культуре — 4.

Дата выдачи — 20 мая 1952 года. Директор: Терентьев Виктор Петрович. Серия — Ж. Номер — 571436».

Сбегали, украли!

Куцевская школа и школа Кичигинская — небо и земля! Только одно сходство: и там, и там — сортир на улице. В остальном — сплошные различия. Отличие №1 — маслозавод кичигинский. У нас говорили: «Чакай срака, Петрова дня, тогда и сыр зъешь!» (Дождешься, задница, светлого праздничка — угостят тебя сыром!) Так вот, маслозавод в Кичигино был неподалеку от школы. И мы туда бегали, чтоб сыр «воровать». Там делали, помнится, и масло, и сыр, и творог. Позже — сыр скатают в круглые головки, а сперва — рабочие стелили на траву брезент. И сыпали туда — то ли ещё творожную массу, то ли уже сырный полуфабрикат. Ещё не сыр, уже не творог! Там он сушился и вялился, и так затвердевал — аж края загибались. Изгородь вокруг завода? Не было её в помине! Просто из окна заводского корпуса кто-то наблюдал за нами. И кричал во всю глотку, чтобы нас отпугнуть. Да, только кричали, ловить не пытались. И тем более — к суду родителей не привлекали. Почему? Рабочим было ясно: не приключений ищем, от голода страдаем! Опять же, мы знали меру. И не всякий день, и не каждый час — мы прибегали, чтоб своровать. Вот мы прискакали, хватанули малость, побежали в школу. Прямо там же — мы не ели. На обратном пути — мы жевали «ворованное». С мая по сентябрь — мы туда бегали. Бегали гурьбою, сразу 5–6–7 школьников...

Что мне понравилось в школе Кичигинской? Физика! Да-да-да, отродясь не любимая мною физика. Только по ней у меня однажды 2-ка вышла в четверти, первая и последняя 2-ка в жизни. Так вот, в Кичигинской школе физику я полюбила. И в четверти у меня — вышло 5 баллов! Физик наш был умница. Он так объяснял — сидишь, раскрыв рот! И я жадно слушала, и все одноклассники. Короче, наш физик любил свой предмет. Он организовал кружок, в который я ходила с радостью. Там он оценки ставил, и опыты мы делали. И был наш физик фронтовиком. Помню его протез, помню имя и отчество — Василий Федорович, а фамилию не помню. Одежка на нем — форменная гимнастерка. Старенькая, выцветшая —

видимо, она ещё войну помнила. Физик наш жил там же, при школе — в чём-то типа барака. В том же бараке жили все приезжие педагоги. То есть почти все наши учителя! Кичигинцев среди педагогов было совсем мало. Зато, в отличие от Куцевщины, здешние учителя почти все имели высшее образование. Видно, по распределению их в села направляли. Почти не было таких, кто окончил 7-летку и пошел преподавать: «Нема часу, чтоб учиться — учить трэба!» Это сплошь да рядом было в Белоруссии...

А русский язык вела Александра Васильевна. Жаль, не помню фамилию! Помню, что у неё волосы были рыжеватые. По русскому у меня всегда были 5-ки...

Жиденя и жарабя

Здание нашей 7-летки всё ещё стоит на месте, только сейчас там — уже не школа. 1-этажное, с большими окнами и очень длинное. До ветру мы бегали в сортир деревянный, стоявший на школьном дворе. На том же дворе имелась доска почета с именами кичигинских колхозников. И памятник с именами кичигинских фронтовиков. Вонючие помои, погибшие герои — всё было рядышком...

Сортир на дворе нас, куцевских, нисколько не удивил. А вот буфет в школе — это была новость. Там продавали мороженое и булочки продавали. И деньги имелись — у некоторых хлопцев. Даже на урок опоздают — только бы в буфет попасть. Святое дело! «Безденежные» школьники (нас было много) завидовали «денежным» (их было мало). У меня денег — отродясь не было, но завистники нашлись: «Нема рыбы без кости, нема хлопца без злости!» Завидовали мне — свои же земляки. Прибыло нас много, целых 26 семей. Почти в каждый кичигинский дом подселили 2, 3, 4 наших. Вообще Кичигино — это было большое село, гораздо больше, чем Куцевщина. Столько улиц! Идешь вдоль главной — переулки без конца: налево и направо, направо и налево. В Белоруссии такой же большой была Великая Раёвка...

Ну вот, в Кичигино мы прибыли в конце марта — начале апреля 1952 года. На предвесне — снег уже таял, но ещё лежал. Мы приехали с учебниками белорусскими. А с русским языком мы почти не дружили. Кичигинцы открыто смеялись над нашим говором и пинали ногами наши учебники. «Как по-вашему жеребенок?» «Жарабя». «Как по-вашему котенок?» «Каценя». «Как по-вашему щенок?» «Щеня». «Как по-вашему козленок?» «Козленя». «Как по-вашему еврейчик?» «Жиденя!» Ты отвечаешь — они хохочут. Надо было хорошо говорить по-русски, чтобы на уроках отвечать. Иначе ляпнешь что-нибудь, и все начнут смеяться. Выйдет ученик, встанет у доски, начнет говорить. Скажет хоть малость по-белорусски — сперва начнутся смешки, а потом хохот. Затем стучанье ногами и хлопанье партами. Один над другим хохочет — на это плюнуть можно! А если тридцать человек над одним хлопчиком смеются? Тут уже не плюнешь! Заплачешь и убежишь. Чтобы спрятаться подальше! Чтобы согнуть как гимна в сеножати (чтоб пропасть как дерьмо в сенокосе). Это было со всеми, кроме меня — я по-русски хорошо говорила сразу. Поэтому земляки — завидовали и удивлялись. Их тогда всех, кроме меня, на 2-й год оставили — русский язык осваивать...

В речку или под машину?

В Кичигинской школе меня вожатой назначили. Дали мне 1-й класс. Привели за руку: «Вот, ребята, ваша вожатая! Звать её Оля». Они меня окружили: «Га! Га! Га!..» Внучке моей 14 лет было, когда её тоже вожатой назначили. Привели в класс, там сидят 2 учительницы. Они назывались «воспитателями», а внучка «вожатой». На деле она за троих работала, а эти двое — только деньги получали. Целых 20 дней — до конца смены в летнем лагере. Так и

со мной вышло. «Ребята, уроки окончены! Сидите с Олей. Поиграйте, порисуйте, почитайте!» Без присмотра их оставить нельзя. Кичигино не Куцевщина, тут мин нет — ребенок не взорвется. Зато может в речке утонуть или под машину угодить. После уроков я с ними в том же классе сидела. Ведь не было 2-й смены, мы никому не мешали. Из меня продленку сделали — это значит сэкономили! Ведь учителю за это — пришлось бы доплачивать: «Как едят и пьют, так нас не зовут. А как сядут срать, так спешат позвать...»

Пора идти по домам, время 15.00. примерно, а их не выгонишь! Кажется, 5 дней в неделю я возилась с ними. Рисовали мы в альбомах да читали книжки вслух. И на каждый день — надо план составить. Что в том плане было — я сейчас не помню. Помню, я старалась так их загрузить, чтоб они быстрее устали и до дому побежали. «Не скажу никому, / Побегу до дому, / Там зарезу кота, / Бо мой кот — сирота». Я сама домой — а они за мной. Как цыплята за курицей. Вот идем мимо двора. Я говорю: «Твой дом?» «Ага!» «Иди домой». «Не пойду!» «Почему?» «Никого дома нет». «Иди домой!» Раз 3 скажу. «Ладно, пойду». Но были такие — пока меня не доведут до дому, пока до самой калитки не проводят — по домам не идут. Ещё у калитки стоят и глядят: не выйду ли я, не позову ли к себе...

Возраст октябратский, а ты не октябренок? Конечно, были такие! Не поголовно всех загнали в октябрята. Эту честь надо было заслужить. Плохо учишься — не заслужил! В общем, Кичигино — это не Копыль, где в комсомол загнали скопом. Звездочки у октябрат, значки у комсомольцев — по тому времени это было красиво! Мне комсомольский значок выдали ещё в Белоруссии — при вступлении в ВЛКСМ...

Тебе — сохнуть, а мне — сдохнуть

Комсомолец спросил комсомольца: «Сколько стоит комсомольский значок?» «С изнанки написано: 4 копейки!» «Аполитично рассуждаешь, честное слово! Он же бесценный, этот значок! А ты не комсомолец!» «А кто ж я?» «Дурачок!» Это, конечно, анекдот. Но к любым значкам (октябратским, пионерским, комсомольским) отношение было серьезное. Выдали значок — событие! Торговать значками — немыслимо. Потерял значок — позор! Кроме значков, в Кичигинской школе была школьная форма — обычная и парадная. О форме в Куцевщине отродясь речи не было! Парадная форма — это белый передник с белыми бантами. Обычная — черный передник с любыми бантами. А платье коричневое с белым воротничком и белыми манжетиками — полагалось в обоих случаях...

«Что ты оделась, будто жабрачка? Ты бы ещё лапти обула!» Такого мне не говорили, но все же туго с одежкой было. Платья в магазине есть, да у мамы денег нет! Цену не помню, но было недешево! Денег ведь по-прежнему нам не полагалось. В колхозе были — трудодни все те же. Да, на них в Кичигино — продуктов давали больше, чем в Куцевщине. Но денежек наличных — ни там, ни тут не бывало. Мама моя сама — купила ткань коричневую и отнесла её к портнихе. Та сняла мерку и сшила платье. Мы только фартук купили готовый. Вышло гораздо дешевле, ткань-то купили хэбэ! А в магазине ткань продавали из «школьной» шерсти — так и называлась. Была она дороже, теплее и практичнее. Мое-то платьишко при 1-й стирке стало белеть, краска выцветать начала...

Галя Гроздецкая — моя соседка по парте. Я иду в школу — захожу к ней. Вот у нее одёжка была из магазина — такое аккуратненькое платьице! Оно хорошо сидело на Гале. Она тогда была, как моя внучка нынче — при полной женской форме. Грудь уже имелась, Галя лифчик носила! А я всё ещё — как доска была. Я и Галя идём рядом — вспомнится пословица: «Пока толстый сохнет, тощий уже сдохнет!» Сразу видно: я — с голодной Белоруссии, Галя — с сытого Урала. Мне так охота было — платье не хуже, чем у Гали! Я часто мечтала: вот заработает мама денег, она мне купит такое платьишко. У Гали живы были — и мама, и батька, только он

гулять любил смолоду. И гулял батька Гали с нашей будущей сватьей — это Печеркина Таисья, мать Саши Печеркина. А Галя потом в пединститут поступила. Она учительницей стала...

Где ты, мяско? Только в сказке!

Потапова — ещё одна одноклассница. Прямо напротив нас они жили. Потапова в гости к себе приглашала. И пюре картофельным угощала, да ещё со сливочным маслом. Ах, как было вкусно! Пюре сейчас не лакомство. Но ведь тогда все было иначе! Голодные мы были, голодные. И в пюре с маслом видели роскошь. Мясо? Мясо было только в сказке: «Мясо — в хатке под столом, у собаки — под хвостом!» А в жизни — даже картошки не бывало досьта: «Пекут бульбу, бульбу варят,/ Едят бульбу, бульбу хвалят!/ С бульбы — клёцки, с бульбы — каша,/ Пропади ты, доля наша!» После выпуска Потапова исчезла из виду. И потом появилась — будучи уже замужем. Толя Банников её мужем стал. Тоже мой одноклассник. Больше я о них ничего не помню...

Из 9 белорусов, что учились в нашем классе, подвиг совершила только я одна! То есть только меня — перевели в следующий класс. Прочие 8 школьников остались на 2-й год. Кое-кто попозже вовсе школу бросил! Учебники-то нам привычны были белорусские, а в Кичигино — все по-русски было. Вот арифметика — идет экзамен. Тяжело было сдавать! С любой задачей приходилось возиться втрое дольше. Почему? Во-первых, нужно мысленно перевести задачку с русского на белорусский язык. Во-вторых, решить её нужно быстренько. В-третьих, нужно перевести ответ с белорусского на русский язык. Вот и соображай: «Ошибка — это памылка! Фрукты — это садавина. Считать — это личиць. Овощи — это гароднина. Сочинять — это выдумляць...»

И такая морока — по любому предмету! В общем, не удивляться надо: «Почему 5-к нету в аттестате?» Надо радоваться: «Слава Богу, что есть 4-ки!» Нарочно остаться на 2-й год, чтобы оценки стали получше? Может быть, стоило так поступить! Но я сама — не догадалась, учителя — не подсказали. Видимо, им без разницы было! Что выпустить меня годом раньше — с пятью 3-ми, что выпустить меня годом позже — с тремя 5-ми. Или того хуже: второгодников плодить — начальство не велело? Оставил школьника на 2-й год — лишил колхоз работника! Это же недопустимо. В поле трудиться — не в школе учиться, даже неграмотный — пахать годится...

***

Многие одноклассники после 7-ки разбрелись кто куда. Кто в ремесленное училище, кто в энергетический техникум, а кто работать пошел. В 8-й класс, кроме меня, пошла только 1 девочка. Она кичигинская была.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не можешь есть — не можешь жить!

У нас говорили: «Ну, як вы живете?» «Да кидаемся, як горох при дороге!» «То есть как?» «Горох вырос при дороге. Его топчут день и ночь. А он все равно растет. Во все стороны кидается!» «А дальше як жить?» «А як набежить!» Вот и мы кидались с места на место. Сперва — из Белоруссии на Урал. Потом — из Кичигино в Куцевщину...

Весной 1952-го я кончила 7-летку в Кичигино. Тем же летом — мама наша заболела. И в ту же осень я снова попала в Великораёвскую школу. Только теперь в 8-й класс, а не в 5-й. Почему мы с мамой вернулись? В Кичигино у мамы разболелся рот. Десны, щёки и язык — воспалились так, что она не могла есть. На зубах черные точки возникли. Не можешь есть — как будешь жить? Все мы, конечно, смерть как испугались! Доктор сказал маме: все её болячки — от перемены климата. «А что зробишь?» «Вы откуда?» «Из Белоруссии!» «Ехать назад надо». Между тем, наша Зина уже вышла замуж. И Лена замуж собиралась. А Колю вот-вот в армию заберут. Поэтому они не поехали с нами. И мы отправились назад вдвоём. Для меня вернуться — было только к лучшему. Кичигинская школа — ведь это 7-летка. Где 8-й класс? Только в Южноуральске. До него 7 км. Хотя ездить каждый день, хоть там жильё снимать — снова денежки нужны. А их снова нету! Деньги в колхозе не полагаются. Только «палочки», то есть трудодни...

Слава Богу, доктор не соврал! Машины болячки сразу же зажили в родной Куцевщине. Никого не удивило наше возвращение. Никто вопросов не задавал. Работы много, кормежки мало — кого волнует, что мы вернулись? Поселились мы в нашей прежней хатке. Нет, никто её не продал без нас! Да и как продашь, если все бумаги мама увезла? И «калгас» её не прибрал к рукам. Хатка же была не «калгасная». Такими были только те хатки, что колхоз выстроил взамен домов, сожжённых немцами. Спалил бы немец нашу хатку — отстроил бы нам колхоз новый дом. Потом бы уехали из Куцевщины — забрал бы колхоз себе хатку нашу. И вернуться было б некуда! Ну, жить вдвоём там, где прежде жили всемером, было даже просторно. Мужика нету, дрова нужны! Мама носила их на руках, а я возила на саночках. Из того самого леса, что назывался Трилетка. В нем ещё волки водились...

Умер товарищ Сталин

День смерти Сталина — отлично помню я. Накануне принесли бумагу с почты. Батка алименты прислал! И на другой день я побежала в наше почтовое отделение. Оно было в Малой Раёвке, идти было холодно. Ну да, по календарю (которого сроду в хатке не было) стоял уже март. А по погоде — зима ещё была. Помню, все лужи были подмёрзшие, ледком ночным покрытые. Спеша на почту, я была в прекрасном настроении! Могла даже малость спеть: «На нашем поле, поле калгасном,/ деньки проходят весело ясно,/ Дружно працюем мы громадою,/ зняться не знаем с горем-бедою!» Грошей вечно нема, любая копеечка в радость! И ещё в школу я успеть хотела. Потому и торопилась! Помнится, на почте было многолюдно. Не 2 человека и даже не 20, а много больше. Я заняла очередь и стала бланк заполнять...

И тут началось! Затрещала, загалдела наша черная тарелка. Она же — матюгальник, он же — радиоточка, она же — репродуктор. Обычно тарелка помалкивала! От гимна и до гимна (от 06.00 до 24.00) она не голосила. Опять же, на почте — почти всегда тихо. Почта же не вокзал! И вот, на фоне тишины из черной тарелки раздался голос Левитана. Того самого, что во время войны говорил: «От Советского Информбюро!» Сейчас Левитан сказал: «5 марта... После тяжелой болезни скончался... Иосиф Виссарионович Сталин». Все мы буквально замерли, глядя друг на друга. Не помню я, кто первым зарыдал. Но очень скоро — ревели все. Рыдали как корейцы, я тоже плакала. У нас говорили: «Як тревога, так до Бога!» (Станет худо, вспомнишь Бога!) Вот Сталин и был для нас — живым Богом. И вдруг он умер! Кто писал, тот перестал. Кто стоял, тот присел. Кто шагал, тот замер. Всеобщее было рыдание! Плакали все, все абсолютно. Как можно не реветь, когда ревут вокруг? Ты глядишь на меня. Видишь, что я реву! И сам реветь начинаешь. Цепная реакция! Мужчины

и женщины, старые и малые, хлопцы и девчата — все мы плакали. И почтовые работники — они тоже рыдали. Не плачущих там не было. И быть не могло! Всякая работа замерла. Горючими слезами плакали, вытирали платками лица. И слёзы, и сопли, и прочее — всё было, всё текло, всё сразу...

Всё ещё рыдая, люди начали разбредаться. Не терпелось, видимо, рассказать знакомым! Тарелка-то была всего одна — на две Раёвки. В Куцевщине тарелки — отродясь не бывало...

Слово сказал — в тюрьму попал!

Видимо, смерть Сталина — поразила многих. Помнится, людей на почте — сразу меньше стало. Очередь передо мною — тоже сократилась шибко. И денежки свои я получила быстро. Быстрее, чем ожидала! Выдали мне ровно 25% от зарплаты бабкиной. Сумму не помню, но для нас с мамой — любые деньги были удачей. Без бабкиных алиментов — наш бюджет пострадал бы. Помню я, что с одного денежного перевода — купила себе пальто демисезонное. Красота...

Ну, в школу в тот день я не побежала! Прибежала я до дому — мамы дома ещё нету, она допоздна робила. Кому же 1-му я рассказала о смерти Сталина? Думаю, всё-таки маме! Никому другому — я бы не решилась даже имя Сталина назвать. Во-первых, мне как-то не верилось в его смерть. И не только мне, наверное! Всем нам казалось — он будет жить вечно! А во-вторых, все поголовно — мы были запуганы. Лишнее слово о Сталине скажешь? Загоришь в тюрьму! Ты ещё мал, тебя сажать нельзя? Тогда засудят маму и папу! Это было ясно всем. Только помяни Сталина, мама сразу скажет: «Трымай язык за зубами. Циха! (Тихо!) Не треба это теревить. А то загорим, як дядька Йосиф». То есть признают тебя виновным в антисоветской агитации. И дадут 7 лет исправительно-трудового лагеря. Да 3 года — поражение в правах...

В общем, я не торопилась — куда-то бежать и кому-то сказать о смерти товарища Сталина. Мы ж выросли все — на песнях о нем: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальём!» Или: «Кто поёт о советской столице, тот о Сталине песню поёт!» Еще: «О Сталине мудром, родном и великом прекрасные песни слагает народ!» Но в тот день никто не пел. Пока деньги получала, пока с почты я бежала — времени прошло немало. Возможно, в Куцевщине и без меня узнали о смерти Сталина? Помнится, в школу я пришла только на другой день. И там нам велели: «Бегите по хаткам!» «Почему?» «Умер товарищ Сталин!» Повторять не пришлось! Все мы с радостью разбежались. Не про нас сказано: «Взялся як голый за сраку!» (Вроде взялся за дело, только дело ни с места!) А ещё через день — снова начались школьные занятия. В школе так же, как и дома, никто смерть Сталина не обсуждал. Никто ни слова не говорил. Боялись, конечно...

Могла ослепнуть вовсе

Была у нас загадка: «Пришел до панёнки — паныч./ И каже: «Позычь!»/ «Ни, панычу./ Не pozyчу./ Толстый маешь./ Не вопхашь!»» Отгадка: паныч — палец, панёнка — кольцо. «Толстый маешь./ Не вопхашь!» Толстый палец в узкое кольцо не пролезет. Так вот, комсомол — это не колечко, туда любой мог бы пролезть. То ли в декабре 1953-го, то ли в январе 1954-го мы поехали в Копыль. Это 18 км от Куцевщины. Там был районный комитет комсомола, там нас приняли в ВЛКСМ. Нас было 7 человек, кажется. Помню, колхоз нам выделил санки, застеленные соломой. Запрягли лошадку, тронулись в дорогу. Было очень холодно! Слава Богу, кто-то прихватил с собой одеяло стяженное, то есть тёплое. В пути

один будущий комсомолец (или комсомолка) поругался с другим будущим комсомольцем (или комсомолкой): «А каб ты до завтрашнего утра руки на себя наложила!» «А каб тебе до воскресенья не дожить!» «А каб тебе не дожить до дня рождения...»

Может быть, ругались из-за одеяла? Нас же было много, а оно одно! Как его разделить? Короче говоря, одни пошли пешком, а другие поехали, погоняя лошадку. Пешие возмутились: «Шо вы нас не ждёте?» «А на шо вы слезли?» Тогда санки встали, все мы сели вместе. Кое-как укрыли всех одним одеялом. И в таком виде доехали до райкома. Волновались при вступлении? Конечно! Но не так уж страшно вышло. Один и тот же вопрос — задали каждому: «Почему ты вступаешь в комсомол?» И ответ был у всех один: «Хочу стать активным строителем коммунизма!» Комсомольцем стать — не экзамен сдать. Нас всех, всех семерых, приняли сразу. Хочу стать активным строителем коммунизма! Эту же фразу я повторила позже, вступая в КПСС...

В 8-м классе (май 1953 года) у меня заболели глаза. Мы с мамой не раз и не два — ездили и ходили в Раёвку. В тот самый фельдшерский пункт, которым Цвирка командовал! Через месяц начались экзамены, а я не могла ни читать, ни писать. И меня перевели в 9-й класс без экзаменов. Почему? Потому что я хорошо училась! Кроме болезни глаз, были проблемы с сердцем. Мама меня возила в Копыль — не раз и не два. Но болезнь не отступала! Могла ли я совсем ослепнуть? Наверно, могла. Слава Богу, через полгода (ноябрь 1953 года) мама довезла меня до «западницкой» больницы. Там назначили капли — адонизид. Это спиртовой настой на стародубке. И тогда я пошла на поправку...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Образование и обвинение

«Век живи, век учись — дураком помрешь!» В 1-й класс пошли 4 ребенка, а 7-й — закончила я одна. Это не только в нашей семье! Думаю, так было во всех почти куцевских семьях...

Начальная школа в Куцевщине (1945–1949). Был такой ученик по фамилии Баранов. Кличка — Баран. Он сидит и стучит головой об крышку парты: «В голову нийчого не лезет!» Захочет — явится в школу, расхочет — уйдет с занятий. И никто его не выгнал, даже речи не было. Зачем же педагогам — отчётность себе портить? Помнится, выпустили его с документом о начальном образовании. Не надо путать с незаконченным начальным! Его так и писали: «н.нач». Если начальное — 4 класса, а у тебя оно не кончено — сколько же классов у тебя за душой? Три, два, один? Неважно это, а важно то, что даже при 3-х или 2-х классах — ты числишься образованным. И твое «эн нач» зафиксируют! Например: «Кныш Роман Макарьевич. Родился — 1889, деревня Куцовщина. Белорус. Образование — незаконченное начальное. Колхозник. Арестован 7 июня 1938 г. Шпионаж в пользу Польши. Расстрелян 7 октября 1938 г...»

Кичигинская 7-летка (1952). Из 9 детей белорусских — только меня взяли в следующий класс! Ну что ж, я всегда любила учиться. А прочих 8 ребят — на 2-й год оставили. Верней, их хотели оставить — да только они не остались. Все они бросили школу. Зачем им учёба? Чтобы горбатиться в колхозе — образования не нужно! Хочешь учиться на тракториста — туда опять же возьмут любого. У тебя «эн нач»? Годен в «махновку» (училище)! Там дадут диплом, то есть специальность, и пойдешь работать. А в огороде своем копать — тем более образование не нужно. Вот так! Учились еле-еле почти все, 15-летний 5-классник не был редкостью. Что в Белоруссии, что на Урале...

Средняя школа в Раёвке (1953–1956). Со школьной скамьи на армейские нары? Такое было часто. Хлопчик все ещё в 7-й, 6-й или даже 5-й класс ходит? А ему 18 лет уже стукнуло: «С деревьев листья облетают (прямо наземь),/ Пришла осенняя пора (ёксель-моксель). /Ребят всех в армию забрали (хулиганов),/ Настала очередь моя (главаря)...»

Прежде — сажали, теперь — свобода

Была у нас песня: «Пока в хатке труп лежал —/ Его было ещё жаль./ И по улице несли —/ Все же слезы капали./ А как вышли за село —/ Уже стало весело!» Так оно и вышло. «Пока в хатке труп лежал —/ Его было ещё жаль». Это март 1953-го. Умер товарищ Сталин, мы все рыдаем. «И по улице несли —/ Все же слезы капали». Это от 1953 до 1956 года. Рыданий не слышать, но Сталин не забыт! «А как вышли за село —/ Уже стало весело!» Это февраль 1956-го. Хрущёв бранит культ личности, а мы не знаем, что и думать...

Учитель приказал: «Достали учебник такой-то! Открыли страницу такую-то! Нашли портрет такого-то! Взяли чернила! Замазали портрет!» Слава Богу, такого не бывало. Зато рвали учебники и кидали на печку! После того, как Хрущёв разоблачил культ личности. Это случилось в том самом 1956-м, когда я окончила школу. Только аттестат мне в мае выдали. А расправу над учебниками — школьники затеяли в феврале. Чуть ли не каждый пинал ногами свой учебник. Я пыталась их остановить, да все без толку. «Ты чего тут приказываешь? Какой приказчик нашелся! Одна дорога приказчику — бегом к захлевоному ящику!» (Беги к сортиру, какашки нюхай!) «Книжка моя — что хочу, то и ворочу, а ты не суй своего носа в чужое просо!» «Чаво ты вочи вытарацила як мавпа?» (обезьяна) «Чаво ты плямкаеш, як та свинья?..»

Печка в классе — это квадратный стояк. Внизу — дверца, туда суют дрова, оттуда гребут золу. Только зева нет, через который в домашнюю печь — хлебы сажают и чугульки ставят. До потолка печка чуть-чуть не доходила. У нее был верх — этакая площадка, туда и бросали учебники. Бросал каждый сам, а снимали по двое. Один спину подставит, другой книжку на шарит. Сунуть в печь учебник? Нет, никто не сунул! Ещё по полу книги валялись, их топтали и пинали. Дело было на перемене. Думаю, что кто-то слышал по радио доклад Хрущёва! И рассказал в классе о культе личности. Вот они и принялись издеваться над учебниками. Ну, ещё бы! Раньше за слово против Сталина — в тюрьму сажали. А теперь можно топтать ногами его портрет. Не скажу, чтоб это делали только хлопцы! Девчата тоже швыряли книжки. Будучи старостой, я пыталась их остановить: «Может быть, всё это неправда! Зачем вы так? Ведь нам ещё учиться — по этим самым книжкам...»

Не голодранец, а пролетарий!

Раз я им сказала, два я им сказала. Что они ответили? Послали подальше! Нет, не матом: «Пошел в ж...у!» Что ни хлопец, то кусок шалапуты дурного — мама так сказала бы. Тогда я сбегала к учителям, привела в класс Зинаиду Ивановну. «Робята, что вы робите? Не трэба так делать! Прекратите». Одни взяли свои книжки с этой печки. А другие брать не стали. У нас была загадка: «Кабы не дедово ремесло, у бабы до пупа заросло!» Дед — бойкий трубочист, баба — труба печная. «До пупа заросло» — копоть покрыла все, от зева печи до верха трубы. Ну, печная копоть на книги не попала, а вот побелка их запачкала! И растрепались многие книжки. Школьник швырнул — учебник не долетел, на пол упал, об доски ударился. Или стукнул в печь, отскочил назад, опять же повредился. Несколько книжек на другой день всё ещё ждали своих хозяев — и на полу, и на печи. А учиться всё

равно — по тем же книжкам пришлось! Что хлопцы, что девчата — образумились не в один день. Примерно неделю всё это тянулось...

Как ещё хулиганили? Снежков налепили заранее хлопцы, а я мимо бегу. Они мне в спину — давай кидать снежки. Шалапуты — они и есть шалапуты! Звонок? Уроки и перемены нам отмерял колокольчик. Про электрический звонок мы знать не знали! Что в Куцевщине, что в Раёвке, что в Кичигино! А колокольчик частенько пропадал — в подпол улетит или ещё куда-нибудь. То хлопцы его утащат, то учитель его затеряет. Тогда педагог без всякого звона нас в класс загоняет. Экзамены? Мы сдавали их каждый год, с 5-го по 10-й класс, и это было здорово! Кроме белорусского языка, учили русский и немецкий. И тот, и другой я любила больше, чем белорусский. А все школьные учебники были на белорусском языке. Я училась хорошо, твердя про себя: «Не гарлапан, а оратор! Не голодрабец, а пролетарий. Не валацуга, а сволочуга. Бродяга то есть...»

И куда только я не собиралась поступать! Куда угодно была готова. Война закончилась? Слава Богу, теперь не застрелят! Сталина развенчали? Слава Богу, теперь не посадят. Но питались по-прежнему впроголодь! И потому из Куцевщины — куда угодно сбежать хотелось. Окончив 7 классов, в 13 лет я хотела поступить в статтехникум. Хоть прежде о статистике и слыхом не слыхала. А мне сказали: «Есть 14 лет? Нет. Бумаги не примем...»

Я натерпелась страху

Окончив 10 классов, в 17 лет (1956) я подала документы в сельхозакадемию. Была она в Горках, что в Могилевской области (Белорусская ССР). Учёным агрономом я мечтала стать! Документы приняли, начались экзамены. Добралась я до Горок по железной дороге. Не помню, сколько там билеты стоили! Но помню, мама дала мне денег. И на билет, и на еду — мне их хватило. Чтобы тратить поменьше, я брала в магазине супы-концентраты. Солянка с грибами — особенно мне нравилась: «Иди сюда, тата, тут грибов богато!» При этой академии — имелось большое хозяйство. Огурцы росли; крупные и сочные ягоды, на боярышник похожие; помидоры созревали...

И вовсе не было там общежития! Жили мы в аудиториях, спали прямо на столах. В одном и том же здании (но только в разных помещениях): мы ночью спали — днем экзамены сдавали. Какие же мы были терпеливые! Кто сейчас (2012) стал бы — на столе спать? У нас говорили: «Не выежно — так вылежно!» (Не дали власть поесть — так дайте власть поспать!) А тут выходило — и не выежно, и не вылежно. И кормёжка — худая, и лежанка плохая. Был там ещё парк, в нем — пруд с лебедями. Я вставала пораньше, пока не жарко, приходила в парк с учебниками. Там сажу и учу. Меня заметил мужик какой-то, тогда мне казалось — он был очень старый. К скамье у пруда — тропинка шла через кустарник. Там он меня встречал и спрашивал: кто такая, откуда, где родители? Сперва я отвечала, попозже сообразила — у него есть свой интерес. Бывало, он скажет: «Ну, давай я тебе дапамагу!» А я в ответ: «Не трэба ничего, у мяне — знаний достаточно». «Дапамагу, устрою в общежитие!» Мне стало страшно, я перестала туда ходить. Возможно, он меня искал: «Куды гэта дурныца схавалась?» Жениться если он хотел — так это полбеда! А вдруг что похуже? Слово «наильник» я тогда не знала. Но страху натерпелась...

Что ж, поставили мне две 5-ки (русский язык и литература) и две 4-ки (физика и химия). Но не зачислили: «Не прошла по конкурсу!» Предложили заочное отделение, от него я отказалась. А в душе-то я всегда хотела быть доктором или учителем. Жаль, ни то, ни другое не складывалось...

Не помер — и ладно!

В сельхозакадемии этой — в столовую не совалась, мне дорого показалось. Только супы брала — банка из стекла, крышка из жести. И ела так, чтоб растянуть! Каждую банку — на целый день. Ела как кашу, ложкой из банки! Не разводила ни кипятком, ни водой из-под крана: «Пусть сырое дадут сироте — у него докипит в животе!» У меня начал болеть желудок. Думаю, язва тогда и возникла. Хотя все началась гораздо раньше. Даже в мирное время — гнилую картошку жевали. А что мы ели в годы войны? С голоду не померла — и на том спасибо...

Помню экзамен по физике. Начала я отвечать по-белорусски, тут они спросили: «А по-русски можешь?» Я две-три фразы сказала по-русски. «Хорошо, мы поняли!» Физика была последней. Вывесили список поступивших, а меня в нем нет! Я загрустила очень, но документы мне отдали не сразу. Прошло 2 или 3 дня, я пришла за бумагами: «Мы зачислили вас!» «Как зачислили, если в списке нет?» «На заочное отделение!» А что такое заочка? Даже слухом не слыхала я тогда. И понять я не могла: как можно учиться, не посещая занятий? «Была сила — пока матери в животе носила. Носить перестала — и силы не стало!» Что хочу сказать? Мамин совет помог бы мне — но мамы со мной не было. Совета спросить у других поступающих? Я не подумала! «На заочном я учиться не хочу!» Сказав это, я забрала бумаги и отбыла в Куцевщину...

Итак, весной 1956-го я кончила школу. Тем же летом — пыталась поступить в сельхозакадемию. А осенью 1956-го мама проводила меня на Урал. Дело было в Тимковичах. Поезд стоял долго. Мама подошла к одному мужчине: «Вы куда едете?» Он в ответ: «Я в Москву!» Мама попросила его присмотреть за мной. Он так и сделал. Очень доброжелательным оказался — с глупостями не приставал, слава Богу! Проводив меня, мама затосковала, она переживала и плакала. Что тут скажешь? Тяпи, Зося, як пришлось...

ЭПИЛОГ

Ночь, потёмки, страх

Проводив меня из Тимковичей, мама вернулась в Куцевщину. Как обычно, перед ночью — своего котёку выставила из хатки. Задвинула мама клямку — заперла наружную дверь. Потом крючок накинула — закрылась в комнате. Уже легла, ещё не спит. Обо мне вспомнила, всплакнула малость. И вдруг мама слышит: крючок отскочил! Дверь заскрипела, и потом: топ-топ-топ. Мама видит: кот огромный! Чужой вовсе, не наш котёк. Коты обычно бесшумно ходят. Быть может, топот маме почудился? Кот дотопал до лежака и запрыгнул маме на грудь. Улегся поперёк и начал муркотеть! Да такой грузный, как сытый боров. Маме дышать тяжело, она задыхается почти. Она его столкнёт — он обратно запрыгнет. Снова столкнула — снова запрыгнул. И что страшно — нету звуков: ни мяуканья, ни шипения, ни урчания. Ничего! Откуда кот взялся? Двери — мама закрыла, окна — не распашные, а форточек — в помине нет! Не котёра, а проныра: «Вушки-слушки — не мыляюцца, вочки в ночку — запалаяюцца...» (Уши слышат — и вовек не ошибаются, очи ночью — огоньками зажигаются...)

Быть может, кот маме мерещился от страха? Сроду в хатке было людно: мама, дети, батка. И вдруг она — совсем одна! А случись, скажем, сердечный приступ? Некому бежать за врачом! Это же верная смерть. Назавтра мама позвала к себе соседку. Ночевали они вместе, вместе видели кота. Пытались вдвоем, в четыре руки, выставить его. Но даже с пола — поднять не смогли. Ближе к утру кот ушёл сам — как в прошлый раз. Через нескольких ночей — кот являться перестал ...

Дмитрий Заболотских

Практика Дзен, или Жизнь Учителя Жо

***

Однажды Учитель Жо гулял в городском саду. Неожиданно из кустов на него выскочил медведь.

— Да ну, фигня, откуда здесь медведи, — спокойно рассудил Учитель, глядя хищнику прямо в глаза. И медведь растаял в воздухе, не выдержав скептицизма.

***

Однажды к учителю Жо пришел молодой певец Децл.

— В чем сущность музыки? — спросил он Учителя.

— Йёоу! — ответил ему Учитель.

Децл навсегда запомнил его слова.

***

Когда у Учителя Жо случился понос, он, вопреки ожиданиям учеников, не стал отменять запланированной суточной медитации.

— Будь что будет, — мужественно решил Учитель.

***

Наставник Хы завидовал Учителю Жо, и вызвал его на дуэль на бамбуковых палках. Учитель принял вызов, но в назначенное время явился на дуэль с пустыми руками.

— Где же твои палки, Жо? — глумливо спросил его Наставник Хы.

— Да хрен их знает, — ответил Учитель, и Наставник Хы признал свое поражение.

***

Учитель Жо практиковал тантрический секс, когда к нему прибыла делегация народов мира. Узнав, что Учителя ждет столько уважаемых людей, подруга Учителя попросила его поспешить к ним.

— Поспешешь — людей насмешишь, — ответил ей Учитель, и в этот день не вышел к делегации.

***

Однажды Учитель Жо зашел в магазин фототоваров. На одном из объективов он увидел надпись:

ПРОСВЕТЛЕННАЯ ОПТИКА

— Жулики, — подумал Учитель Жо.

***

Учитель Жо не любил есть рис палочками. Когда ученики спросили его о причинах

такого пренебрежения правилами поведения за столом, он ответил:

— Дай вам волю с вашими правилами, так вы и пиво из блюдец пить станете.

***

Наставник Хы завидовал Учителю Жо, и желая опорочить его имя, написал на Великой Стене:

Учитель Жо лох и не волокёт в буддизме.

— Совсем не врубаются в дзен, — с грустью подумал Учитель Жо, застав его за этим занятием.

***

Несколько дней Учитель Жо с увлечением искал чёрную кошку в пустой тёмной комнате. Наблюдавшие за делами Учителя ученики решили спросить, не трудно ли ему.

— Приколно — это да. А трудности тут вообще никакой нет, — сказал им Учитель, и с криком «Кис-кис!» вернулся в тёмную комнату.

***

Любимый ученик Учителя Жо мечтал хоть в чём-нибудь превзойти своего учителя. Поэтому, когда у него случился запор, он с глубокомысленным видом уселся медитировать.

— Я бы на твоём месте сейчас не тратил время на пустяки, — сказал ему Учитель.

***

Учитель Жо и Наставник Хы сидели на заборе и медитировали. Неожиданно к забору подошел пьяный милиционер и стал справлять естественную надобность. Наставник

Хы сразу заморгал, заёрзал и утратил ощущение целостности бытия. А учитель Жо — ничего. Даже ухом не повёл.

***

Два ученика Учителя Жо поспорили между собой. Первый утверждал, что оргазм предшествует просветлению, а второй — что просветление оргазму. Учитель внимательно выслушал их доводы и сказал:

— Оргазм тут совершенно ни при чём. Однажды любимая просто попросила меня вынести мусор, и в этот момент я испытал просветление.

— Но в чём же оно заключалось, Учитель? — в один голос воскликнули ученики.

— Его можно выразить двумя словами: «Вынеси сама».

***

Учитель Жо решил потолковать с наставником Хы о тонкостях дзен.

— Куда бы ты ни шёл, ты уже там, — доверительно сообщил ему Учитель.

Наставник Хы вздохнул и возразил Учителю:

— Куда бы я ни шёл — ты уже там.

***

Любимый Ученик Учителя Жо полгода ломал голову над коаном, и все никак не мог представить себе звука хлопка в ладоши, когда хлопают только одной рукой. Придя в отчаяние, он обратился за помощью к Учителю.

— Некогда, некогда, иди медитируй, надоел со своими глупостями, — отмахнулся от его вопроса Учитель, и ушёл практиковать тантрический секс.

Ученик удалился в лес и предался усердной медитации. Через полгода, не достигнув ничего, он опять обратился к Учителю за разъяснением.

— Да как, как, звучит? Как надо, так и звучит. Иди, иди, медитируй, — снова отшил его Учитель.

Через год заросший мхом Любимый Ученик, вращая глазами, вышел из леса.

— Как звучит хлопок одной руки? А? — страшным шепотом спросил он Учителя.

— Нельзя же быть таким тупым, милочка моя, — сказал Учитель Жо и, подняв руку, дал Любимому Ученику в ухо.

***

— Зачем в нашем монастыре столько кошек? Какая от них польза? — спросил у учителя Жо Любимый Ученик.

— Они служат нам темой для разговоров, — ответил Учитель.

***

Любимый ученик хотел задать Учителю Жо важный вопрос, но никак не мог его найти. Он несколько раз обошёл весь монастырь, обшарил монастырский сад, сбегал к дому Учителя, поднялся на крышу пагоды и внимательно осмотрел окрестности, потом, отчаявшись, спустился к реке, и тут, на берегу, наконец-то увидел Учителя с подругой, вылезавших из-под перевернутой лодки.

— В чём прелесть жизни, Учитель? — задал Любимый ученик свой давно заготовленный вопрос, хотя и понимал, что сейчас не самое лучшее время для этого.

— Всегда получается немного не так, как ты хотел, — ответил ему Учитель Жо, вытряхивая песок из ушей.

***

— В чём почва для оптимизма, ведь помидоры не взошли? — спросили ученики Учителя Жо, рассматривая голые грядки монастырского огорода.

— Помидоры не взошли. Зато взошло солнце, — ответил им Учитель.

***

Учитель Жо не умел играть на скрипке. А наставник Хы — умел. Но всё равно наставник Хы завидовал Учителю Жо.

***

— В чем задача творца? — спросили ученики Учителя Жо.

— Перекотить кота, — ответил тот.

А некоторым послышалось «перекатить». Но ученики постеснялись узнать подробности и решили, что это коан.

***

— Наставник Гы вернулся из России, — рассказывали ученики Учителю Жо.

— Что он там делал? — поинтересовался Учитель.

— Проповедовал русским истинный дзен.

— Успешно?

— Говорит, что да, но...

— Что — «но»?

— Да странный он какой-то. Все рассуждает про Свой Особый Путь и мандарины в бочке квасит.

***

Наставник Хы удалился в лес, и жил там полгода, питаясь корейской морковью. Все это время он выдумывал неразрешимый коан, чтобы задать его Учителю Жо. Через полгода измученный изжогой наставник Хы вышел из леса. Подкараулив Учителя на базарной площади, у лотка с фруктами, Наставник подошел к нему, и указав на лимон, коварно спросил:

Лимон кисл,
А в чём смысл?

Да нет смысла —
потому и кисло, — не задумываясь ответил Учитель.

Наставник Хы изменился в лице, пошёл в овощной ряд и убил четырех корейцев.

Михаил Куимов

Безымянная площадь вокзала

***

В субботу обещали снег,
А в девяносто третьем — счастье.
Я, вероятно, человек,
Что годен только на запчасти,
Запоминаю те лишь сны
(Их выдают мне по безналу),
В которых раздевалась ты
Или меня ты раздевала.
И, вероятно, я — сырьё
Для третьесортного мультфильма.
Да, обещает мне чутьё,
Что мы провалимся. И сильно
Я верю каждому из слов
Предвозвещений, предреканий
Шаманов с дальних островов.
Чтобы стереть воспоминанья,
Необходимо лечь под нож.

А утром, может, будет счастье.
А если неудачно — что ж,
Я буду годен на запчасти.

***

... и растрепался антураж,
Обычна жизнь, и мир — простой.
В кустах начитанный алкаш
Блюёт вселенской пустотой.

И небу снова — грош цена,
Поскольку вечер, а ты с ним
Красива, весела, верна.

И этот свет невыносим.

Прогулка

Безмерно небо пролилось
На наши головы и плечи,
Я вымок весь, и ты — насквозь,
А кашель так и не долечен.

В России драмы круглый год:
Сюжет обыден, прозаичен.
Я не курю, не пью — и вот
Уже неделю на больничном.

Но мы гуляем, дураки,
А дождь, гляжу, того и дело
Твоей касается руки
Стеснительно и неумело.

И худощавые дома
С предельно хрупкими хребтами
Пытаются залезть в карман
Пальто антенными крюками.

Твоя улыбка — чёрт возьми! —
Придумана лукавым бесом.
Тебе опять с утра к восьми?
Пусть быт идёт дремучим лесом....

Чего не ждали, то сбылось,
Мечты - лишь навсего дар речи.
А небо всё лилось. Лилось
На наши головы и плечи.

***

Утро станет ударом в затылок,
Если сны целовали взасос,
Ночь качала гирлянды прожилок
Ныне несуществующих звёзд.

Этот город двоих не придушит:
Он, притвора, блефует и врёт.
Лишь страшит куполами церквушек,
Но к часовне нас не подведёт.

Третьи сутки дожди. Старый тополь
Разливает по рюмкам бурбон.

Посмотри, как в скорбящий Некрополь
Обращается мой Вавилон.

Уцелевшим награды не надо,
А почившим — сосной об сову.
Третью ночь снится мне небострада,
Как бросаем у дома траву,

Как садимся в летучий корабль,
И он мчит непонятно куда —
Мимо лун, астероидных сабель —
В неизвестные всем города.

Слёзы — спутники всех изменений,
Не на радости, не на беду.
Если я найду двери других измерений —
Я тебя за собой уведу.

***

Ни я один ходил три сотни раз
До привокзальной площади, а позже
Вдруг понимал, что проще, чем сейчас,
Не будет. Да и впрочем, быть не может.

Я поднимал с земли свой саквояж
Английской клетки с вставкой дерматина
И начинал с нуля километраж
По будням, смело щедрым на рутину.

Тащился через город, матеря
Весь свет и всё, что есть на этом свете.
У каждого второго фонаря
Просил огня промокнувшей сигарете.

Под проливным дождём встречал зарю
И точно знал — начнётся всё сначала.
Исчезнет жизнь меж тех, кого люблю,
И безымянной площадью вокзала.

Владимир Дерендяев

Страшилки с хеппи-эндом

78

Девочка и жёлтая сумка на колёсиках

Однажды жила девочка. А девочка везучая была и получила путёвку в загородный лагерь. Стала вещи собирать, а дорожной сумки нет. Пошла девочка в магазин. Дошла до перекрёстка. Там бабушка стоит и не может дорогу перейти. А девочка добрая была. Помогла бабушке. Бабушка ей говорит:

— Не покупай жёлтую сумку с кармашками.

Девочка начитанная была и подумала, что бабушка сошла с ума и пошла дальше.

Приходит в магазин, а там все сумки — жёлтые с кармашками. А девочка смелая была, ничего не заподозрила. Она спрашивает у продавца:

— Сколько стоит жёлтая сумка с кармашками?

Продавец, как услышал девочку, тут же убежал. И кассиры все убежали. Девочка честная была, денежку положила на тарелочку, взяла сумку и пошла. Вдруг сумка из рук выскакивает, из дна у неё вырастает двенадцать ножек с двенадцатью колёсиками, из неё выглядывает та самая старушка с перекрёстка и говорит скрипучим голосом:

— Молодец девочка! Загадывай три любых желания.

А девочка смелая была, не испугалась. Не испугалась и говорит:

— Можно, свои желания я позже загадаю? Когда вырасту...

Девочка сообразительная была: зачем в детстве желания загадывать, в детстве человек и так счастливый. Старушка разрешила. А потом девочка выросла. Загадала три желания. И после этого удачно вышла замуж, родила мальчика и девочку. Вот такая умная девочка.

Девочка и лысый вожатый

Однажды девочка получила путёвку в загородный лагерь. А она весёлая была. Идёт и песни поёт. Навстречу ей старичок. Лысый. Он ей говорит:

— Пойдёшь записываться в отряд, не подходи к лысому вожатому.

Девочка доверчивая была. Поверила старичку. Пришла записываться. Смотрит, смотрит: нет нигде лысого вожатого. Обрадовалась девочка и записалась в отряд к вожатому с именем Кычкин Сергей Николаевич. И пошла домой. А она уставшая была. Заснула. Вдруг окно открывается и слышит она голос старичка:

— Я же тебе говорил, не записывайся к лысому вожатому!

А девочка современная была, в предрасудки не верила. Догадалась она, что голос ей во сне приснился. Наступает день отъезда в лагерь. Приходит девочка к автобусу. А там никого нет. Только автобус и Кычкин Сергей Николаевич. В панаме. Увидел он девочку и стал медленно приближаться. Идёт, идёт он к девочке. И так по-доброму улыбается. Идёт, идёт... И всё улыбается... Подходит. И начинает так же медленно снимать панаму. Не спеша... Снимает панаму, а там... волосы. Обрадовалась девочка и говорит... а она вежливая была... говорит:

— Уважаемый Сергей Николаевич, как хорошо, что у вас под панамкой причёска есть.

Не понял ничего Сергей Николаевич. Но он не обидчивый был. Не стал на девочку обижаться. А потом все остальные пришли и они в лагерь поехали.

Девочка и фотоаппарат на колёсиках

Однажды девочка отдыхала в лагере. В один день во время обеда к ней подходит повариха тётя Ирина и говорит:

— Девочка, никогда не фотографируйся в фотоаппарат на колёсиках.

После этого повариха зачерпнула холодного компота из кастрюли, облила себя и исчезла. А девочка голодная была и как-то даже на это внимания не обратила. И вот настал день фотографирования. А фотографировать должен был вожатый с именем Кычкин Сергей Николаевич. Вот отряд выстроился на солнышке: стоят, ждут, когда Сергей Николаевич придёт. А девочка нетерпеливая была: ждать долго ей не хотелось. Постояла немного и говорит:

— Да нечего ждать. Пойдёмте.

Вдруг из кустов выезжает фотоаппарат на колёсиках. Дети обрадовались и давай фотографироваться: по двое, по трое, по разному... И только щёлкнет фотоаппарат, так тут же фотографируемый исчезает. Наконец девочка осталась одна. А она решительная была. Подходит к фотоаппарату и раз... и снимает крышечку с объектива фотоаппарата. Фотоаппарат грохается наземь, выходят из него все девочки и мальчики, и Сергей Николаевич. И говорит он девочке:

— Спасибо девочка, спасла ты нас.

А потом Сергей Николаевич говорит:

— Дети, никогда не фотографируйтесь в фотоаппарат с крышечкой на объективе!

Девочка это знала. У неё хорошая память была, и она в фотостудию ходила.

Девочка и ниточка с иголочкой

Как-то девочка ела кашу. А у девочки хороший аппетит был, и она в каше не ковы-

рялась, а ела по-настоящему. И тут по телевизору новости. И диктор говорит:

— Девочка, ты хорошая девочка. Ты съела всю кашу и даже облинулась. И поэтому хочу тебя предупредить: не вдевай зелёную ниточку в иголочку после дождика в четверг. Вот...

А у девочки хороший слух был, и она всё услышала. Проходит один день и наступает четверг. На небе ни одного облачка и дождя не предвидится. Девочка любила прогулки на свежем воздухе и уже хотела выходить, но вдруг звонок.

Девочка двери открывает, а там старушка старая-престарая, старше не бывает, и говорит она голосом Аллы Пугачёвой:

— Девочка вдень мне, пожалуйста, ниточку в иголочку.

И протягивает иголочку и зелёную ниточку. А девочка воспитанная была, и говорит:

— Проходите бабушка, сейчас мы вам это организуем.

Проходят в комнату. А в комнате у девочки прибор барометр висел. И стрелка барометра в это время вниз пошла и стала показывать на дождь. Девочка подумала: «Успею до дождика». А старушка встала в дверях, чтоб девочка не убежала и говорит голосом Аллы Пугачёвой:

— Миллион, миллион, миллион алых роз...

И тут гром загредел и пошёл дождь. Девочка стала вдевать зелёную ниточку в иголочку, но не успела... Дождь кончился. А она помнит, что после дождика нельзя вдевать. Что делать?..

А девочка сообразительная была. Она так быстро — раз, — телефончик достаёт, и вызывает из бюро добрых услуг швею на дом. Та пришла, ниточку в иголочку вдела. Отдаёт девочка иголку старушке и улыбается. Но это ещё не всё... Старушка резко так маску снимает, а там под маской Алла Пугачёва, и она говорит:

— Ура! Вы стали участником программы «Розыгрыш»!»

У девочки день рождения как раз был и её так подружки поздравили.

Девочка и железный зонтик

Однажды к девочке пришло лето. Лето пришло, и погода испортилась. А девочка сама по себе была очень весёлая, и настроение у неё хорошее осталось: она сначала в кино сходила, потом мороженку купила. Ну и ещё там они — прыгали, бегали, с кошкой играли. А потом самое главное началось. Ужас, что началось...

Вечером на небе появились серые, серые облака и они написали прямо на небе: «Когда дождик начнётся, не стой на улице под дождём с железным зонтиком».

А девочка с математическо-физическим уклоном была и сразу сообразила, что железных зонтиков не бывает. Сообразила девочка, и ещё нужно было рассмеяться, потому если такого не бывает, то значит, это юмор, и девочка посмеялась:

— Хи-хи-хи...

И вот зря она так посмеялась. Потому что через половинку минуты пошёл дождик. А девочка смотрит: она же стоит в песочнице под железным грибком, и если обладать воображением, то получается, что она стоит под дождём с железным зонтиком. И девочка воображением обладала и поняла... Но поздно...

Дождь лил сплошной стеной. Даже высунуться было нельзя. Невозможно было высунуться. Никак. Никому. И ни-ког-да...

А девочка азартная была. Она себе сказала:

— Эх, была не была!

И шагнула... И дождь как обольёт её. Но девочка быстрая была и тридцать метров за четыре секунды бегала. И она быстро дома оказалась. Вот так вот. А потом после дождя грибы пошли. И девочка с папой по грибы пошла.

Девочка и три смски

Однажды девочке купили велосипед. На двух, естественно, колёсах. И она пошла кататься на велосипеде во двор. А девочка добрая была. И дала покататься на велосипеде

де одному дяденьке. Незнакомому. Совсем неизвестному. А он оказался полицейским, и он на этом велосипеде поймал преступника. Мгновенно поймал: раз-два и поймал. Потому что на велосипеде был. А преступник без велосипеда. И вот дядя полицейский возвращает велосипед и говорит девочке:

— Никогда не крути педали велосипеда в обратную сторону.

Сказал и ушёл в свою полицию. А у девочки память хорошая была. Она запомнила, что говорил дядя.

И вот катается, катается на велосипеде девочка и тут ей прямо в дороге приходит смска: «Крути педали в обратную сторону. Ваш оператор сотовой связи». А девочка опытная была. Не поверила оператору сотовой связи. Снова приходит смска... С таким же текстом... И снова подписано: «Ваш оператор сотовой связи». А девочка терпеливая была: сразу не стала обзывать оператора сотовой связи. Но тут приходит третья смска: «Крути педали в обратную сторону». От того же адресата. Ну, тут девочка разозлилась. Она как взяла, как крутанула педали в обратную сторону... Ну, это образно говоря. Потому что у девочки было развито образное мышление. А на самом деле она пошла в салон сотовой связи и поменяла своего оператора сотовой связи. И всё.

Если кто не понял, то объясняю: это счастливый финал, хэппи-энд у американцев называется.

Девочка и дяденька из телевизора

Однажды девочка смотрела телевизор. А там дяденька про погоду рассказывал. Рассказывал, рассказывал и вдруг так внимательно на девочку стал смотреть. А девочка симпатичная была и не удивилась, что на неё смотрят внимательно. Она даже так слегка улыбнулась... Но в это время экран телевизора погас и раздался звонок телефона. А девочка дома одна была и поэтому пошла к телефону. А телефон голосом дяденьки из телевизора говорит:

— Здравствуй, девочка.

Девочка вежливая была и тоже говорит:

— Здравствуйте.

Голос спрашивает:

— Ты меня узнала?

— Конечно, узнала, — сказала девочка, потому что всегда честная была.

Дяденька в телефоне говорит:

— Сейчас я приду к тебе домой.

Другая бы испугалась. Но девочка уверенная была, и несколько даже не сомневалась в своих силах. Девочка выкопала перед входом в подъезд яму три метра глубиной и сверху фанеркой прикрыла: дяденька пойдёт, она за верёвочку дёрнет, и ей за это дадут медаль. Но дяденька хитрый был. Он перед ямкой остановился и стал девочке правую руку протягивать.

— Здравствуй, — говорит он.

— Здравствуйте, — говорит девочка, но руку не протягивает.

В это время у дяденьки рука так... раз и в карман спряталась. И он говорит:

— Я с телевидения. Хочу, чтобы с завтрашнего дня ты про погоду, девочка, рассказывала. Потому что я уже старенький. И начинаю шепелявить.

Вот так девочка попала в телевизор. И стала рассказывать там про погоду. А мама и папа гордились своей дочкой. И соседи все говорили:

— Хорошая у вас дочка. Не шепелявит.

А мама и папа ничего не говорили. Они просто плакали от счастья.

Девочка и «Книга о вкусной и здоровой пище»

У одной девочки не было запасного колеса. А девочка умная была, и она знала, что когда она вырастет, у неё всё будет. И колесо, и машина. Поэтому она не переживала попусту, а в свободное время просто читала сказки. Однажды она в библиотеке взяла книжку, но то, что книжка волшебная, девочка даже не знала. Вот она заканчивает читать книжку, закрывает книжку, а в её комнате вдруг появляется Фея Библиотекарь.

— Молодец, девочка. Книжки читаешь. Нравится мне это. А чтоб ты была совсем начитанная, подарю тебе «Книгу о вкусной и здоровой пище». Только не читай эту книгу, пока тебе не исполнится десять лет.

Сказала и исчезла. А девочка впечатлительная была и как-то сразу поверила. Поверила и пошла домой.

И вот книга на столе лежит. Толстая книга. Здоровенная. Девочка книгу взяла и понесла к книжному шкафу. А девочка хрупкая ещё была, и руки у неё не выдержали. Упала книга. И сама раскрылась на страничке с цветной картинкой. Девочка читать не стала, но на картинку посмотрела. И только она посмотрела на картинку, сразу запахло жареным. Лёгкий такой запах жареного... И холодильник на кухне вдруг дверцей хлопнул... И сковородка звякнула, и на ней что-то зашкворчало... И совершенно непонятно почему, глаза девочки вдруг прочитали в книжке: «Возьмите мясо и порежьте его на мелкие кусочки...». Тут нож на кухне звякнул...

А девочка энергичная была, подвижная, и аппетит у неё хороший был. Пошла она на кухню. А там мама гуляш по-венгерски готовит. К праздничному новогоднему столу.

А десять лет девочке ещё полгода назад исполнилось. Феи тоже иногда ошибаются. Особенно Фея Библиотекарь.

Девочка и говорящая змея

У одной девочки была баночка. Не очень большая баночка. Средняя такая... Размером с ладонь баночка. Девочка в баночке хранила красивые камешки с моря и один гвоздик. Маленький такой гвоздь. На самом деле девочка хранила только камешки, а гвоздик в баночке хранился сам по себе. И вот однажды... А девочка целый месяц, после того как приехала с моря, носила эту баночку с собой. Однажды девочка гуляла по улице, и увидела жениха с невестой. Ну, девочке так показалось, что они — жених и невеста. И у невесты вдруг ломается каблук. Набок так подворачивается. И жених говорит:

— Эх, мне бы сейчас бы гвоздик маленький... я б тебе каблук-то и прибил бы.

А девочка отзывчивая была. И сразу отозвалась на беду. Достает из баночки гвоздик, отдаёт жениху. Тот прибывает кирпичиком гвоздик и говорит девочке:

— Мы, девочка, цирковые артисты. Вот тебе приглашенный билет в цирк. Приходи, только не разговаривай во время представления.

И жених с невестой ушли. Девочка нетерпеливая была, в цирк сразу и пошла. Показала билетик бабушке, прошла на своё место. Началось представление. Акробаты сначала были, потом клоуны, медведи... И вдруг девочка чувствует, что по её ногам кто-то ползает. Кто-то холодный и длинный. Потом этот холодный ноги обвил и по ногам начинает к сердцу девочки подбираться. И всё ближе и ближе... Девочка смотрит, а это змея питон. И питон уже всю девочку до подмышек обвил и начинает сжимать её сердце. Но девочка помнит, что говорить в цирке нельзя... Питон дальше сжимает и шипит, как будто что-то говорит. А девочка вежливая была, и она не могла не поздороваться.

— Здравствуйте, питон, — прошептала девочка.

— Здравствуйте, — сказал питон.

Тут весь зал услышал голос питона: он очень громко сказал. И все захлопали девочке. Зрители решили, что это цирковой номер такой.

На самом деле это был говорящий питон, но с ним никто не разговаривал. Он на всех обиделся и уполз. А тут вдруг девочка с ним поздоровалась.

Они потом долго в цирке выступали. Их номер так и назывался: «Девочка и говорящая змея».

Девочка и фонарик

Одной девочке дедушка в наследство оставил фонарик. А батареек в фонарике не было. Девочка пошла в магазин за батарейками.

У магазина стояли бабушки и торговали цветами и редиской. А одна бабушка не торговала цветами и редиской. Она стояла и смотрела на солнце через чёрное стеклышко.

— Пять, четыре, три, два... — бормотала бабушка.

Потом бабушка сделала паузу и громко сказала:

— Один... Пуск!

После этого резко повернулась к девочке и как запоёт:

— А ты такой холодный, как айсберг в океане... Это любимая песня твоего дедушки, девочка. Я тебя вычислила способом Христофора Колумба, да и глаза у тебя Васины. Вот тебе, девочка, батарейки, но не включай фонарик в темноте.

Сказала это бабушка и ушла в туман. Потому что в это время на город неожиданно опустился туман.

— Вот так здрасте, — сказала девочка, — как это не включать фонарик в темноте? А для чего он тогда нужен.

Но девочка оптимисткой была и расстраиваться не стала. Пошла домой. И вдруг наступило полное солнечное затмение. Ну, совсем полное: темно в городе стало, как у крота в норке. Девочка юной натуралисткой была и всё про крота знала. Стала девочка на ощупь к дому пробираться: по стеночкам, по заборчикам, по трещинкам в асфальте... И вдруг её руки нащупывают что-то холодное, пупырчатое, с маленькими хвостиками... И много этих... Очень много! И все с хвостиками! И такой хрум-хрум-хрум вокруг стоит. Стала девочка фонариком от пупырчатых отбиваться. Тут у фонарика случайно щёлкнул включатель!

И раздался голос бабушки:

— Я тебе говорила, не включай в темноте! Говорила? Без лампочки всё равно светить не будет. А вот сейчас вкрути лампочку и включай на здоровье.

И прямо в ладонь девочке суёт лампочку. Девочка лампочку вкручивает и видит, что кто-то опрокинул бочку с солёными огурцами, зелёными, пупырчатыми, с хвостиками. И всё население города собралась вокруг бочки и хрумкает этими огурцами.

Тут солнечное затмение закончилось. Стыдно стало горожанам, что они чужие огурцы едят. А девочке не было стыдно, потому что она не ела чужие, да ещё к тому же и солёные огурцы.

Смелая девочка и кино

Однажды девочка шла из школы. А девочка экономная была, и поэтому у неё даже денёжки были, и она решила купить билет на фильм. Она хорошо относилась к кинематографу и даже некоторых артистов по фамилиям знала.

Вот взяла она билет в руки, смотрит, а там ни ряд, ни место не обозначены, а вместо этого надпись: «Не садись девочка на пенёк, не ешь пирожок!». А у девочки чувство юмора было развито, и она рассмеялась... ну так не очень громко, чтоб не нарушать порядок, и в зал пошла.

Вошла девочка в зал, а там свет так едва-едва горит... Такие как бы сумерки... И тишина... Девочка предусмотрительная была и раз и достала телефон свой с фонариком. Достала и посветила им. И оказалось, что в зале нет ничего страшного. И там, в зале никакого пенька тоже не было, и пирожками никто не угощал. Ну, тут девочка поняла, что можно спокойно наслаждаться искусством.

В зале все места были свободные. Села девочка в самом центре зала, на самое удобное место... Тут и свет в зале погасили. Вдруг у неё за спиной кто-то что-то ей зашептал...

А у девочки слух хороший был, и она всё услышала, только ничего не поняла, потому что язык был, наверно, китайский. Но девочка сделала вид, что понимает, и кивнула так головой, как будто бы она согласна. А сама девочка догадалась, что неспроста у неё за спиной кто-то шепчется на китайском...

Прошло восемь долгих секунд и снова сзади кто-то шепчется... На этот раз девочка отчётливо услышала:

— Не садись на пенёк, не ешь пирожок...

Тут вдруг засветился экран и на экране крупные буквы появились... Девочка быстро букровку одну к другой мысленно

присоединила и моментально прочитала. Там было написано «НЕ САДИСЬ НА ПЕНЁК, НЕ ЕШЬ ПИРОЖОК!».

— Аха! — сказала громко девочка, — вот оно что! Всё с вами ясно!

Она так сказала, потому что поняла, в чём дело. Она быстро умела факты сопоставлять и поняла — это же название фильма на экране сейчас светится! А за спиной, за спиной у неё просто гости из дружественной страны разговаривали.

А потом девочка ещё часто в кино ходила, и садилась смело всегда на любое место, потому что знала, что в кино всё понарошку бывает и бояться в кино тоже нужно понарошку. Ну, так, чтоб другие просто думали, что тебе страшно.

Смелая девочка и писатель с бородой

Однажды девочка изучала творчество известного писателя. В библиотеке изучала. Вот значит подходит уже к концу это самое изучение. Переворачивает девочка предпоследнюю страницу, а там на последней странице вместо текста — большая дырка с рваными краями.

— Непорядок это, — сказала сама себе девочка.

Потому что там на последней страничке самые главные выводы творческого наследия писателя были сформулированы. А девочка уже к тому времени начитанная была и на белом листочке сама выводы написала и в книжку вместо дырки вложила. И сдала книжку библиотекарю.

Вот идёт она по улице, как раз мимо памятника этому писателю и вдруг видит, что писателю всю его бороду снегом засыпало.

— Непорядок это, — опять сказала сама себе девочка.

Взяла веточку и убрала снег с бороды. И тут вдруг подходит к ней мальчик в круглых очках и говорит:

— Молодец девочка. Второй день за тобой наблюдаю. Всё у тебя теперь будет хорошо, только ты не ешь сладкие конфеты.

Сказал мальчик это и исчез.

Девочка пришла домой, а там, на столе коробка лежит, а на ней записка: «Девочке от научного сообщества за большой вклад». Открывает девочка коробку, а там конфеты. Девочка вспомнила, что сказал мальчик в очках, и не стала есть конфеты. А самой то хочется... Руки так и тянутся...

Девочка на кухню ушла, а её что-то тянет прямо за уши к конфетам. Девочка в шкаф залезла, но и там её тянет: теперь уже и за руки и за ноги.

А девочка изворотливая была, ловко она так мимо комнаты пробежала и на улицу вышла. И там с подружками долго играла. В это время мама пришла у девочки и её подружки, и они съели все конфеты. А девочка даже не притронулась к ним.

Она потом через несколько лет выросла, а конфеты так совсем и не ела. Как мальчик сказал. И фигура у неё была просто отличная. И мальчик в очках влюбился в неё и женился на ней. И они были счастливы. Это все, потому что девочка силой воли обладала и не ела сладких конфет. Ну, ещё, конечно, потому что в библиотеку ходила и училась хорошо.

Марина Волкова

ГУЛ: жизнь до жизни

Вместо предисловия

Всё, что изложено в тексте — моя личная, совершенно субъективная и потому верная интерпретация истории рождения «ГУЛ».

Замысел

«ГУЛ» (Галерея уральской литературы) задумана как серия книг, в которую вошли «самые важные стихи лучших представителей уральского поэтического движения за последние тридцать лет». Идея серии — Виталия Олеговича Кальпиди. Ко мне он обратился как к издателю (книги печатались в моей небольшой типографии и за мой счет) и как к специалисту по продвижению — чтобы вывести книги из узкого круга «профессиональных читателей» (поэтов) к читателям-неофитам (непоэты). Мое участие в проекте придало аббревиатуре второе значение: «ГУЛ» стал названием проекта, направленного на развитие региональных литератур и продвижение книг и поэтов УПШ (Уральской поэтической школы).

О разделении функций мы с Виталием Олеговичем договорились сразу же: он — со-ставитель, редактор и оформитель серии; я отвечаю за издание и продвижение книг. Правда, неприкосновенность границ соблюдалась только мной — я не вмешивалась в процесс

«ГУЛ» (Галерея уральской литературы) — это серия книг современных уральских поэтов и, одновременно, название проекта, направленного на продвижение уральской поэзии и развитие региональных литератур.

отбора авторов и составления книг, а Виталий Олегович, напротив, активно внедрялся и в издательский процесс, и в процесс продвижения (в частности, идея великолепной и авантюрной акции «Книга за день» — его).

Итак, составитель и редактор серии Виталий Кальпиди. Он же отбирал тридцатку авторов для серии. Число 30 было заявлено Виталием Олеговичем в самом начале проекта, и, как всякая точная величина, принесло немало проблем в ходе его реализации.

Как готовились книги?

Начну с абсолютного рекорда в книгоиздании поэтических книг: книги выходили со скоростью одна книга в неделю: 30 книг — 30 недель. Понятно, что никто другой такой рекорд повторить не сможет, потому что готовился к нему Кальпиди почти тридцать лет, издав за это время три антологии уральской поэтической школы (каждые семь лет — новая антология) и «Энциклопедию УПШ», ежедневно отслеживая, какие тексты, книги, авторы появляются на поле уральской поэзии.

Я легко согласилась на предложенный Виталием Олеговичем скоростной темп книгоиздания, потому что в своей команде я была уверена, а про Кальпиди думала, что у него к моменту обращения ко мне сложился и список авторов, и пулы стихов. И вот тут я ошиблась на все 100. Нет, и списки были готовы, и тексты ждали своего часа, но Виталий Олегович сумел всё это забыть, отбросить, зачеркнуть и начать готовить серию с чистого листа. Каждый автор был прочитан им заново — и старые стихотворения, и новые.

Процесс

Процесс делания книг выглядел так: мы с Кальпиди обсуждали, кто будет следующим (правда, слово «обсуждение» здесь совершенно условно: Виталий Олегович решения принимал единолично, я ему нужна была как слушатель, своим присутствием организующий процесс рассуждений вслух, и главное, что я должна была источать — восхищение, других реакций и не требовалось). Потом Кальпиди делал макет, присылал его в издательство, вёрстка шла корректору, экземпляр обложки распечатывали. При следующей встрече Кальпиди принимал корректуру, утверждал или не утверждал обложку (много возни было с цветом), утвержденный макет запускался в производство, цикл повторялся. В наших разговорах наших того времени собственно книгам и проекту уделялась мало внимания. Немного говорили о продвижении, немного об оргвопросах, а в основном совсем не о книгах и мероприятиях «ГУЛ».

Принципы отбора авторов и текстов

— В «ГУЛ»е представлен пласт поэтического движения. Именно — движения. Цитата из высказываний Кальпиди: «Мы предложили без сомнения поэзию — не лучшую или плохую, а именно поэзию — потому что она в движении. Иногда она не оформлена. Но

у неё есть единый стрезень — насыщенная агрессивная метафористика, развитая гипербарочная поэтика».

— Набор поэтов дает видение нынешних «границ» уральской поэзии, многообразия стилей, тем, форм. Серия — своеобразная визитка Уральской поэтической школы (УПШ). Забегая вперед, скажу, что и каждая книга — своеобразная визитка поэта, в каждую книгу Виталий Олегович включал стихи, которые могли бы дать представление о поэте, но в то же время не отпугнуть неопита чрезмерной сложностью текстов.

— Авторы «ГУЛ» подбирались только из поэтов УПШ.

— Автор или его наследники согласны на издание книги.

— Географический принцип (обязательная представленность трех городов Урала) и гендерный (обязательное присутствие женщин-поэтов).

— «Важные стихи», «Лучшие представители». С этих словосочетаний начинается аннотация в каждой из книг серии. Если первое словосочетание заставило задуматься авторов книг («а почему Кальпиди считает самыми важными стихами именно те, которые включил в книгу серии?»), то прилагательное «лучшие» вызвало прямо-таки бурю в среде поэтов (особенно среди тех, чьи имена не вошли в серию): каждый хотел быть лучшим и не хотел, чтоб лучшим становился другой. Некоторые приписали прилагательному «лучший» чуть ли не объективно-оценочный смысл, соревновательный характер, совершенно забыв, что редактором серии был Виталий Кальпиди, и это для него — стихи важные, авторы — лучшие. И сказать об этом вслух он не боится.

— И, возможно, главный принцип, — соответствие текстов критериям Виталия Олеговича. Любителям рассуждать про необъективность такого подхода отвечаю грубо: идите и сделайте так же по «объективным» критериям. К слову, у проекта «ГУЛ» недовольных и «оппонентов» в среде литераторов было много, в основном из тех, что не вошли в серию, а то и в УПШ. Некоторые даже грозились сделать свои проекты. Увы, на сегодняшний день ни один из них не родился. Правда, активность оппонентов повысилась на какое-то время — по количеству постов в соцсетях, количеству встреч с читателями, даже по выпуску книг — но только собственных.

— Единственный принцип, которым Кальпиди не руководствовался при отборе авторов, — его личное к ним отношение. Среди тридцатки есть и не самые любимые им люди.

Лирическое отступление от принципов

После выпуска серии у Виталия Олеговича наступил период разочарований, настолько мелкими ему показались тексты. Кальпиди всегда ждёт большего, практически невозможного от авторов. Его авансы безразмерны, как и ожидания. Он легко очаровывается и трудно разочаровывается. Когда он читает подборки чужих текстов, Кальпиди видит потенциал поэта, его возможное далёкое будущее, возможные (гениальные, конечно же!)

Старт «ГУЛ» — 1 февраля 2014 года.

Первая книга серии появилась

*21 февраля 2014. Скорость
издания книг — по одной в неделю.*

*В серии вышли 30 авторских книг,
один дайджест.*

тексты, и очаровывается этими перспективами. И с высоты такой планки последующее разочарование неизбежно. Но для авторов именно эта планка невероятных ожиданий и есть место роста, потолок, под которым есть воздух, которым дышать, и куда расти.

И ещё. Кальпиди как-то говорил о поэзии как об оптике, как о системе

Первое мероприятие проекта «ГУЛ» — 12 марта 2014.

В проекте «ГУЛ» около сорока подпроектов. В пятнадцати регионах России и в Беларуси состоялись сотни мероприятий, в которых приняли участие тысячи слушателей и читателей. Подобного опыта издания и продвижения книг в России не было.

линз, позволяющей видеть по-другому. У самого Кальпиди таких «оптических» наборов несколько. И наборы редактора, культуртрегера позволяют менять масштабность текста и поэта, то рассматривая их в упор (и приходя в ужас от увиденного), то сквозь призму времени и поэтически пустого пространства Урала (и восхищаться, довольно потирая руки), то отбрасывать всё на века (и опять скорбеть по мелочности талантов и неинтересности личностей).

Когда художник такого масштаба, как Кальпиди, начинает продвигать поэтов заведомо слабее себя, это называется самоотверженностью — отверженностью от себя. Человек отвергает самого себя ради боль-

шого количества людей. На первый взгляд, чистый альтруизм. Но это и единственная возможность измениться самому — может быть, главная возможность для художника.

Составление книг

Общая схема составления на первый взгляд проста: в начале книги 2–3 ударных текста, в конце обязательный «фетиш», удержание ритма внутри книги, сочетаемость соседних текстов, учет графической стороны вёрстки...

Но за простыми рецептами скрывается таинство. Виталий Олегович составляет книги так, что и автор, и читатель оказываются равны перед книгой: к ним книга является неизвестной, незнакомой. Не знаю, делает ли это Кальпиди сознательно, или книга становится загадкой для автора по другим причинам (скорее, второе), но факт остается фактом: все авторы, чью реакцию мне удалось наблюдать, удивлялись и отбору произведений для книги, и самому построению книги, и почти все говорили: «Я бы сделал не так». Отличия «так» и «не так» простое: Кальпиди думает книгами, а авторы для книг выбирают лучшие, на их взгляд, стихи. Для Виталия Олеговича книга — единый текст, и он составляет книгу из стихотворений как из строительного материала, как стих — из таинства, мысли, строк и строф. Автор, получивший подборку собственных стихов, сделанную Кальпиди, знакомится со своими текстами заново, у него появляется шанс вырастить в себе читателя (а это совсем другая позиция и другая работа!). Некоторые авторы через какое-то время понимают (и даже пытаются освоить) редакторско-читательскую логику Виталия Олеговича, другие отмахиваются и делают очередную сборник (не книгу!) из «лучшего», не сумев прочесть себя и обрекая читателя на непрочтенность собственных текстов.

Дизайн, формат и прочее

Дизайн, оформление и название серии тоже придуманы и сделаны Виталием Олеговичем. Моя задача в этом процессе оставалась максимально простой: генерировать восхищение. Формат книги, идея с автографом автора на кальке, дизайн обложки появились и были утверждены почти сразу же, весело, по-хулигански, с учетом типографских (весьма скромных) возможностей.

Объем всех книг одинаков — 60 страниц, а вот количество стихотворных страниц внутри книг варьируется. Кальпиди в книгу включал действительно только лучшие стихи, заполняя оставшиеся страницы текстами из Энциклопедии УПШ. Минимальный текст об авторе (краткая биография, филологическая маркировка — все из Энциклопедии) присутствует во всех книгах.

Первоначальный тираж каждой книги — 200 экземпляров. Да, ещё надо сказать о знаках («логотипах поэта»), которые украшают каждую книгу. Все знаки Виталий Олегович придумывал и рисовал сам. Большинство поэтов отнеслись к эмблемам как к тексту, кинувшись его расшифровывать. И наверняка правильно сделали.

И что дальше?

А дальше будут другие книги и другие проекты. Один из гуловских подпроектов — серия «ПроГУЛки. Город N». Первая книга серии («ПроГУЛки. Екатеринбург») родилась 9 октября 2014-го, во время акции «Книга за день», в сотрудничестве со Свердловской областной научной библиотекой имени В.Г.Белинского. В течение дня семь поэтов «ГУЛ» поработали редакторами, составителями и корректорами сборника, выслушав двести двенадцать поэтов из пяти регионов России. Надеюсь, что рано или поздно вместо значка N в названии книг появятся Пермь, Ульяновск, Красноярск...

Вслед за сборниками будут рождаться и сольные книги. Авторам «ГУЛ» я предложила «сделку»: гуловский поэт готовит к изданию книгу начинающего автора, а затем я делаю книгу редактору-составителю (см. «Кодекс провинциального поэта» Виталия Кальпиди).

Первой такой книгой стала книга Марины Лихомановой, подготовленная гуловцем Сергеем Ивкиным. Ещё три поэта «ГУЛ» работают над составлением книг дебютантов, но точных цифр, сроков и прочей жесткости в серии «ПроГУЛки» нет: это возможность, а захотят/смогут ли поэты её реализовать — их выбор.

Неотвратимым будет только выпуск книг совместно с Виталием Олеговичем. Нами «утверждены» две книги, одну из них активно обсуждаем сейчас, пытаюсь сохранить роли в нашем тандеме.

Ждите!

Юлия Подлубнова

Лежало озеро с отбитыми краями...

Думаю, не одна я заметила, что понятие литературной школы в критических и вслед за ними литературоведческих дискурсах употребляется сейчас далеко не своем классическом значении. Школа нынче вовсе не означает наличие связующей её участников фигуры учителя, не означает, что имеется общая эстетическая и художественная платформы. За школу часто принимается культурное гнездо, когда определенное количество поэтов живет близко друг другу, в одном городе или регионе, встречается, общается, издаётся под одной обложкой, так и тяготеет к тому, чтобы это количество было осмыслено одновременно, как целостное явление. Или, в другом случае, школа видится как историко-художественная парадигма: если взять всю неподцензурную поэзию одного города, региона, начиная с Серебряного века, отбросить конъюнктурщиков и откровенных графоманов, соединить все это с самым современным видением развития поэзии. Понятие школы размывается, но альтернативы в околопоэтических дискурсах не предлагается, так что согласимся с тем, что имеем: множеством «поэтических школ» по всей стране и за её пределами, число которых только растёт.

Для меня очевидно, что школа, будучи термином не всегда удобным, когда речь идет об эстетике и поэтике, является более чем эффективной номинацией, когда необходимо обозначить какую-то социокультурную общность, произвести разметку и выстроить иерархию поэтического пространства. Наблюдая за уральской поэзией, могу отметить, что школы нередко создаются проективным способом, для получения символической власти над не менее символическим поэтическим пространством, а затем для реализации собственной концепции развития современной поэзии в регионе и проекции её за его пределы. Так создавалась легендарная Уральская поэтическая школа, логично переименованная её создателем Виталием Кальпиди в Уральское поэтическое движение, но все ещё ощущающая на себе инерцию бренда школы (чаще всего этот феномен называют по-прежнему, ещё не привыкнув или уже не привыкнув к почти завершённому ребрендингу). И полагаю, именно таким путем, путем проективным, будет раскручиваться уральская Озёрная школа, про которую собственно и пишутся эти размышления.

Замечу, что Кальпиди в своём стремлении к централизации сходу поглощал или нежно адаптировал поэтические феномены и образования, уже существовавшие в регионе, обходя, впрочем, совсем неудобоваримое или сильно большое, поглощение которого было бы с технической точки зрения весьма проблематичным, то есть нечто, имеющее известность, нередко превышающую его собственную, кальпидиевскую, — вроде Ксении Некрасовой, родившейся на Урале и состоявшейся как поэт в Москве 1930-х, от которой в любом другом случае с захватской легкостью можно было повести генеологию УПШ, или вроде «уктусской школы», радикальный авангардизм которой так и не был понят и принят Кальпиди, что «уктусской школе»¹, возможно, только на пользу: всё-таки самостоятельный и серьезный феномен, а не элемент огромной персонифицированной структуры, претендующей на тотальность. Озёрная школа, которую сейчас усиленно мастерит Александр Петрушкин из имеющегося под рукой материала в противовес проекту Кальпиди, похоже, идёт по тому же пути: вбирая уже существующее и поверяя настоящее прошлым и прошлое настоящим. Сколько проекций у Озёрной школы? Да множество! Если термин «озёрная школа» был удачно подобран четой Слепухиных и Петрушкиным по пришествии идеи создания альтернативного поэтического движения на Урале какое-то недалёкое время назад, то поэтов, причисленных гуртом и скопом к новой школе, сложно назвать новичками. Александр Петрушкин, Евгения Изварина, Наталья Черных, Сергей Слепухин, Дмитрий Машарыгин, Наталья Косолапова, Маргарита Еременко — список наверняка уже рассматривается на предмет обновления. Уже сформировавшиеся поэты, как правило, с историей, которая и станет достоянием Озёрной школы, и составит её гордость, её символический капитал.

Что объединяет этих поэтов? По мысли Петрушкина, прямая причастность к локусам, расположенным по периметру околочелябинского озера Иртяш: Кыштыму, Касли, Озёрску. Последний город более чем знаков: уже сейчас новообразующуюся школу называют то «озёрной», то «озёрской». «Озёрская», конечно, точнее, но «озёрная» своей номинацией укоренена в поэтическую традицию, что на этапе становления проекта в сто раз важнее географической точности. Объединяет также принципиальная молодость поэтов, собираемых ныне для создания нового уральского бренда. У самых старших год рождения — не раньше 1968. И не то чтобы 1968 значим в контексте построений Петрушкина, хотя с точки зрения истории год был ещё тот, но самой молодостью участников, пусть и относительной, детерминируется генеалогия явления: прямая связь с уральским андеграундом и отсутствие

¹ «Уктусская школа» (1965–1974) — первое неофициальное художественное объединение Свердловска, в которое вошли поэты, художники, практики авангардного искусства Ры Никонова, В. Дьяченко, Ф. Волосенков, С. Сигей, Е. Арбенин, В. Кикин, А. Галамага, считавшие себя продолжателями зауми русских футуристов.

подобной связи с советской традицией, как бы держащейся на кондовом официозе, хотя, конечно, подобное суждение — поверхностное, но углубляться в советскую литературу сейчас не хотелось бы.

Новая Озёрная школа, без сомнения, манифестирует и связь со старой Озёрной, той самой английской, конца XVIII века, школой Вордсворта, Колриджа и Саути, которую тщательно изучал и любил наше «поэтическое все» А. С. Пушкин. Если формулировать кратко, то для поэтов этой школы были характерны консерватизм, религиозное мировоззрение, отказ от рационализма, интуитивизм, апелляция к внутреннему миру человека, интерес к истории и натурфилософии. С той поры обозначенные принципы не раз составляли творческое амплу поэтов, в том числе и русских, вовсе не всегда ориентирующихся именно на Озёрную школу, как правило, вообще не ориентирующихся. Что касается зарождающейся уральской школы, то для её создателей важен, скорее, прецедент: вот вам жизнь в нашем уральском Озёрном краю, вот вам замечательные поэты, вот вам принципы, которые номинативно совпадают с тем, что мы перечислили, и даже историзм оказывается востребован, раз оглядываемся на Англию двухвековой давности, вот вам готовая школа, школа под ключ, школа с традицией, любите и жалуйте.

Можно не сомневаться, если бы не было УПШ, то идея ОПШ моментально пошла бы в поэтические массы и была повсеместно поддержана.

Я почти дала ответы на вопросы, кому и зачем нужна новая школа. Впрочем, проговорю ещё раз: Александру Петрушкину, поэту, литературтрегеру, редактору журнала «Новая реальность», куратору сетевого проекта «Мегалит» — всех достижений Александра приводить нет смысла, но из уже перечисленного не сложно сделать вывод о масштабе его личности и влиянии на литературный процесс. Конечно, раз есть собственное раскрученное имя и есть амбиции, то находиться в тени Кальпиди никому не хочется, а на Урале вся молодёжь, в том числе 40+, неизбежно располагается в этой тени. Так рождаются альтернативные поэтические проекты, которые тем не менее не смогли пока преодолеть магнитного притяжения УПШ. В этом отношении права челябинский издатель Марина Волкова, провозгласившая однажды, что чтобы ни делала молодёжь, как бы ни бунтовала — всё идет в копилку УПШ/УПД, всё работает на бренд. Однако чем сильнее привязка к бренду, тем очевиднее попытки от него оттолкнуться. В этот раз получается: новая «школа» против старой «школы», и возможно, УПШ в этом споре придется-таки уступить часть уже размеченной территории. Хотя, если честно, сильно сомневаюсь.

Программные заявления создателя ОПШ направлены, между тем, не только в пику УПШ/УПД. Есть ещё один поэтический центр, точка оттолкновения для Петрушкина, который имеет эстетические установки, казалось бы, противоположные лелеемым на Урале консерватизму и традиционализму. Насколько я понимаю, имеется в виду молодёжь, активно публикующаяся в журнале «Воздух»², и на сайте «Полутона»³, плюс круг альманаха «Транслит»⁴, а также так называемая «нижегородская волна»⁵ — в общем, те авторы, которые целеустремленно уходят от тоталитаризма и нормативных практик классических традиций и ищут новый язык для адекватного воздействия на реальность, экспериментируя не столько со словом, сколько с сознанием реципиента, а по сути, напоминая о магической

² «Воздух» — журнал современной поэзии, издаваемый с 2006 г. Д. Кузьминым, имеющий установку на поддержку новаторских практик в поэзии.

³ «Полутона» — сайт, близкий в своем понимании современной поэзии журналу «Воздух».

⁴ «Транслит» — литературно-критический альманах, издающийся с 2005 г., эстетически заостренный на инновационных практиках.

⁵ «Нижегородская волна» — понятие, очерчивающее литературные активности круга молодых поэтов Нижнего Новгорода (Е. Суслова, А. Филатов, С. Радостина и др.).

функции поэзии, хотя и не обозначая её именно как магическую. Неприятие этих практик в случае Петрушкина, думается, объяснимо личной неприязнью к некоторым молодёжным лидерам тех кругов, разумеется, снобам, подчеркнуто не замечающим того, что не входит в поле их прямых интересов. Другая причина находится в плоскости психологии и связана с непроявленностью желания увидеть, осмыслить и принять проект будущего, создающийся в кузнице экспериментирующей поэзии. Это более чем характерно, ибо в нашей стране в последнее время будущего в самом широком смысле как объекта проектирования вообще не существует. Будущее — главная фобия, от будущего в панике бегут в прошлое, в историю, в традицию. Затем и потребовалось ОПШ, чтобы не окостенеть в УПШ, но и не оказаться в таком страшном и неуправляемом будущем, где, так и представляется, не будет устойчивых ориентиров и не будет места ни для кого, ибо будущее видится однозначно репрессивным. Поэтому проще в условиях непредсказуемости устоять коллективно, собрав вокруг себя верных единомышленников. А лучше не только устоять, но и использовать ресурс символической власти и изменить под себя то, что окажется способным к изменению.

Отмечу, что радикальное отталкивание ОПШ от условных экспериментаторов больше похоже на жест. Стоит вспомнить, насколько неконвенциональна и суггестивна поэзия самого Петрушкина. Или пристально посмотрим на творчество Евгении Извариной, традиционность которой, мягко говоря, эфемерна и обусловлена лишь восприятием поэтических форм, но не смыслов и способов смыслопорождения. А Наталья Черных и вовсе — один из авторов «Полутонов» со всеми вытекающими отсюда художественными последствиями. Другими словами, моделируемая Озёрная школа в эстетическом отношении оказывается негомогенна, интенции её авторов разнородны, как разнородны и художественные практики, и мы снова возвращаемся к размышлениям о несоответствии столь распространенной номинации «поэтическая школа» реальному положению вещей в регионе.

На этом логично было бы закончить, однако никогда не лишнее пожелать хорошему начинанию удачи. Пусть все цветы цветут, пусть хорошей поэзии становится больше и её читают, пусть проекты живут, даже если они иногда так напоминают мифы.

Елена Оболикшта

Маленький личный карнавал против всепоглощающей смерти

О неизбежности авторского обаяния

Погружаясь в речевой массив поэтической книги с тем, чтобы как-то отрефлексировать её, сразу задаёшь себе вопросы, на которые надо ответить, прежде чем начать. Первый вопрос — метод, естественно. С помощью чего мы отправимся от одного берега и достигнем другого? На какой-то лодке? Может, вообще в чем мать родила? (Эй, не балуйся!). Если температура воды позволяет, конечно. Думаю, в случае с текстами Яниса мы смело можем на это решиться. Главное, быть привитыми от укусов всяких подводных жителей, неочевидных, но ядовитых. Кроме этого, в случае с Грантсом, нам не избежать и вопроса — стоит ли игнорировать личное обаяние автора? Стоит ли отбрыкиваться от навязчивого авторского чтения, которое упрямо крутится на экране внутреннего зрения/слуха? Ведь принято рассматривать тексты как таковые (а бывает ли, чёрт возьми, хоть что-то в жизни «как таковым»?), разбирать их на кусочки, препарировать, проводить инвентаризацию — сколько там у нас хороших эпитетов и удачных рифм, раскладывать по кучкам лапки, головы и хвосты стихов. И никакой автор с затейливой биографией и навязчивым обаянием нам тут не нужен, его принято вычитать из общей суммы впечатлений. И я почти всегда с этим согласна. Автор когда-нибудь умрет, а стихи пойдут дальше по телу времени, пачкая его

своими трехпальными следами. Но почему мы должны всегда помещать себя в точку, в которой никогда не окажемся? Равноудаленные от нашего «здесь и сейчас» будущее и прошлое все время провоцируют на мифологизацию их. Будто есть какая-то абстрактная вечность, из которой можно вычесть человека, молча курящего на балконе... и дым от его «Петра», например, медленно протягивается из окна, складываясь во что-то вроде:

*смерть приходит тихая
ты по барабану ей*

Человек с грустным и внимательным взглядом пса бассет-хаунда выдыхает ещё пару строк «Петра», кивает исчезающему извилистому дыму, погружает тлеющий окурок в консервную банку, поджигает губы. Да, решено. Он позвонит. Он скажет всё, что... Но сначала — уже в комнате — ходит кругами, и:

*человек несёт больную
птицу к ветврачу.
он бы продал мать родную,
чтоб помочь грачу.*

Зная Яниса уже несколько лет (несколько — это больше пяти, дружище!), наблюдая Яниса в светской беседе, в совместном пении и распитии всего на свете, спящего на диванчике в ресторане на моей свадьбе, на большой сцене и его любимой уютной кухне, в компании замечательных балбесов и всех остальных друзей, невозможно не заметить:

*а я такой, я тонкокожий —
не в переносном, а в прямом.*

Да. Тонкокожий, тонкий. И ещё — острый, многоугольный. А вот это — «Вас передашь одной/Ломаной, чёткой линией» — про него тоже, не только про А.А. Стоит на сцене, ещё молчит, вот-вот начнёт читать. Всматриваемся. Высокий, худой. Странная кофта с ковровым рисунком, джинсы, которые будто парят в воздухе (есть ли там ноги?). В этой одежде он как нарисованный. И шарф, обязательно. Волосы до плеч, слегка небрит. (Говорят, Водолеи — это что-то среднее между безумным шляпником и Мэрилин Монро. Наш герой — и то и другое одновременно.) И так, он читает. Голос — боюсь, что это так, дружище, — древесный. Потрескивание веток в костре, но переведённое на перманентный выразительный гул.

И у каждого горящего дерева — свой тембр. Прокурен — да, но сохранил и краски, и диапазон. Читает всем телом — руками, лицом, вприсядку и вприпрыжку. Более того, его повседневная речь почти идентична его стихам. И как можно вычистить такого поэта из его же собственных текстов? Никак, много потеряем. Есть случаи, когда стихи стопроцентно могут без автора. Эти — конечно, сдюжат (ты бы употребил подобное слово, да ведь, Янис?), но им будет одиноко. Как и их создателю было бы без них. Безусловно, в данном случае обаяние личности — не вычитаемо, а вот метод? Его, собственно, нет у меня. Мешает пушистый комок дружеских чувств и сильное желание остаться субъективной. Впрочем, доверимся вышеупомянутому авторскому обаянию, с ним, как с аквалангом, и будем погружаться в «Стихи 2005–2014».

Отчего тётя смеётся?

...

*мужа и сына похоронила выдала дочь
за корсиканца
вот и придумала сланцы
вот и смеётся
кот о венозные ноги трётся
тётя смеётся
смеётся
смеётся
а что ещё остаётся*

Действительно, а что ещё. Похоже, существует черта, за которой уже невозможно продолжать изводиться жалостью к себе и воспринимать происходящее всерьёз. Вопрос только в том, что же пришлось пережить и переплавить внутри себя, чтобы перейти эту черту в поэзии? И потом — тётя. Откуда это детское обращение? Момент детской дразнилки или «домика», куда можно спрятаться от всего страшного и взрослого? Намеренно детский как бы примитивный тон, игра (но не заигрывание!) с собой и с читателем, детская лексика (не только в стихах, написанных для детей) — всё это есть в поэзии смеющегося Грантса. Очевидно, что смех и скоморошество нужны Янису не просто как спецэффекты для публики. Здесь нечто большее. Смех — единственный способ произнести вещи. А произнести их — значит справиться с ними и пережить их. Пережить — значит жить дальше. Смеховая же культура стара как мир, в отличии от её исследований. Бахтин, Аверинцев, Генон, Карасёв, ещё ряд имен — а универсальной теории смеха так и не существует. Почему и зачем человек смеётся? И над чем именно? Да, различают так называемый смех тела — силы и здоровья, сытости и мощи, превосходства; «смех ума» — от способности человека видеть парадоксы и несправедливости жизни; карнавальный смех в средневековой культуре — освобождение от тяжкой жизни и переворачивание с ног на голову социального неравенства, создание весёлой относительности господствующих правд и властей; на Руси — в отсутствие карнавалов — смех олицетворяли скоморохи, через которых транслировалась та же возможность освобождения, снятия напряжения, перерождения и обновления, сбрасывания старого мира и убеждения себя в правомочности принесенных жертв. А жертва — это всегда кровь, казнь и расправа. Именно это лежит в начале всякой карнавализации (в данном случае ход моих рассуждений соответствует логике С.С. Аверинцева). Так что без жертвы — никакого праздника не получится. Тётя похоронила мужа и сына (тут трагедия), выдала дочь за корсиканца (в целом неплохо, но дочь далековато теперь живёт), у тети варикоз (однозначно

плохо), сланцы продаются хуже и хуже, так что ничего другого не остается, кроме смеха. Этого у тётки не отнять никакими силами. В этом — тёткина свобода от тягот жизни и даже от-носительная, но всё-таки победа над смертью. Этот механизм освобождения и обновления, перехода в новое качество и интересен Янису Грантсу, ведь для него:

*смерть приходит буднично
как ненастоящая*

Именно так, как это происходило бы на средневековом карнавале. Я вполне могу себе представить, как выглядела бы такая смерть. Ровно так, например, как двойник Фаины из фильма Ренаты Литвиновой «Богиня: как я полюбила». Ведь пока героиня блуждала по ту сторону зеркала в мире теней, в нашем мире присутствовал вместо неё двойник — рас-трепанная, с диким размазанным макияжем, совершенно безумная женщина, неряшливо одетая и в одном из эпизодов увешанная нелепыми полиэтиленовыми пакетами. Облик та-ких городских сумасшедших (будничный, в общем-то) для Яниса имеет, видимо, тоже от-блеск чего-то сакрального, как в стихотворении «Троллейбус»:

*с пола поднимет. уронит с колен.
свой бесконечный полиэтилен.
что ты там ищешь, смешная душа?
на «станкомаше» выходит, шурша.*

Шурша. Может быть, эта душа, покидающая троллейбус, тоже временный «заместитель» какого-то любителя побродить по ту сторону вещей. И заметил ли её кто-нибудь, кроме Яниса? Пожалуй, это мог быть только ребёнок. Детский лепет и металлический привкус смерти. Да, они вполне могли оказаться в одном троллейбусе, ведь рождение и смерть — всегда рядом, а если совсем редуцировать, то это одно и то же — переход в новое качество и состояние. Поэтому в стихотворении про Люсеньку — умирает мать героини, но Люсеньке совершенно нет до этого дела, ведь ей нужно перепеленать её сына:

*только Люсей не подмечен он,
целлулоидный обман,
двадцать лет живёт в младенчестве,
не взрослеет мальчуган*

Правда, здесь нормальный архетип рождения-смерти отравлен безумием героини, ведь она двадцать лет пеленает картонного ребёнка, совершенно потеряв чувство реальности. А в финале, когда похороны Люсе наскучили, она рвется к сыну, но «тётки злючие» (очеред-ное детское словосочетание) не пускают. Как сам автор относится к происходящему? Ведь он, по сути, только излагает нам эти (не)выдуманные истории. Его отношение (а значит, и он сам) просвечивает через его лексику и тон отчаянного скоморошьего веселья:

*а Серёжу Парамонова
полюбляли — будь здоров!
а от голоса евонова
посхождали все с умов.*

Но потом начинается мутация, лакация (от слова «лакать»), и Серёжи Парамонова нет, а остается только безостановочно качающийся голубой вагон. Но сходили с ума — именно

от голоса Серёжи, которого давно нет. Впрочем, всё это, как «вечный трёп о моряке», «ничегошеньки не значит». Можно сказать, что детский лепет и шутовство помогают Янису рассказать о каких-то иномирных феноменах — например, о человеческом безумии и о смерти. Ведь когда смерть приходит буднично, она, возможно, не так страшна, а шуршащий полиэтиленом городской сумасшедший и вовсе смешон, и картонный ребенок Люсеньки обязательно оценил бы такое зрелище, если бы был живым. И поехали бы они все вместе в одном троллейбусе вместе с Серёжей Парамоновым, который обязательно спел бы про голубой вагон. Глядя на страшное (читай: принадлежащее к иному миру) глазами ребёнка и/или скomorоха, можно качественно преобразить его в смешное, пропитая его своей живой энергией, сердцебиением и нервами. Ребёнок имеет право реагировать на страшное как угодно, ребенку многое простительно. Хоть дядя Янис и не вернется в детство, но именно с помощью него вполне сможет, посмеиваясь, дожить до старости.

Как аффекты делают нас уникальными

Но не все так просто. Плыдем дальше и, казалось бы, вода прозрачна и безобидна, периодически нас жалит и кусает местная флора/фауна. Кто же они, эти глубоководные хищники? Или уместнее спросить: не кто они, а что? Ранее мы уже имели счастье наблюдать в поэтическом мире Грантса примеры искаженной психики и реакций его героев — Люсенька с картонным сыном, пытающаяся сбегать с похорон собственной матери. Но бедняжка Люся не одинока в своем безумии — здесь и десятилетний сын свинобоя, который с упоением изрекает:

*люблю я молочных
кормить поросят
пока их мамашки
на крючьях висят*

Здесь же и дочь канатоходки и метателя вместе со своим странным братом:

*я дочь канатоходки и метателя
ножей в канатоходку и в меня.
ещё есть брат. погодок. сверхстарательный.
он дрессирует птиц. он невменяем. он не говорит по-человечьи.*

Думаю, можно смело сюда отнести и вот такую семейную парочку:

*хватит продавливать диван
мне нечем кормить ребёнка
говоришь ты
я ж вымащивал тебе дорогу благими
я ж подаривал тебя дорогими
говорю я
хватит издеваться
ребёнку нечего жрать
орёшь ты
я последний шанс русской литературы
ору я*

А ещё — плачущий, как ребёнок, убийца и по-детски же объясняющий свой не евангельский поступок:

*убийца будто в капсуле летит
в зрачке того кто им вот-вот убит
убийца плачет я же не хотел
но он махрой делиться не хотел*

А ещё — вот такой льющий воду блаженный с дырой в башке:

*льёт воду пока говорят
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
ты жалок
в башке с охрененной дырой
с улыбкой бродячей собаки
как самый заглавный герой
из аки каурисмяки*

Достаточно взглянуть хотя бы на этих убогих, да и вспомнить ранее упомянутую шуршащую пакетами душу из троллейбуса. Отчего они так важны Грантсу? Не потому ли, что все они — маргинальны? Ведь каждый из этих чудил — образчик пограничного состояния, а может быть, уже и прошедший точку невозврата психопат. Такое пристальное внимание к черте предела, за которым уже не действуют законы обыденной жизни и здравого смысла, напоминает трепетное отношение к юродивым на Руси, через которых божественная воля транслировалась особым образом. Известное дело — человеческий разум примитивен и ограничен в сравнении с Богом и его возможностями, а потому — юродивый и убогий человек лишь кажется нам таковым, на самом же деле в нём концентрируется мудрость и благодать в непривычном для нас, может быть, даже пугающем виде. Но, как видно из приведенных цитат, далеко не все убогие герои Грантса безобидны так, как шуршащая полиэтиленом душа из троллейбуса или Люся с её картонным сыном. Чаще всего это обычные люди в необычном для них состоянии — оно то больше всего и интересует поэта. Аффект, нервный срыв, страх, фобия, полное безумие — такое случается едва ли не с каждым из нас. Эти состояния, как увеличительное стекло, показывают нас ровно такими, какие мы есть. Не больше и не меньше. Слабыми, инфантильными, уставшими, готовыми переступить любую черту в определенных обстоятельствах (например, если кто-то откажется поделиться махрой). Да, впрочем, вполне маргинален и лирический герой по имени «Я»:

*я пришёл: воротник засаленный,
да и сам-то весь замусоленный.*

*я так ждал тебя! ждал, и — стало быть —
я не ждал ничего хорошего.*

...

*нешадно режут автогеном
глазное днище.
как мне живётся? офигенно!
на пепелище.*

В состоянии аффекта происходит, как ни странно, освобождение от наносного, социокультурного, лакирующего действительность, чтоб она больше походила на рекламный ролик. И потом, такие состояния не редкость. Они обнажают пороки и слабости, нелюбимую изнанку вещей. Но именно этим маргиналы и интересны Янису, ведь они для него честные и настоящие. И потом — они близкие и реальные собеседники и соседи, а значит, в них и надо искать истину, которая всегда где-то рядом. Да, Грантс не из тех, кто поехал бы к тибетским монахам, с упоением читал бы богословскую литературу или парил бы в позе лотоса под потолком, держась за воздух, напичканный благовониями. И поиск каких-то мифических просветлений, ангельских ликов — тоже не для него. Аффект и маргинальность — самое горькое и в то же время самое доступное для наблюдения и изучения человеческой природы. Похоже, наш поэт вообще не верит, что человек способен стать лучше, усовершенствоваться физически и/или духовно. Это для него — утопия. Поэтому аффекты гораздо предпочтительнее, и в них всегда присутствует момент освобождения от идеологических и культурных установок, в которых стирается личное, а остается одно публичное. Только через аффект, по Грантсу, можно увидеть уникальность. В свете таких рассуждений крайне интересными мне кажутся строки:

*я вполне похож на труп.
да.
на собственный мой труп.*

Уникальность (читай: ценность, неповторимость) самого себя здесь очень важна, ведь герой не просто отмечает недостатки своего внешнего вида сходством с трупом вообще, а именно со своим собственным и ни с чьим больше. Кроме того, если герой способен отмечать своё сходство с чем бы то ни было, значит, он совершенно точно ещё не труп. Но сходство обычно отмечают с тем, что появилось раньше, поэтому получается, что герой каким-то образом уже мог наблюдать себя в виде трупа до того, как ему случиться им стать. Возможно, здесь я вчитываю излишнее содержание в этот текст, но есть настойчивое ощущение, что этот образ крайне симптоматичен. Условность времени в моментах жизни и смерти, как будто безразличие к тому, что герой всё-таки ещё жив, несмотря на то, что похож на свой труп — все это своеобразное метафизическое преодоление страха смерти. Преодоление — опять же! — карнавальное (пусть и через сравнение), как если бы герой специально нарядился своим же трупом. Такое сравнение доступно, пожалуй, только в состоянии аффекта. В состоянии, в котором каждый из нас уникален и может играть в любые игры, быть тем, кем захочет и хоть ненадолго спрятаться от смерти.

Итак, финал.

Итак, Янис Грантс и его стихи — это абсолютный монолит. Часто спрашивают, мол, а это у него настоящее имя? Проще поверить, что нет. А его образ на сцене и в жизни — будто нарисованный, опять же — как ненастоящий. Много детских словечек и скоморошества — одна сплошная игра с читателем (как будто опять всё не по-настоящему). Куда ни посмотри — везде личина, где же истинное лицо? Но это неправильный вопрос, разумнее поинте-

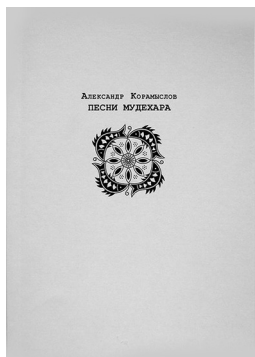
ресоваться, а зачем личина вообще нужна? Во время любого карнавала яркие и жутковатые маски олицетворяют принадлежность к иному миру. Делается это для того, чтобы скрыться от смерти, предъявив ей не свое лицо, а фальшивое, искаженное, чтоб она не обратила внимания и прошла мимо. Страх смерти — свойство человека, а не сверхчеловека. А что говорить о тонкокожем человеке-тополе? Его герои маргинальны, почти всегда в состоянии аффекта, что и делает их уникальными, а значит, ценными. Этот маленький личный карнавал Яниса Грантса — против всепоглощающей смерти, против боли и одиночества, доводящих некоторых до безумия, против всего обобщающе-безличного и наносного, стерилизующего жизнь до холодного хайтековского интерьера безлюдных офисных зданий. Пусть лучше дворник приберёт всех мёртвых птиц (включая и некоторых из нас), а мы постоим, посмотрим. Но пока у нас есть возможность приобщиться к этому карнавалу —

*ничего не случится, пока
пока
дворник утрамбовывает в мешки
мёртвых птиц
(граблями за бока).*

Янис Грантс. Стихи 2005–2014 гг. — Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2014

Улыбка Гуинплена

Александр Корамыслов. Песни мудехара. — СПб: Свое издательство, 2014

Количество привычных вещей, населяющих пространство жизни, определяет степень комфорта существования. Куда как удобнее просыпаться каждое утро в одной и той же кровати, ходить по одному и тому же коридору до ванной комнаты или кухни, пить один и тот же кофе из одной и той же чашки, потом ехать на работу обычной дорогой, общаться с людьми, которых знаешь как облупленных, к вечеру снова возвращаться в один и тот же дом и ложиться спать, опять же, в одну и ту же кровать. Конечно, первая реакция на вышесказанное будет негативной. Читатель поспорит, мол, обыденность, рутина, быт и всё, что близко родственно к этим понятиям, утомляет, мешает развиваться личности — душе необхо-

дим полёт в неизведанное, а мысли — постоянная «смена картинки» — предмета познания. Это не так.

*Штирлиц идет
по коридору — раз,
Штирлиц идет
по коридору — два...*

Попробуйте лишить себя привычных вещей: жить в другом доме, ходить на другую работу, общаться с незнакомыми людьми. Поменяйте жену/мужа, выгоните собаку, заведите кошку. Новая жизнь на какое-то мгновение создаст иллюзию праздника. Но сколько драгоценного человеческого времени вам потребуется на то, чтобы привыкнуть к новым вещам? Жизнь не просто останавливается. Вас отбрасывает назад на несколько лет. Вы будто снова оказываетесь первый раз (пусть и в другом, но всё же) в первом классе. Дальше — хуже. Скоро вы поймёте, что махнули, как говорится, не глядя — шило на мыло. Как отпала душевная необходимость в первом предмете — шиле, так и не стало никакой необходимости во втором — мыле. А может случиться и такое, что, обретя мыло, вам вдруг

остро понадобится шило. Тогда вы непременно приметесь коротать часы досуга, оплакивая безвозвратно утерянное. Не надо отказываться от того, что имеете ради чего-то эфемерно другого. Лучше добавьте к хорошо знакомому что-то новое. Пусть будет больше привычного. Ещё больше. Ещё. Познание самого себя, равно как и окружающего мира, через увеличение количества хорошо известного. Чем больше точек опоры, тем твёрже шаг.

*Штирлиц идет
по коридору — восемь,
Штирлиц идет
по коридору — девять,
грянул бы Штирлиц
орлом оземь,
обратился бы облаком,
полетел к деве...*

*Пусть ещё не пора —
но можете
не сомневаться —
он всё-таки выйдет,
с молитвой под козырьком,
наружу.*

*Штирлиц идет
по коридору — семнадцать
горячих мгновений неся
сквозь цифровую стужу...*

Пример внутреннего обогащения — не за счёт

полного отказа от сложившихся в современной русской поэзии традиций, но за счёт приращения к ним вновь появившихся неслышимых смыслов — хорошо виден в книге стихотворений «Песни мудехара» Александра Корамыслова. Подчёркнутая необязательность формы не конфликтует с привычной — устоявшейся. Она не выступает противовесом классической, не отрицает её, но отстаивает право на равенство при совместном существовании. Почти как существование разных человеческих рас (и цивилизаций, кстати) при равных правах в одном, едином пространстве. Привычные читательскому глазу «возвышенные» кирпичики четверостиший вполне гармонично соседствуют с прозаическими клочками фраз, которые похожи на выданные из газетной передовицы унылые строчки. Можно было бы усмотреть в поэтике Александра Корамыслова элементы эклектики, если бы бессистемность в выборе авторских средств была напыщенно явной. Но продуманные, почти ступенчатые, аккуратные взлёты и падения мешают подобной оценке. Слишком упрощают. Автор находится в процессе упорядочивания хаоса. Он хорошо понимает предзнаменование каждой вещи, поэтому знает, где они должны лежать и где они лежат сейчас и, главное, почему произошло так, что вещи оказались не на своих местах.

*апостол Петр приходит
в ЦЗН
с молочным пакетом
документов
и ключами от определенного
места жительства,
где деньги никогда
не лежали*

Александр Корамыслов живёт на родине Чайковского — в городе Воткинске. Участник Российского Товарищества поэтов «Сибирский тракт». Имеет длинный ряд печатных и сетевых публикаций в региональных, столичных и зарубежных литературных изданиях. «Песни мудехара» — его первая книга, составленная из некоторых текстов последних двенадцати лет.

*Ты узок вширь и мелок
вглубину —
как Вотка, у которой жил я
в детстве —
любимый город, воткнутый
в страну —
флажочком в карту самых
разных действий...*

Сергей Круглов, написавший к этой книге предисловие, относит автора к «добродетельным постмодернистам», которые, сродни архивариусам, занимаются тем, что приклеивают бирочки с названиями ко всему, что попадает им в руки. Соглашусь отчасти. Безоговорочно с эпитетом «добродетельный», ибо злого умысла в намерениях автора нет. Однако усомнюсь в приверженности Корамыслова к самому «постмодер-

низму». Ведь человек, взявший на себя обязательства дать имена всему сущему, обогатить его новыми возможными значениями или хотя бы попытаться вернуть исконные, уже по факту своего действия не может быть постмодернистом. Здесь как раз очевидный конфликт с внешним миром. Автор испытывает душевную боль аутиста, который не выносит беспорядка. Всё должно быть чётко на своих (привычных) местах. Подписано, пронумеровано, недвижимо без острой надобности. Явное несоответствие внутреннего мира с внешним. Скорее всего, автор живёт в окружении людей, которые дальше постмодернизма — носа своего — не видят. Они дают авторитетом, усиливают значение постмодернизма, делая его единственно значимым в условиях современности. Но, несмотря на это, автор сопротивляется. Даже такая вещь, как ирония, являющаяся чуть ли не основой данного направления, у Корамыслова кажется на грани истерии. Фактически улыбка Гуинплена, дескать, хотели посмеяться, так смейтесь, смейтесь как я. Только глаза полны слёз. Возьмите хотя бы название книги: веет чем-то трагическим от словосочетания «песни мудехара». Потому, наверное, общая интонация стихотворений Александра Корамыслова в одинаковой мере и крик, и шёпот. Получается такой эффект, что, читая книгу в уравновешен-

ном состоянии, она кажется спокойной, как прикладбищенский ветерок. Берёте в руки в «заведённом» состоянии и она тут же имитирует дребезжащий звук будильника, который разбудил вас в тот момент, когда сон только-только начался.

*некто растерянный
не знает, как вбить гвоздь
в стену
а ему говорят-кричат:
у тебя рук, что ли, нет?*

*некто возбужденный
не может найти женщину
а ему шепчут-шепчут:
у тебя рук, что ли, нет?*

Что удивительно и мало кому сейчас удаётся, автор идёт дальше ненавязчивой игры с формой. Говоря обо всём понемногу, не закливаясь на отдельных вещах, он увеличивает пространство представленного в «Песнях мудехара» мира, тем самым давая возможность читателю оценить масштаб работы, которую необходимо сделать для упорядочи-

вания хаоса. Фольклорщина, исторические события, приемы современности, персонажи книг, фильмов, анекдотов, детсадовские шутки, библейские мотивы, слова из учебника по экономике, канцелярщина, высокий слог, жаргонизмы... Кони, люди, залпы тысячи орудий — всё смешалось в доме Облонских — в книге стихотворений Корамыслова. И вдруг из всего этого хаоса вырастает «сказка о белом бычке» — рассказ об эволюции сознания сигареты: от ощущения себя частью табачных плантаций — метафора земного рая, до бычка, оказавшегося в пепельнице — метафора адского котла, в который попадает он с лёгкой руки женщины, потушившей его. Смешно? Конечно же, смешно. Но при этом очень уж страшно, особенно будучи мужчиной-читателем.

*Так вот и стал
Салем-с-Ментолом
белым бычком.
Лежит он теперь среди*

*собственного пепла —
и вспоминает былые
времена.*

Здесь нужно отметить, что «замах» автора важнее (значительнее) проделанной им самим работы. Что-то в меру своих сил он уже исправил — вернул, как говорится, на место, но основная работа ещё впереди.

*Я тоже среди них.
Я тоже — среди вас,
судорожно
занимающихся
последним
безжалостным делом.*

Делом губ утопающего...

И если читатель рискнёт поверить в необходимость этой работы, то ему придётся вместе с автором изрядно потрудиться, и не факт, что они смогут сделать хоть малую толику того, что было намечено. Но попробовать надо. Хотя бы начать.

Дмитрий Артис

Путешествие вглубь семьи

Иван Колпаков. Мы проиграли. — М.: Времена, 2015

С места в карьер, напролом, окончательно решившись, начинается «Серф» Ивана Колпакова. Первые главы его биографии звучат так, будто неоднократно прокручены были в голове, с

каждым кругом отстраняясь от эмоций, которые вызывали у рассказчика изначально, и одновременно углубляясь в них. Колпаков начинает говорить так, как присуще персонажам, ко-

торые до самой развязки кажутся злыми, но таят в себе трогательную историю. Рассказывая о безответной любви, Северус Снейп из черствого преподавателя превращается в верного

самоотверженного юношу. Превращение может быть и обратным — из божьего одуванчика в жестокого злодея: из очаровательной Миранды Тейт в Талию Аль Гул, жаждущую убить мистера Уэйна. В любом случае речь, предшествующая ему будет обладать теми же свойствами — прямоот, остраниенностью, решимостью сказать все, до последней капли. Так говорит и Колпаков, стремясь во что бы то ни стало зачеркнуть ранее сказанное, которое было все «не то».

С самой глубины, до которой он успел докопаться, прежде чем заговорить, звучит: «Я пустышка». «Все ждали, когда отец умрет», «Кто он мне?» «Я любил его» — здесь уже поставлен главный вопрос и дан вполне однозначный ответ. дальше — рефлексия, попытка понять причины и следствия. Понять человека, предпочитающего плыть по течению, корабль которого уже пересек границу неземного.

Отношения с отцом — пульсирующая сердцевина рассказа, ответвления которой пронизывают все вну-

треннее пространство текста, то и дело выходя наружу. Тема эта вечная, но не вневременном, литературном смысле, а применительно к отдельно взятой, предельно личной истории, пересказ которой чужими устами лишает её смысла. Все найденное в себе автор фиксирует с дотошностью капитана, продолжающего вести бортовой журнал, несмотря на то, что после бури вынужден продолжать путь в шлюпке вместо парусника.

Помимо сложных отношений с отцом автобиографичный Колпаков характеризуется стремлением к личному пространству, желанием поставить на паузы воспроизведение социальных ролей. Из этого стремления быть угрюмым вытекают ироничные замечания о природе современных отношений между людьми. «Психоаналитики — скромные винтики современной индустрии, возвеличивающей индивидуальность, раззадоривающей расфуфыренных индивидов, ощутивших — вдруг, целым поколением! — собственную индивидуальность<...> Так жрите одиночество ложками, отчего вам не нравится этот подающийся к блюду индивидуальности соус?». Одиночество фиксируется Колпаковым как должное и в моменты утраты, когда независимо от наличия людей поблизости человек остается один на один с собой.

Помимо этих повторяющихся мотивов книга содер-

жит отрывочные заметки о музыкальных, литературных и иных предпочтениях автора, написанных в стиле блога в интернет-пространстве. Мы узнаем, что Колпаков любит Мишеля Уэльбека и не любит Фредерика Бегбедера. Впрочем размышления о вещах, не связанных с центральной темой повествования, поданы вполне в духе последнего. Оба срывают романтические покровы со своих профессий. И тот, и другой, афористичные, дискуссионные по существу суждения подает безапелляционно. «И все вокруг — пустышки» «так вам всем и надо — вот мой меседж своему поколению», — заявляет Колпаков. Во всем отвлеченном, что не касается главного, он ироничен.

Наиболее цепкие фразы вынесены на обложку книги, оформленную в стиле портала «Медуза». Портал был запущен в 2014 году, для работы над ним Иван Колпаков переехал в Ригу из Москвы, где руководил отделом специальных корреспондентов «Ленты.ру». А до этого Иван Колпаков жил в Перми. Работал в местных изданиях, и на заре «пермской культурной революции» основал вместе с Маратом Гельманом и Иваном Давыдовым интернет-газету «Соль». Пермь в текстах Колпакова так или иначе осталась — так любое прошлое следует и путешествует вместе с его носителем. «Не бывает счастливых ко-

чевников, переселенцев и эмигрантов», — пишет он.

Вряд ли в число тех, кто «проиграл» входит целое поколение. Скорее часть его, бегущая от вчера и силящаяся узнать себя в завтрашнем «я». Впрочем в это «мы» и жители исчезающей Кудеды, и примерзшие к автобусам пермяки, и все человечество может вместиться, со своим хрупким существованием. Но только не отец и сын Колпаковы. Они продолжают, итог не подведен. Об этом автор заявляет,

заканчивая «Серф». Конец выходит слегка натянутым, не вытекающим из предшествующих мыслей. Зато два уже публиковавшихся ранее рассказа — «Аральск» и «Дальний свет» становятся тем органичным завершением, которое в «Серфе» скрыто — со слезами, с катарсисом, с болью, тонущей в тумане.

Стоит прочитать «Мы проиграли» как единое целое. «Старые» тексты в книге размещены в конце и воспринимаются вместе

с повестью как единое целое, и потому — по-новому. Между новым и «хорошо забытым» помещаются около десятка, написанных в 2007 году, стихотворений. За несколько страниц до них Колпаков рассказывает о стихах отца, цитирует записи из его записных книжек. Поэтому читая появившуюся дальше поэзию, можно подумать, что она — метафизическое продолжение Колпакова-отца.

Кристина Суворова

Импрессионизм в зеркальном лабиринте

Елена Сунцова. Точка шепота. — New York, Ailuros Publishing, 2014

Екатерина Симонова. Елена. Яблоко и рука. — New York, Ailuros Publishing, 2015

Елена Сунцова — один из тех авторов, чью литературную генеалогию можно вести от Афанасия Фета, его лёгкого — нет, робкого, нет, не робкого — дыхания, его импрессионистического — так что всё и остро, и расплывается — взгляда.

*Тихое утро
Облаком между рам
Спряталось, будто
Все ещё вчера.*

*Первые тени,
Смутные зеркала.
Я бы хотела,
Чтобы так жизнь
прошла.*

*Чтобы махали
Сквозь молодой туман*

*Наших дыханий
Липы ветвями нам.*

*Чтобы ресницы
Луч щекотал в окне.
Будто не снится
Утро такое мне.*

И шёпот в названии книги — тому фетовскому шёпоту отвечает, и серебро, и колыханье — Урал это, Нью-Йорк или Петербург. Но здесь перед нами не картинка. В процитированном стихотворении зафиксированное внутреннее и внешнее состояние прямо называется сном, но важны не дефиниции, а само размывание, казалось бы, предельно визуализированной, представленной в ощущениях реаль-

ности. То, что может быть воспринято как реалистическое, оказывается мистическим. Елена Сунцова — поэт-фотограф, со всеми этими остромодными примочками и фильтрами, с десятком сменяющихся объективов, но она же — и поэт-визионер. Визионерство сегодняшнего дня оказывается предельно бытовым, приземлённым, с котиками и чайными чашками, но приземлённое — это и есть то, что приземлилось, то что сейчас на земле, а раньше, может быть, всего минуту назад, ещё парило над ней.

*Котик кверху брюшком
тает и воркует,
Горе, как салфетку, душу
расправляет.*

Причём ярко, безвариантно, мистическими оказываются, пожалуй, первые 10–15 стихотворений книги подряд, в первом стихотворении обращение к возлюбленному «ты» вообще читается в абсолютно суфийских традициях — знаем мы, что там за «Ты»:

Говорят,
 Что в последний миг,
 Если, конечно, речь не идет
   о взрыве,
 Жертва всегда произносит
   имя убийцы:
 Кричит его, выцарапывает
   на камне
 Или на том, что под руку
   подвернется,
 При этом, ещё надеясь
   остаться целой,
 Имя шифрует, оставив,
   остыв, загадку.
 Так и я без устали
   произношу твое имя,
 Пряча его в облаках, снах,
   цитатах, кронах
 Голых деревьев:
   они обязательно
   возродятся,
 Прошелестят, прошепчут,
   откроют тайну —
 Что может быть на свете
   ее банальней.

*Той, что в любви всегда
   каждый миг последний,
 Каждый рассвет в разлуке
   не свет, а мука:
 Если бы не умирала,
   не знала жертва,
 Как упоительно складны
   слова в кроссворде,
 Как близнеца в потоке
   находит лодка,
 Как восхитительно головы
   кружит листьям
 Маленький смерч
   влюбленного в осень лета.*

И этот заданный в начале импульс уже не позволяет ошибаться, читать всю книгу целиком как только лирические заметки, исповедальные-интимные обрывки.

Разговор о фетовском, импрессионистическом начале в поэзии Елены Сунцовой может вывести на ложный путь, адресовать её поэзию к традиции раннего модерна, к первым попыткам выхода из рамок классического сознания. Это, разумеется, не так. Елена Сунцова очень современный поэт — и технически: скользкая ассонансность её стихов очень индивидуальная, ищущая, а то, что периодически

она перебивается чёткостью, формульностью верлибров создаёт совершенно особый ритм уже не отдельного текста, книги как таковой, одновременно целостной и дробящейся; и, что ещё важнее, экзистенциально: перед нами сознание сегодняшнего дня, хоть постмодерном его по старинке называй, хоть постпостмодерном — уже даже не клиповое, а облачное — сохранить в облако? клик — предельно децентрализованное, но вспыхивающее тысячами центров-лампочек, каждый из которых — я, и всё вместе — тоже я.

*В эту дверь уже не
   постучат,
 Голос исчезающий ворчлив,
 И рукой отрубленной
   причал
 Машет малышу: чей, чья,
   чье, чьи.
 Мой, моя, мои, но не мое,
 Наше, наша, наши,
   но не наш,
 Эта партитура не совет,
 Набело отточен карандаш.*

Центральные образы символы книги — пожалуй, зима и рождество. Обманчиво обращающие к диккенсовскому уюту у камелька, особенно в книге Елены Сунцовой — автора нежного, сентиментального, дорожащего мелочами, любым проявлением человеческого тепла — они на деле являются тем, чем и являются: временем страшным, холодным, изнанным, оборотным (и «Рождественская песнь»

ведь на самом деле очень грустная и страшная книга — дядя Скрудж только у Диснея добрый, да и то...). И чудо, преобразование возможно только потому, что вообще-то мир — трагичен, иначе бы и преобразаться было нечему.

*Январский воздух как ожог.
Вслепую тянет нить,
Ее серебряным ножом
Отсечь, остановить
Под силу только нагоме
Древесного хлыста
В холодных прутьев
темноте*

*Пожару перестать.
И не металл от языка
Ты отдираешь, боль,
Смотря, как в стынущих
руках*

*Качается Стокгольм,
И сердце тоже смотрит
вверх
И слышит тоже стук,
И колокольчики овец,
И первую звезду.*

Изнанному времени зимы-рождества противостоят море — единственная радость. Но ведь по своему определению и реальность моря двояка, зыбка, а иногда и полна угрозы. И даже в лучшие моменты море не только тёплое, но и солёное. Две точки опоры: зимняя — рождество, и летняя — каникулы на море — не только никакой опоры не дают, но и обещают нечто совершенно противоположное, мало ли что мы про них себе выдумали. Не точка опоры, но точка шёпота, солинка в раковине колыхнется вслух.

*Только привыкла, приникла
только
К нежному морю
в расщелине серой,
Как дирижабль относит
ветер
Вновь далеко
от причальной мачты.*

*Только и помню, что было
счастье
Только вот в сердце сидел
осколок,
Соли прозрачной кривой
хрусталик,
Он-то и делал меня
несчастной.*

Словом, книга Елены Сунцовой — очень правдивая, и визионерство её есть прозрение этой правды.

И в тоже время это книга, печальная и безжалостная реальность которой напрочь лишена цинизма: это мир безжалостен, а по эту — жалко, оттого и котик, и цветок, и ласковая волна, и неважно уже — привиделись они или были.

Другая книга издательства «Айлурос» — «Елена. Яблоко и рука» — также полна современных интерпретаций мистики.

Уже название книги Екатерины Симоновой погружает нас в пространство символического. Кроме общепринятых символов — яблока и руки — и имя Елена не только имя собственное, но и обладает очень мощным культурным контекстом: Елена Троянская — символ красоты. Символизм предельно

биографический, неотчуждённый — Елена здесь и историческая Елена со всеми нюансами гомеровского сюжета и вполне конкретные люди, адресаты многих стихотворений, собеседники, в том числе и литературные, поэты Елена Баянгулова и Елена Сунцова.

Именно поэтому и интересен общий разговор о двух книгах сразу — Елены Сунцовой и Екатерины Симоновой: обе они важны и сами по себе, стадии на пути авторов, и как части поэтического диалога, общего контекста, заложенного ещё «нижнетагильской поэтической школой», которая во многом собственно они и есть (учитель — Евгений Туренко — тоже назван в новой книге Екатерины Симоновой; Елена Баянгулова, как поэт дебютировавшая позднее, также может быть отнесена к этой школе).

Если мистические настроения, уловленные в рецензируемой книге Елены Сунцовой, в целом для автора не являются лейтмотивными или во всяком случае не стоят на первом плане, то в случае Екатерины Симоновой дело обстоит иначе — она неоднократно заявляла о себе, как об авторе, интерпретирующем и преломляющем — буквально алхимически — средневековый мистико-религиозный сюжет, кульминацией чего на данный момент можно считать её предыдущую книгу — «Время».

Проход человека сквозь время оказывается сюжетом

и новой книги — путешествие не в одиночестве, но рядом с близким человеком, и всё-таки в одиночестве, потому что по другому не бывает. Это во многом прустовский сюжет. В триптихе (а множество работ в книге представляет собой минициклы) «Зеркало», на первый взгляд рассказывающему о тоске по детству и по людям из детства, герой проходит сквозь зеркало — то ли своего нынешнего дома, то ли дедовой дачи, где гостил ребёнком, а скорее — обоих одно-, но и разно- временно, и таким образом возвращается сам к себе, но к себе во сне — человек дробится на множество «я» — «я» прошлого и настоящего, «я» прошлого, которое уже знает, что оно прошлое и прошлого, которое об этом знать не может, потому что оно ещё собственно и не прошлое, сна осознающего себя как сон и не осознавшего, а оттого, следовательно, и не сна, и так далее, и так далее... это, собственно, уже не зеркало, а лабиринт зеркал, который уже в другом стихотворении, но всего через несколько страниц, сливает мириады отражений не в одно даже отражение, а собственно в того, кто отражается.

*это нежность забытых
вещей
заставляет их обнажать
себя.*

*ты понимаешь:
твое отраженье с тобой
слилось.*

*и это неточно: зеркало
или рука.
и это неважно:
ждать вместе,
врозь.*

Любовь, внимание к другому человеку, пусть также предельно закрытому, тайному, не возможность диалога, но сама попытка его построить оказываются единственным выходом из зеркала Мёбиуса:

*и остаётся одно:
держат её за руку, потому
что только её глаза
видят сквозь этот мрак,
как сквозь стекло.*

Это цитата из цикла «Виночерпий», в контексте нашего анализа важного так же тем, что здесь впервые в книге (потом это будет ещё) Екатерина Симонова прибегает к приёму средневековой мистической поэзии, уже отмеченного нами в сборнике Елены Сунцовой — смысл местоимения «ты» двоится и размывается, может называться как божество, так и любимого человека; однако в финале цикла Екатерина Симонова решает этот вопрос однозначно, делая текст не религиозным/любовным не «или», но «и» — возлюбленная здесь, оказывается, не «ты», но она, так что на роль «ты» остаётся Единственный кандидат.

В предисловии к книге «Елена. Яблоко и рука» Ольга Седакова отметила, что эта книга Екатерины Симо-

новой менее «сюжетна», чем предыдущая — «Время», и с этим трудно поспорить, потому что «Время» по сути является не сборником, но нелинейным, децентрализованным романом в стихах. Однако некий сюжет, хотя и сильно размытый дополнениями, ответвлениями и нюансами, есть и в новой книге. Это выход из зеркального лабиринта в Эдемский сад, и связующим элементами этих двух точек пути оказывается рука отражения/себя с яблоком, но, наверное, не соблазна, из Рая изгоняющего, а скорее наоборот.

Всё это сходится воедино в (полу)заглавном цикле книги «Елена».

*ты не плачь, ты не плачь,
всё пройдёт,
повторяю в последний раз
откуда-то сбоку,
и последнее яблоко вверх
подкидывает восход,
самому далёкому облаку —
за щёку.*

В книгах Елены Сунцовой и Екатерины Симоновой присутствует, разумеется, некий общий локус: Урал (или Россия), точно — Петербург и Москва. Для Елены Сунцовой всякое обозначение места — всегда точно-конкретистская вспышка в импрессионистическом потоке жизни «Глубоко под землей, где-то внутри земли, // Уральских камней, // Между Чкаловской и Геологической, // Снежным апрельским утром», для Екатерины Симоновой странство размывается и

нагружается символическими смыслами — *«кузнечик стрекошет, лето дрожит и плывет — // банным сереньким дымом, паутинкой в траве, // варят варенье, вишневый лист пытается перейти его вброд, // но засыпает, нет, погибает, под русскою пеной дней».*

Отношение к локальности может быть перенесено и весь поэтический метод:

Елена Сунцова говорит о реальности сегодняшнего дня в модусе импрессионистического улавливания ощущений, для Екатерины Симоновой современность встраивается в историю за счёт вневременной символики. При этом и в том и в другом случае реальность не сиюминутна, двойственна, метафизична. Это близость не поэт, даже не

взгляда на мир, но некоего особого нерва, который, может быть, свойственен нижепетельской поэтической школе вообще, может быть, объясняется не школой, а просто жизненными пересечениями, собственно человеческим, а может быть, есть свойство нашего времени вообще.

Евгения Риц

Озелененная территория

Если на минутку представить книги Екатерины Симоновой как парк, то их можно было бы охарактеризовать как парки французские, отличающиеся выраженной регулярной композицией, симметрией и подчинением заданной схеме — прямые аллеи, цветники, водоемы правильной формы — в таком парке практически невозможно заблудиться или потеряться, автор позаботился о читателе, создав такую структуру, которая сама будет вести от форзаца к форзацу. Книга же «Елена. Яблоко и рука» скорее напоминает континентальный (пейзажный, иррегулярный) парк — в ней главенствует гармония естественности, свободная планировка и природный ландшафт с оврагами и болотами, нет карты местности и ровных дорожек, а только полная свобода в интерпретации

текстов и расстановке акцентов.

Книга очень личная и искренняя, здесь нет игриваний с читателем или с формой, скорее это поэтический сборник, раскрывающий личность автора, его само- и мироощущение.

Стихи построены на непрерывном монологе, notwithstanding на обилие посвящений создается ощущение, что адресат не только и не столько человек, сколько некая наивысшая форма, сила, бесполое (так же представляющаяся то женщиной, то мужчиной), непостижимая, притягательная и бесконечно самоценная, безмолвная, всепрощающая и всепонимающая. Не так важно, КТО или ЧТО услышит автора, важно только говорение как способ осознания себя.

Стихи, составляющие книгу, по существу своему духовные, не религиозные,

а именно духовные — это чувствуется в изобилии темы дыхания, в символическом смысле олицетворяющего духовную мощь: так, например, в восточных практиках йоги с помощью дыхания пробуждается энергия жизни кундалины, которая призвана разорвать плоть и устремить душу к богу. В учении йоги «правильное дыхание» связано с «правильным голосом», необходимым для ритуального чтения священных текстов.

«Дыхание», связанный с ним «воздух» — как созидательное дыхание жизни — и следующие за ними «речь» и «голос», теряющиеся, замолкающие под воздействием «времени», ибо время уносит все и всех. Символы и атрибуты жизни замыкаются на времени (равнодушно уходящем), в осознании этого и страх забвения, и конфликт, и покорное принятие:

Так вот сидишь и дышишь,
сидишь и смотришь
На людей, уносящих свое
время

По берегу той самой
последней реки, бредущих,
Не помня ни себя, ни своей
печали.

И что остается? Только
книги,
Ещё не прочитанные, те,
которые прочитаны
никогда не будут,
Мягкий вечерний воздух,
Незаметная осыпаящаяся
ветка в окне.

Не рассказывай мне ничего:
ни доброго, ни чужого,
Не обещаю ни воли мне,
ни покоя,
Просто держись рядом,
не упускай из виду,
Потому что время уносит
нас,
Как друг друга теряющие
речь и голос.

Остановка дыхания есть
остановка жизни. «Жизнь
есть смерть», — утверждает
К. Бернар. Так, жизнь под-
чинена ожиданию смерти.
Это ожидание превращается
в навязчивую идею. Спо-
собом борьбы с фатумом, с
ожиданием неотвратимого,
неминуемого, противоядием
выступает любовь, но чув-
ство это настолько абсолют-
но, безусловно и несоиз-
меримо с чем-либо, что его
всегда недостаточно, всегда
мало:

зима разлуки обнимает
за плечи и
повторяет сто тысяч раз:

«любовь — это то,
чего нет у любви —
«сейчас»».

«сейчас» — туманная
категория бытия, такая же
туманная, как и «любовь» —
вроде бы оно есть, но как
определить и чем измерить?
1 секунда до — это уже про-
шрое, 1 секунда после —
уже будущее, определить
«сейчас» становится практи-
чески невозможно.

«смерть» — поражение
во всем, даже поражение в
любви:

вот ты уходишь,
потому что я — человек
без любви.
вот восстает
за моей спиной твоих
ангелов огонь,
пернатых крыл
крик, возмущенье,
и я понимаю — был,
был ты в моей крови —
смерти зараза,
бессмертья обман

Любовь подразумевает
дуалистическое начало —
одной её стороной является
союз, другой разлучение.

Любовь подразумевает
и адресата — человека, что
дает уже не только бытий-
ный, но и бытовой взгляд.

Начиная с текста «Дол-
гая ясная осень» более чет-
ко начинает чувствоваться
ткань жизни — появляется
больше физических дей-
ствий и вещей, персонажей,
усиливается ощущение вре-
мени и пространства — их
физическая связь и воздей-
ствие друг на друга:

знаешь, Елена, время нас
не щадит,
только деревья в саду
становятся выше

Физическое воздействие
времени неминуемо как для
адресата — человека, так и
для деревьев в саду. Автор
постоянно говорит о беспо-
щадности абсолютных форм
бытия, их атрибутов к хруп-
кому и всегда одинокому че-
ловеку.

Любовь, что зовется
эросом,
эрос, что зовется любовью,
дерево, что зовется
вечно зеленым —
ничто не избегнет
своего прекращения.

Все имеющее начало
имеет и логическое завер-
шение.

«Время уносит все», —
говорил Вергилий.
Время уносит все, начиная
с Вергилия»

Страх потери, одиноче-
ства, возникающей пустоты
диктует спасение в оди-
ночестве «сада» и «дома»
— символах огороженного
пространства внутреннего
мира, воплощении личной
среды, противопоставлен-
ной миру, лежащей вне его
стен:

одиночество — это то,
что нас утешает.
проходишь все комнаты,
одну за другою:
так проходят года —
неторопливо, беззлбно,

«Сад» или парк, даже иррегулярный, есть лишь иллюзия естественности: это искусственно созданная территория, закрытое приватное пространство, где нет ничего случайного или стихийного, каждая деталь неразрывно связана с автором, из слова в слово.

*все начинается и
заканчивается в саду*

*повторяющемся из дня
в день*

Сконструированный в книге мир, этот личный внутренний сад — вроде бы пространство, огороженное глухим забором, но в то же время это мир огромной широты восприятия (визуальный, аудиальный, тактильный, обонятельный, вкусовой) и безвременья, ибо

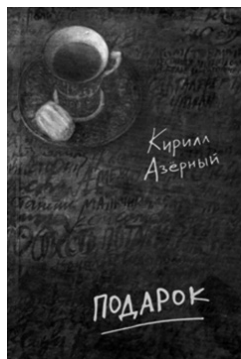
только здесь автор правомочен остановить время, чтобы прочувствовать.

*райские двери откроются
не тому,
кто хотел войти, но тому,
кто не стал просить,
кто, закрыв глаза, просил
тишину
за то, что нельзя говорить.*

Елена Баянгулова

Проверка на прочность

Кирилл Азёрный. Подарок. — Екатеринбург, 2013

В тексте Кирилла Азёрного вязнешь, рискуя не вынырнуть из очередных скобок, не прочитываешь — продираешься сквозь него. Одной такой «вылазки» явно недостаточно, чтобы быть вполне уверенным: вёл путь вперед, «через тернии к звёздам», или ты блуждал кругами меж трёх сосен. С его героями не знакомишься: подглядываешь, подставив шаткий ящик к их запыленному окну, стоишь, пока не озябнешь,

а схватить успеешь только тени в жёлтом свете да обрывки фраз.

«А в высоте — тут же, не отходя от мгновения — пронзенное множественными золотыми спицами сиюсекундное опровержение: пятнадцатиметровые, похожие на локоны (цветом — на волосы Мальвины, смертоносностью своей — Иродиады или Горгоны) щупальца португальского военного кораблика (девочки локоны, острие меча, уменьшительно-ласкательный суффикс, прозрачность Мнемосины... спустя два года, при нашей непосредственной встрече, я сперва не узнал вас без физалийского беретика, госпожа Жанна д'Арк), который так часто атаковал меня среди ночи, щупальца которого растворялись обыкновенно позже всего, роняя в вязкий

мрак бешено стучащееся сердце. <...>

И даже сейчас, осуществив главную, пожалуй, мечту всей моей жизни, я с каким-то сожалением вспоминаю, как она расцветала в моем сердце, какими новыми гранями сверкала её поверхность, какими разными тайнами светилась её суть, затмевая дрожание солнечного луча на поверхности кристалла. В зрелой, осмысленной мечте о Евгении (явившейся уже за год до непосредственного появления на свет девочки с таким именем), я с трудом и гордостью, как и сейчас, почти двадцать лет спустя, узнавал крохотного головастика из моего детства — тот солнечный луч, освещающий дно океана».

Цитата из повести «Подарок», недопустимо, может быть, громоздкая, во-первых,

описывает отношение главного героя к его племяннице Жене (ответенному самоанализу уделено в книге гораздо больше внимания, чем персонажам и описанию событий, происходящих с ними), во-вторых, предшествует единственному упоминанию о «буквальном», о веществе подарке, который девочка сделала своему дяде, а это что-нибудь да значит, учитывая название произведения. Наконец, цитата позволяет почувствовать, как сплетаются мысли, материализуясь в слова.

Отношения между героями «Подарка» и рассказов, предшествующих ему, как и отношения их с действительностью хочется назвать «нездоровыми» или, как минимум, «странными». Но здесь надо помнить, что смотрим мы на них сквозь мутное стекло и только догадываемся, по какому поводу они собрались в тесной комнате. Вот Невдверин приходит на свадьбу к своей любовнице, которую сам со сватал своему же подчиненному. Целует невесту, ждёт, пока безвольный жених даст ему отпор или пощёчину. Не получив ни того, ни другого, уходит в воспоминания о студенческой любви — спине и лопатках, виднеющихся под тонкой блузкой («Проблеск»). В пригороде Нью-Йорка пожилой преподаватель обнаруживает, что этим утром его жена не проснулась. Полагая по закону жанра умереть с ней в один день, он подводит черту, за

которой остаются смерти детей, незадаанные вопросы о других мужчинах, совместные потери и силы двигаться дальше. Читатель наблюдает за стариком, с улыбкой закрывая глаза на двусмысленность («Провинциальные жители»). В конюшне мальчик и девочка прячутся от своих родителей, боясь побоев, а в конце убивают невинного щенка, ставшего жертвой неизвестным богам («Селявисектор»). Все эти персонажи, незаметно проходящие по краю жизни, со своими скрытыми изъянами, оцепеневшие, напоминают героев «Снежной королевы» Майкла Каннингема: их порывы заранее обречены, какой живучей не была бы надежда на благополучный исход.

В повести «Подарок» главный «наблюдаемый» — девочка-подросток по имени Жена. Дядя Игорь, который прилично набрался, когда у его брата родилась дочь, теперь отдыхает с ней в санатории, гадая, познакомится ли Евгения со своим ровесником Максимом и вспоминая, каким она была ребенком, как выросла и менялась у него на глазах.

«...при фиксации в природе Жениных соответствий меня всегда охватывала жгучая ревность, особенно, конечно, разгоревшаяся в годы отчуждения, отмеченные старательным избеганием всяческого тактильного контакта (когда-то, в ответ на попытку обнять ее: «не нужно, дядя

Игорь, я простужена». Какая, право, трогательная забота!» В этом вскользь упомянутом «тактильном контакте» улавливается сходство с переживаниями набоковского Гумберта, но найдутся ли дальнейшие подтверждения этой догадки, зависит от того, как глубоко читатель проникнет в словесную чашу «Подарка».

Помимо этой догадки между «Лолитой» и повестью Азёрного общего не сыскать. Однако между авторами определенное сходство есть. Екатеринбургский прозаик и поэт Кирилл Азёрный пермякам известен более во второй своей ипостаси. В 2014 году он участвовал в фестивале «Компрос», где читал свои стихи — лёгкие, ясные и прозрачные. Его поэзия резко контрастирует со стилистически перегруженной прозой, что не редкость для авторов, работающих в обоих литературных жанрах. Владимир Набоков — яркий тому пример.

В прозе Азёрного заметно влияние набоковского стиля, но несмотря на то, что и там, и там нередко встречаются скобки, а диалогов, напротив, мало — это чисто внешняя похожесть. Роман Набокова имеет подзаголовок «исповедь». Как исповедующийся, его герой знает, в чем состоит его «грех». Текст Азёрного — длящееся на глазах читателя «самокопание», и копающийся, похоже понятия не имеет, что он найдет, разбередив себе внутренно-

сти. В первом случае, мысль героя, обращенная к читателю, с каждой скобочкой становится прозрачнее и чище. Во втором — запутанней и расплывчатей. Признания Гумберта в минимальной степени, но всё-таки, «причесал» издатель, рассказ Игоря никто посторонний, кажется, даже не пролистал, прежде чем он предстал читателю.

В тоже время «Подарок» — не поток сознания. Даже свободно текущий рой мыслей, по мере движения будет возвращаться за пояснениями. Если герой вышел из дома, чтобы купить курицу, сколько бы сторонних вещей поток не захватил, он непременно остановит сам себя, вспомнив о конечной цели. У Азёрного конечная цель всегда остаются где-то впе-

реди. Текст же все тяжелеет и набухает, будто нарочно, как отрывок произведения, которое автор готовит к «Тотальному диктанту», чтобы проверить сложные случаи расстановки запятых. Очевидно, таким образом автор исследует возможности языка, пробует его на прочность, не щадя при этом читателя.

Кристина Суворова

Человек с маяка

Александр Вавилов. Стихи 2001-2011 гг. — Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2014. — (Галерея уральской литературы. Кн.21-я)

Удивительно, что настолько выверенный сборник, в котором каждое стихотворение занимает строго отведенное место, каждое — история, которая имеет свое заглавие, — как этот сборник не получил имени собственного? Стихи четко ассоциируются с главами прозаического произведения. При этом единый текст сборника имеет кольцевую композицию.

Такая композиция в купе с яркими визуальными метафорами вызывает ощущение просмотра фильма с прологом, в котором «Фокусник утонул, как в реке топор...» и эпилогом, в котором главный герой ленты уходит в закат («...И осталось одно «вчера», / Где до самого потолка... / Я считаю, что мне пора»). А между прологом и эпилогом и проходит

основное действие книги-фильма.

Ни в коем случае не пытаюсь оспорить решение автора, всё же хочется позволить себе сыграть в эдакую игру: понять, каким может быть название книги. Таковое могло бы быть сформулировано, исходя из основных тем и сквозных образов сборника: вода (волны), Бог, клаустрофобия, время, культура. Темы и образы сплетены в единое целое не только при помощи формальных средств поэзии (ритма, рифм, длины строки), но и при помощи построения общей логической (я бы даже сказал — математической) схемы. Такая схема безусловно сближает поэзию Вавилова со стихами Бродского и, как ни странно, прозой Набокова. И в том и в другом случае перед нами гармония, поверенная ал-

геброй, — услышанные поэтом из высоких сфер ноты и рифмы поэт выстраивает так, чтобы читатель уловили тот посыл, который в стихе присутствует.

Итак, что же с названием? Возможно, «Синими волнами»?

Волны сборника Вавилова — это совокупность величин скорее метафизических. Плавные колебания внутри областей, ограниченных смертью и бессмертием. Волны, стремясь к берегам, рождают на поверхности пену, но сохраняют при этом глубину. Сквозные образы воды и всего, с водой связанного (море, волны, река Иордан, лужи, дождь, бухты, рыбы) позволили Вавилову создать мир с одной стороны герметичный, а с другой — абсолютно открытый и беззащитный:

*По обоям движется цунами,
И прибой вливается в отбой.
Комната, прокуренная нами...
Пустота, воссозданная мной.*

Обои, являющиеся не чем иным, как внутренней частью замкнутого периметра стен, одновременно становятся как бы прозрачными и вместо них является стихия моря. Вторит этому стихотворению, создавая образ замкнутого пространства, и другой текст сборника, «Ящик», в котором модернистский ужас побеждается языковой игрой:

*Панорама такая же, как и
все остальные до этого.
Что ты видишь вокруг,
кроме нашего черного
ящика?
А тому, кто с лопатой,
наверное, хочется
светлого...
Или темного пива, но главное,
чтоб настоящего.*

Так что же с названием? Всё-таки — «Клаустрофобия»?

Тема клаустрофобии реализуется на протяжении книги с помощью образов-ящиков (комната, палата, гроб, морг, госпиталь, камера):

*Комната в ранге космоса.
Ставка на тишину.
Вид из открытой комнаты
равен квадрату. Ты
Шепчешь: «Вставай,
поехали». Он говорит:
«Да ну».
Курит. Молчит на лампочку.
Смотрит из темноты.*

Ужас нахождения в замкнутом мирке ещё более подчеркивается проведением параллели с самым что ни на есть открытым пространством — вселенной — и использованием знаменитой фразы Юрия Гагарина. А далее перед нами предстанет завхоз в госпитале, у которого «под кроватью и судно, и старый баркас» объединяют две вышеназванные темы — воды и замкнутых пространств: в низком, тёмном, пыльном, страшном месте под кроватью, благодаря многозначности понятия «судно» и добавлению слова «баркас», появляется небольшая морская флотилия. Пространство размыкается и перед нами на короткий миг проскакивает океан (впрочем, довольно быстро мир «сворачивается» до пределов госпиталя.)

Так может быть, спасением от клаустрофобии выступит что-то другое? Может быть, не случайно в этом же госпитале врач «похож на да Винчи», а в стихотворении «Латиноамериканский вектор» «завотделением похож на Донателло»? И может быть названием книги могло бы быть, к примеру «Дурак и Донателло»?

Мама, обвиняя лирического героя стихотворения «Гармония» в излишнем употреблении алкоголя, осуждающе говорит ему: «Путаешь Караваджо с Буонаротти». Недопустимость такой ошибки — знак важности культуры для преодоления одиночества. Общий культурный багаж лирического героя с кем-либо из окружающих автоматически максимально расширяет (опять же — до бесконечности) границы вселенной. Творец по сути равен Богу:

*Будто на лёд намазывая
икру,
Завтракал Бог. Спал Босх.
И цвела вода.*

Вот и ещё один повод для заглавия. Слегка изменив строку Вавилова — «Одиночество в рамках Бога»? Тема Христа, напрямую почти не заявленная, тем не менее является одной из основных в книге. Во-первых, на неё намекает образ рыб. В контексте воды, реки Иордан, Ренессанса, времени, жизни и смерти, рыба, безусловно, выступает символом христианским:

*В беспросветном
сюрреализме нейтральных
вод
Одинокая рыба-реквием
ищет свет...
/
Вечер. Свердловск. Плотинка.
Пейзаж знаком.
Рыбы торгуют пеной.
Шумит вода.
/*

*Ты говоришь: «Простынешь!
Закройся, старче».
В третьей строфе об этом
карась из лужи
Ярко сказал. Хотя и бывает
ярче...
Плохо, что не всегда.
Никогда не хуже.*

Не определившись с названием, читатель с удивлением обнаружит, что все сквозные образы и темы служат лишь одному: попытке

преодоления одиночества. Попытке, кажется, неудавшейся. Несмотря на то, что лирический герой предстаёт в сборнике во множестве совершенно разных обличей — ни в одном случае он не избегает того, от чего пытается уйти. И все эти обличья, исчезающие, после того, как «примерены», оставляют одинокое «я» в пустоте. «Маяк» веры и высокой культуры, светивший в

волнах, оказывается не более, чем утопией:

*Днями он сидит и смотрит,
как идут века,
Как сменяются этапы
сумрачных годин...
Жаль, на этом побережье
нет ни маяка,
Ни людей, ни побережья.
Только он один.*

Александр Мусеев

Авторы номера

Марина Волкова родилась в 1958 году. Издатель, культуртрегер, автор и организатор социокультурных проектов: «Читательские марафоны», «История в лицах», «Я живу на Урале», «Современная поэзия. Современный человек» и других. Соавтор проекта «ГУЛ» (совместно с Виталием Кальпиди). Живёт в Челябинске.

Владимир Дерендяев родился в 1958 году в Глазове. Работал в Глазовском драматическом театре «Парафраз», на телевидении, в газете, Глазовском педагогическом институте и Лицее искусств. Писал сценарии, вёл ежедневную детскую передачу, детскую страничку в газете, играл в театре, вёл курсы игры на гитаре, руководил театральным отделением детской школы искусств. Публиковался в пермском детском журнале «Вездепрыг». С 2012 года живёт в Перми.

Владислав Дрожащих родился в 1952 году в Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырех книг стихов: «Небвоскресенье», «Блупон» (Пермь, 1992), «Твердь» (Челябинск, 2000), «Рифейские строфы» (Пермь, 2004). Публиковался в журналах и альманахах «Урал», «Несовременные записки», «Пастор Шлаг», «Уральская новь», «Вещь», «Лабиринт», «Антология тишины», «Юность», «Октябрь», «Золотой век», «Арион», «Дети Ра». Участник трёх томов «Антологии современной уральской поэзии» (Челябинск, 1996, 2003, 2011). Живёт в Перми.

Дмитрий Заболотских родился в 1962 году в Перми. Окончил Пермский государственный университет. Работал учителем, администратором на ТВ, руководителем театральной студии. Окончил Высшие режиссерские курсы при Госкино (мастерская В. Меньшова) (1991). Сотрудничает с пермской киностудией «Новый курс». Режиссер документальных фильмов «Урал впервые» и др. Снял короткометражные фильмы: «Требовательный гость», «Музыка равных вен», «Тест Роршаха». Поставил телеспектакли «Этот стул для Вас» и «Успех на эстраде — как это делается». Записал радиосериал по сказкам С.Козлова «Ёжик в тумане». Сотрудничает с театрами Перми: оперы и балета, кукол, Театром-Театром, «Большая стирка».

Георгий Звездин родился в 1978 году в Перми. Жил в Казахстане и на Камчатке. Окончил четыре курса Военно-морского училища во Владивостоке. Публиковался в журнале «Урал», «Воздух», «Урал-Транзит»; антологиях «11:33» и «Современная уральская поэзия (2004–2001)». А также в сетевых изданиях — «Мегалит» и «Пермский контекст». Живёт в Перми.

Михаил Куимов родился в 1993 году в Соликамске. Окончил геологический факультет Пермского государственного университета. Лауреат премии «Узнай поэта!» (2014). Победитель Пермского поэтического слэма (2014), конкурса «Решетовские встречи» в номинации «Поэзия» (2015), дипломант международного конкурса имени П.И. Шестакова (2015). Живёт в Соликамске.

Елена Обоикшта родилась в 1985 году в городе Новоуральске Свердловской области. Окончила философский факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького по специальности арт-менеджер. Окончила музыкальную школу по классу скрипки. С 2002 года является постоянным участником и лауреатом региональных и российских конкурсов и фестивалей авторской песни. Исполняет песни на собственные стихи и музыку, а также пишет музыку к стихам других поэтов. Участница литературного семинара Андрея Санникова при журнале «Урал» (с 2005 года). Стихи публиковались в различных литературных журналах, а также сетевых ресурсах. Лауреат межрегионального фестиваля литературных объединений «Глубина» (2008). Автор литературно-критических эссе и книги стихов «Эльмира и свинцовые шары» (Челябинск, 2010), удостоенной Большой независимой поэтической премии «П» (2011). Живёт в Екатеринбурге.

ОДЕКАЛ (Открытая ДЕлам КАлитка) — арт-коммуна, все участники которой имеют отдельные паспортные имена, места работы-проживания, армию друзей-родственников, личную жизнь, прочие признаки самостоятельных личностей. Хотя некоторые пронизательные критики до сих пор считают всех этих авторов масками одного. Запишем это на счёт отсутствия фантазии. Все особо интересующиеся могут погулять по Живому (во всех смыслах) Журналу <http://odekals.livejournal.com/>. Отдельным одекалонам «Вещь» уже посвящала выпуски рубрики «Архив ОДЕКАЛа».

Юлия Подлубнова родилась в 1980 году в Свердловской области. Поэт, прозаик, критик, литературовед. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Уральского государственного технического университета. Директор музея «Литературная жизнь Урала XX века». Публиковалась в журналах «Урал», «Октябрь», «Новый мир», «Дети Ра», «Вещь», «Новые облака», «Новая реальность» и др., в газете «НГ-ExLibris». Автор сборника стихов «Экспертиза». Составитель (совместно с К. Комаровым) антологии молодежной поэзии «Екатеринбург 20:30». Шорт-листер премии журнала «Урал» в номинации «Публицистика» (2013). Организатор литературных мероприятий в музее «Литературная жизнь Урала XX века», в том числе поэтических молодежных вечеров. Колумнист портала «Литература». Вошла в лонг-лист премии «Дебют» 2014 года в номинации «эссеистика». Живёт в Екатеринбурге.

Татьяна Соколова родилась в 1952 году в селе Чумляк Щучанского района Курганской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры (1974). Работала в районной газете и библиотекарем, преподавала литературу в школе. Председатель Пермской организации Союза писателей России (1998–2004 и 2007–2010). Лауреат литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2008) и журнала «Литературная учеба» (1989). Проза публиковалась в альманахах и сборниках «Литературное Прикамье», «По совести говоря» и журнале «Литературная учёба». Автор книг «Во глубине самих себя» (1988), «И пробегающая невдалеке река» (1990), «Другой трамвай» (2002), «Бомжик мой миленький» (2009), «Откуда прилетает ветер» (2013). Живёт в Перми.

Игорь Яковлев родился в Уфе. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета, аспирантуру кафедры Истории русской литературы XX–XXI веков. Дебютировал в 2014 году пьесой «Две истории о потере невинности и только одна о любви», которая вошла в шорт-лист Международного конкурса русскоязычной драматургии «Действующие лица» и заняла второе место на XII открытом Международном Волошинском конкурсе. Публикуемая пьеса «Гелиотропы в цвету» вошла в финал Международного драматургического конкурса «ЛитоДрама»-2015. Живёт в Уфе.

Андрей Якубовский родился в 1961 году в Екатеринбурге. Окончил философский факультет Уральского государственного университета (1984). Научный журналист (ответсек газеты «Наука Урала» Уральского отделения РАН), преподаватель Уральского федерального университета и Института гуманитарных наук и искусств. Автор двух поэтических книг — «Приятели поэта», 2011 и «Беспощадный постмодерн», 2015. Живёт в Екатеринбурге.

**Поддержка проекта была осуществлена в рамках
года литературы Министерством культуры,
молодежной политики и массовых коммуникаций
Пермского края**

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2015. — 120 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Издатель:
Борис Эренбург

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Анна Лукьянова

Иллюстрации:
Анатолий Френкель (обложка, стр. 3, 9, 14, 41, 47, 52, 72, 76, 78, 90)

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

© «Вещь», 2015
© Авторы, 2015
© Издательство «Сенатор», 2015

